И.В. Глушко

ДОВЕРИЕ И НЕДОВЕРИЕ

КАК СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Ростов-на-Дону, 2016

ББК 60.5
Г-55

Рецензенты:

член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор *Ж.Т. Тощенко*
доктор социологических наук *В.В. Кривопусков*

Ответственный редактор

доктор философских наук, профессор *Л.А. Савченко*

Г-72
Глушко И.В.
Доверие и недоверие как социальные практики российского общества. - Ростов н/Д: Изд-во «Фонд науки и образования», 2016.-280с.

Монография посвящена исследованию доверия и недоверия как социальных реалий в российском обществе. В рамках методологии трансдисциплинарного научного исследования доверие и недоверие рассматриваются, с одной стороны, как ментальные установки, которые выступают медиатором между социальной средой и социальными практиками, с другой стороны, как обусловленные этими ментальными установками социальные практики. В таком ракурсе трансформация доверия и недоверия как социальных практик в российском обществе изучается с точки зрения обусловленности институциональной средой и ментальными установками.

Работа может быть интересна широкому кругу специалистов в области социальной философии, политологии, социологии, социальной психологии, теории организации. Результаты исследования могут быть использованы для разработки нормативных стратегий функционирования и трансформационных изменений современного российского общества.

ISBN 978-5-9908990-4-9

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ……4

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ДОВЕРИЯ И НЕДОВЕРИЯ КАК СОЦИАЛЬНЫХ ПРАКТИК……..8
1.1. Доверие и недоверие в российском обществе как предмет научных исследований…… …….8
1.2. Категоризация доверия и недоверия как социальных практик……21
1.3. Методологический конструкт трансдисциплинарного исследования доверия и недоверия как социальных практик российского общества.……55

ГЛАВА 2. ЭКЗОГЕННЫЕ И ЭНДОГЕННЫЕ ФАКТОРЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ДОВЕРИЯ И НЕДОВЕРИЯ КАК СОЦИАЛЬНЫХ ПРАКТИК РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА….……...81
2.1. Теоретико-методологические проблемы изучения трансформации доверия и недоверия как социальных практик.……..81
2.2. Экзогенные факторы трансформации доверия и недоверия как социальных практик российского общества……102
2.3. Эндогенные факторы трансформации доверия и недоверия как социальных практик российского общества ……...118

ГЛАВА 3. ДОВЕРИЕ И НЕДОВЕРИЕ КАК МЕНТАЛЬНЫЕ УСТАНОВКИ: СПЕЦИФИКА ТРАНСФОРМАЦИИ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ……138
3.1. Теоретико-методологические проблемы изучения доверия и недоверия как ментальных установок……138
3.2. Трансформация доверия и недоверия как ментальных установок: от советского к постсоветскому обществу……...159
3.3. Доверие и недоверие как ментальные установки современного российского общества……....187

ГЛАВА 4. ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ДОВЕРИЯ И НЕДОВЕРИЯ КАК СОЦИАЛЬНЫХ ПРАКТИК В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ..….210
4.1. Теоретико-методологические проблемы изучения институционализации доверия и недоверия как социальных практик……..……...210
4.2. Ангажированность доверия и недоверия как социальных практик в процессе их институционализации в российском обществе …….....228
4.3. Институционализация доверия и недоверия как социальных практик: социальные последствия в современном российском обществе……..247

ЗАКЛЮЧЕНИЕ...……267

ВВЕДЕНИЕ

Человеку всегда свойственно любить, надеяться, верить, иметь жизненные идеалы и ценности, что не всегда улавливается и объясняется с точки зрения рациональности. Доверие относится к числу таких иррациональных феноменов индивидуального мира человека и оказывается связанным с определенным способом восприятия им окружающей действительности. Вместе с тем доверие существует в социальной реальности, является характеристикой взаимодействия социальных субъектов, определяет его эффективность и предоставляет возможность повлиять на социальную ситуацию.

Для современного этапа развития науки характерен повышенный интерес социально-гуманитарных дисциплин к теме доверия, что обусловлено, в частности, озабоченностью по поводу его ослабления, усиления его рискогенных факторов и эволюции в сторону недоверия, которое достаточно стремительно вытесняет доверие в ситуации социальных перемен, вызванных процессами трансформации и модернизации современных обществ.

Для российского общества научный дискурс о доверии и недоверии имеют особое значение в силу сложности, неоднозначности и непредсказуемости социальных трансформаций последних десятилетий, обусловивших поиск социальных ресурсов сохранения целостности существующей социальной системы, достижения социального согласия, а также механизмов практической адаптации российских граждан к складывающимся социальным условиям и факторам. По мнению исследователей, «большинство по-своему адаптировалось к социально-экономической и социокультурной ситуации, хотя и заплатило за это высокую цену. Произошел разрыв между нормативным и дискриптивным уровнями отношений – своеобразная «шизофрения» массового сознания, заключающаяся в признании наиболее распространенных социальных практик нелегитимными

и неприемлемыми». Этот «нормативный диссонанс» представляется весьма интересным с точки зрения его воздействия на отношения доверия и появления ситуации «дефицита доверия»[1]. Кроме того, проблематика, связанная с формированием гражданских ценностей, достижением общегражданской интеграции несмотря на наличие определенной степени консолидации российского общества на волне так называемого «посткрымского консенсуса», остается актуальной.

Доверие в социальных практиках существует в единстве с недоверием, поэтому исходный пункт исследования образуется категориальной парой «доверие и недоверие». С социально-философской точки зрения, доверие и недоверие выступают как целостное явление социальных практик, детерминируемое трансформационными изменениями общества. Любое общество, и российское не является исключением, испытывая дефицит доверия, остро нуждается в нём как основании социального капитала, консолидации общества и преодолении кризисных явлений.

В научном дискурсе существуют самые разнообразные представления о доверии и недоверии, обусловленные односторонностью, парадигмальной ограниченностью в рамках той или иной научной дисциплины и методологическими предпочтениями тех или иных авторов. В результате представления носят фрагментарный характер. В современном научном дискурсе в настоящее время не сложилось и целостного представления о социальных практиках, в которых доверие сосуществует с недоверием.

Все перечисленное обуславливает научную значимость исследования доверия и недоверия как социальных практик российского общества. В условиях методологического плюрализма разработка такой концептуальной категории предполагает разработку методологического конструкта трансдисциплинарного научного исследования, направленного на преодоление дисциплинарной фрагментарности и парадигмальной ограниченности с целью

---

[1] *Реутов Е.В, Реутова М.Н.* Недоверие в установках и практиках населения // Социологические исследования. 2015. №6. С. 127.

метатеоретического обобщения результатов научных исследований на основании принципа синкретизма в изучении доверия и недоверия как социальных практик российского общества.

При этом доверие выступает одним из ключевых условий эффективности как рыночных институтов, так и усложняющихся институтов гражданского общества, что делает востребованными модели социального действия и взаимодействия, в том числе основанные на разных формах доверия. Как стабилизирующий фактор в условиях нестабильного российского общества доверие не только является регулятором социального взаимодействия, действуя параллельно с другими, гораздо более рациональными институционализированными формами, а в некоторых случаях даже замещая их отсутствие, но и может рассматриваться в качестве одного из оснований общегражданской интеграции. В результате открывается перспектива социально-практического внедрения гуманитарных технологий преобразования недоверия и его форм в социальные практики российского общества.

Данными обстоятельствами и обусловлен интерес к доверию и недоверию как социально-философским категориям, и к доверию и недоверию как социальным практикам, рассмотренным на концептуальном уровне, что, соответственно, и определило выбор темы исследования.

Объект исследования – доверие и недоверие как социальные реалии в российском обществе. **Предмет исследования** – доверие и недоверие как социальные практики, методология их социально-философского исследования и российская специфика.

Монография состоит из четырех глав, каждая из которых подчинена генеральной **цели исследования** - разработке социально-философской концепции доверия и недоверия как социальных практик российского общества. ***В первой главе «Теоретико-методологические проблемы научных исследований доверия и недоверия как социальных практик»*** рассматриваются подходы к исследованию доверия и недоверия в российском обществе; доверие и недоверие категорируются как социальные практики, а

также разрабатывается методологический конструкт трансдисциплинарного исследования доверия и недоверия как социальных практик российского общества. ***Во второй главе «Экзогенные и эндогенные факторы трансформации доверия и недоверия как социальных практик российского общества»*** устанавливаются теоретико-методологические проблемы изучения трансформации доверия и недоверия как социальных практик и выявляются факторы их трансформации в условиях российского общества. ***В третьей главе «Доверие и недоверие как ментальные установки: специфика трансформации в российском обществе»*** устанавливаются теоретико-методологические проблемы изучения доверия и недоверия как ментальных установок, показывается их трансформация от советского к постсоветскому обществу и выявляется специфика доверия и недоверия как ментальных установок в современном российском обществе. ***В четвертой главе «Институционализация доверия и недоверия как социальных практик в российском обществе»*** устанавливаются теоретико-методологические проблемы изучения институционализации доверия и недоверия как социальных практик, показывается ангажированность доверия и недоверия как социальных практик в процессе их институционализации, раскрываются социальные последствия институционализации доверия и недоверия как социальных практик в современном российском обществе.

Автор выражает признательность доктору философских наук, профессору кафедры отраслевой и прикладной социологии Института социологии и регионоведения Южного федерального университета *Людмиле Алексеевне Савченко*, доктору философских наук, профессору *Курбатову Владимиру Ивановичу,* доктору философских наук, профессору кафедры теоретической социологии и методологии региональных исследований *Анатолию Владимировичу Лубскому,* доктору философских наук, профессору, зав. кафедрой истории, философии и политологии Азово-Черноморского инженерного института-филиала ФГБОУ ВО «Донской государственный аграрный университет» в г. Зернограде *Татьяне Михайловне Зуевой*,

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ДОВЕРИЯ И НЕДОВЕРИЯ КАК СОЦИАЛЬНЫХ ПРАКТИК

1.1. Доверие и недоверие в российском обществе как предмет научных исследований

Актуальными для исследования доверия и недоверия в современной российской социокультурной ситуации являются основополагающие идеи ростовской философско-культурологической школы, чьи традиции в рамках социокультурной и гуманистической парадигм продолжают, в частности, Ю.Г. Волков, И.А. Гуськов, В.С. Малицкий и др. В их исследованиях доверие позиционируется как феномен, обладающий важным идеологическим и гуманистическим содержанием в условиях нарастания плюрализма интересов отдельных индивидов и социальных групп, выступая, в частности, в качестве одного из факторов консолидации российского общества[2]. В связи с этим С.В. Алешин полагает, что в современной России, «в условиях роста глобализации и социальной неопределенности и рисков» доверие представляет собой явление духовно-нравственного характера, а культура доверия лежит в основе культуры безопасности[3].

Современный дисциплинарный дискурс о доверии в российском обществе, как правило, выстраивается вокруг практических социально-экономических и социокультурных ситуаций.

Отечественная социологическая наука, следуя по стопам западной социологии, традиционно рассматривает доверие как элемент социального капитала, тогда доверие в российском обществе выступает, по словам В.В.

---

[2] *Волков Ю.Г.* Идеология и гуманизм / Ю.Г. Волков, В.С. Малицкий. М: Социально-гуманитарные знания, 2004. 608 с. С. 97–152; *Волков Ю.Г.* Идеология гуманизма и национальная идея / Ю.Г. Волков, И.А. Гуськов // Гуманитарный ежегодник.13. Отв. Ред. Ю.Г. Волков. Ростов н/Д, М.: Социально-гуманитарные знания, 2014. С. 37–51.

[3] *Алешин С.В.* Доверие как социокультурный феномен: автореф. дис. … канд. филос. наук. : 09.00.11 / Алёшин Сергей Васильевич; Краснодар. ун-т МВД России. Таганрог, 2012. 31 с.

Кривопускова, как «форма социальных отношений, характеризующая матрицу социальных интеракций на межличностном, межгрупповом и институциональном уровнях и создающая основу для накопления социального капитала и консолидации общества»[4].

В качестве индикаторов доверия в социологических исследованиях также принимаются индикаторы солидарности или социальной напряженности, конфликтности. Представляется, что данные показатели отражают весь диапазон развития отношений доверия вплоть до недоверия, что актуализирует необходимость введения в социально-философское исследование категориальной пары «доверие-недоверие». Дихотомичность просматривается и в социальных функциях доверия. Наиболее подробную типологию социальных функций доверия приводит А.А. Дворянов, разделяя их на три группы – личностные, организационные и общественные. Автор полагает, что функциональное влияние носит двойственный характер в силу наличия дилеммы «доверие/недоверие», поэтому различает конструктивные (присущие доверию) и деструктивные функции как функции недоверия[5].

Подчеркивая, что доверие понимается прежде всего как доверие к людям, к социальным общностям, и учитывая распространенность доверия в социальной жизни, его проникновение во все сферы общества, многие исследователи используют термин «социальное доверие». М.Г. Магомедов рассматривает социальное доверие в российском обществе как «набор нормативных и реципрокальных ожиданий, направленных на увеличение стабильности, предсказуемости и транспарентности социальной жизни в условиях общероссийских трансформационных преобразований»[6].

---

[4] *Кривопусков В.В.* Доверие в консолидации российского общества: социологическая концептуализация и институциональная оптимизация: дис. ... д-ра .социол. наук: 22.00.04 / Кривопусков Виктор Владимирович; Юж. федер. ун-т. Ростов н/Д, 2013. 311 с.

[5] *Дворянов А.А.* Социальные функции доверия // Регион: экономика и социология. 2006. № 4. С. 130–141.

[6] *Магомедов М.Г.* Социальное доверие в российском обществе: социологический анализ: автореферат дисс. … д-ра социол. наук: 22.00.04 / Магомедов Магомедгабиб Гасанханович;

П.М. Козырева и А.И. Смирнов также подчеркивают роль доверия в формировании российского гражданского общества и развитии консолидирующих процессов и пишут, что «доверие является той основой, на которой формируются надежные социальные связи, укрепляющие общество, придающие целостность любому социальному организму… . Как показывают реалии кризисного периода, российское общество все отчетливее осознает необходимость общенациональной консолидации на основе повышения доверия на всех уровнях взаимоотношений – межличностном, групповом, региональном. Рост этого осознания стимулирует поиск новых резервов повышения взаимопонимания и доверия в обществе»[7].

По мнению А.А. Дворянова, доверие – это «значимый ресурс» и одновременно следствие социального управления. Уровень межличностного, организационного (корпоративного) и общественного (институционального) доверия – это своеобразный «барометр» социального здоровья общества. «В российском обществе, находящемся в переходном периоде, когда уровень риска весьма высок, доверие жизненно необходимо для любого управленческого решения и воздействия»[8].

На основании изучения теоретических подходов к анализу феномена доверия в зарубежной социологической мысли отечественный социолог Т.В. Мышляева реконструирует поэтапную схему развития доверия в обществе через несколько его уровней: базовый, личностный, социальный и культурный[9].

Эта схема принимается за основание для теоретических и практических исследований доверия в российском научном дискурсе. Так, на основании результатов социологического исследования «Российский мониторинг

Юж. федер. ун-т. Ростов н/Д, 2009. 42 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://cheloveknauka.com/sotsialnoe-doverie-v-rossiyskom-obschestve-sotsiologicheskiy-analiz.

[7] *Козырева П.М., Смирнов А.И.* Доверие и его роль в консолидации российского общества // Социальные факторы консолидации Российского общества: социологическое измерение. Под ред. чл.-корр. РАН М.К. Горшкова. М., Новый хронограф, 2010. 256 с. С.160–199.

[8] *Дворянов А.А.* Указ соч.

[9] *Мышляева Т.В.* Доверие в современном обществе: подходы к анализу // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2006. № 1. С. 301–307.

экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ» (RLMS-HSE) П.М. Козырева выявляет актуальные проблемы, тенденции и возможности (ресурсы) укрепления доверия в современной России. С позиций институциональной парадигмы оценены границы и дана характеристика особенностей доверия применительно к базовым социальным институтам в трансформирующемся российском обществе, а также особенностей межличностного доверия в контексте проблем социального капитала[10].

В социологической науке в контексте рискогенной и конфликтогенной парадигм также часто исследуются российские особенности доверия и недоверия, связанные как с общемировыми тенденциями развития информационного общества, так и с особенностями российских трансформаций последних десятилетий. И.Н. Шорина в связи с этим отмечает, что «основные подходы к анализу доверия в современной социологии (доверие как риск, доверие как социальный капитал, доверие как социальная основа общества) позволяют проанализировать доверие как стабилизирующий фактор в условиях нестабильного общества»[11].

Все эти подходы базируются на трудах таких видных представителей западной социологии второй половины XX века, как Н. Луман, А. Селигмен, П. Штомпка (подход, связывающий возрастание потребности человека и общества в доверии с многочисленными рисками, которые предъявляет современное общество, тогда как развитие институционального доверия способствует уменьшению рисков и достижению стабильности); Дж. Коулмен, М. Грановеттер (понимание доверия как элемента социального капитала и основы формирования и функционирования гражданского общества); Ф. Фукуяма

---

[10] *Козырева П.М.* Доверие и его ресурсы в современной России. М.: Институт социологии РАН, 2011. 172 с.

[11] *Шорина И.Н.* Институциональное доверие как условие стабильности современного российского общества (региональный аспект): автореф. дис. … канд. социол. наук : 22.00.04 / Шорина Ирина Николаевна; Пенз. гос. ун-т. Пенза, 2013. 27 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://vak2.ed.gov.ru/idcUploadAutoref/renderFile/139299 (дата обращения: 13.06.2015).

(обобщенная теория доверия как социальной основы общества, устойчивости социального развития и социального порядка)[12].

Рассматривая типологию доверия, авторы выделяют различные типы доверия (личное и безличное, горизонтальное и вертикальное, обобщенное, межличностное, персонализированное и деперсонализированное и др.). Типологии дополняются и расширяются.

В рамках отечественной социологической науки разрабатываются также новые подходы и парадигмы. А.В. Юраков, исследуя доверие как элемент социального капитала российского общества, исходит из позиций современной сетевой социологической теории. Способность социальной сети контролировать поведение своих членов формирует вынужденное доверие между ними, тогда как сами неформальные социальные сети есть ряд «устойчивых практик, где доверие не ограничивается кругом лично знакомых людей, а распространяется на всю систему опосредованных контактов в данном сетевом сообществе, в котором система материальных и нематериальных поощрений и санкций «заставляет» его членов соблюдать определенные нормы»[13].

Отдельный сюжет представляет изучение доверия как одной из ценностей современного российского общества в условиях модернизации. Как правило, эта тема представлена в эмпирических исследованиях, в том числе по возрастным категориям граждан, в связи с образовательным уровнем, территорией проживания и другими внешними факторами, оказывающими

---

[12] *Luhmann N.* Trust and Power. Chichester: John Wiley, 1979; *Селигмен А.* Проблема доверия / Пер. с англ. И.И. Мюрберг, Л.В. Соболевой. М.: Идея-Пресс, 2002. 256 с.; *Sztompka P.* Trust: a Sociological Theory / P. Sztompka. Cambridge: Cambridge University press, 1999. 214 p.; *Coleman J.S.* Social capital in the creation of human capital // American Journal of Sociology, 1988, n. 94. P. 95–120; The Sociology of Economic Life. Edited by Mark Grannovetter & Richard Swedberg. Boulder-San Francisco-Oxford: Westview Press, 1992. 399 p.; *Фукуяма Ф.* Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию / Пер. с англ. М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2004. 730 с.

[13] *Юраков А.В.* Доверительность как социальный капитал трансформирующегося российского общества (По материалам этносоциологического исследования в Башкортостане, Татарстане и Удмуртии): дис. … канд. историч. наук: 07.00.07 / Юраков Алексей Вячеславович; Москва, 2004. 225 с.

влияние на доверие и недоверие. В качестве наиболее общего результата такого рода исследований уместно привести выводы о характеристиках институционального доверия в современном российском обществе, сделанные в 2009 году, но остающиеся практически неизменными на протяжении последних пяти лет: 1) уровень доверия ко всем институтам власти и управления не слишком велик (колеблется от «в чем-то доверяю» до «не очень доверяю»); 2) сохраняется стабильно высокое доверие персонифицированным властным институтам, в частности, президенту; 3) меньше всего россияне доверяют властным институтам, соответствующим демократической модели (в частности, Госдуме и негосударственным организациям); 4) доверие властным институтам дифференцируется в зависимости от уровня жизни, уровня доходов граждан, региона проживания и уровня образования[14].

Недоверие, как ситуация «дефицита доверия», впервые было зафиксировано в России во второй половине 1990-х годов по результатам эмпирических исследований, показавших, что «в российском социуме низок уровень взаимного доверия людей, для него типичны взаимное безразличие, ограниченность реципрокного (т.е. основанного на взаимном исполнении обязанностей) поведения «родственно-дружеским» кругом, а чувство долга – масштабами семьи» [15].

На сегодняшний день на основе эмпирических замеров социологи не фиксируют существенных изменений вышеназванной ситуации. Недоверие по-прежнему проявляется на институциональном уровне. Исследуются масштабы и факторы распространения недоверия в российском социуме и его региональные различия. Сделан вывод о том, что главными барьерами формирования и развития доверия являются его снижение по мере увеличения радиуса социальных отношений и взаимодействия, а также наличие

[14] *Сасаки М., Давыденко В.А, Латов Ю.В., Ромашкин Г.С., Латова Н.В.* Проблемы и парадоксы анализа институционального доверия как элемента социального капитала в современной России // Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований). 2009. Т. 1. № 1. С. 20–35.

[15] Гражданское общество в России: Структуры и сознание / Под ред. К.Г. Холодковского. М.: Наука, 1998. 254 с.

негативного опыта взаимодействия с органами государственного и муниципального управления на региональном уровне[16].

Доверие в российском, как и в любом другом обществе, представляет собой динамичное явление, его характер и уровень изменяется по мере трансформации социума и, в частности, типа человека в нем. В данной связи особую актуальность для изменяющегося российского социума приобретает межгрупповое доверие, которое «выступает связующим звеном между межличностным и институциональным доверием, скрепляющим круги доверия, пересекающиеся в пространстве личностных и безличных взаимодействий… . Уже сегодня российское общество отмечается кризисом солидарности, и с этим связаны такие явления, как рост равнодушия, нравственного нигилизма, жестокости, агрессии, экстремизма в российском обществе и, особенно, в молодежной среде, потерявшей связь с поколениями, испытывающей чувство дискриминации по поколенческому признаку». В качестве одного из решений данной проблемы В.В. Кривопусков предлагает реинституционализацию межгруппового доверия в России, что «предполагает снижение уровня социальной несправедливости как основы несправедливого социального порядка, установившегося в результате постсоветских преобразований»[17].

Отечественные социологи С.Ю. Барсукова, Ю.В. Веселов, Г.М. Заболотная, Т.И. Заславская, С.Г. Кирдина, Р.В. Рывкина и др. на основании эмпирических замеров констатируют в целом достаточно низкий уровень доверия в России, из-за чего формальные нормы не соответствуют индивидуальным ожиданиям[18].

---

[16] *Реутов Е.В, Реутова М.Н.* Указ соч.

[17] *Кривопусков В.В.* Межгрупповое доверие в российском обществе: способы реинституционализации // Историческая и социально-образовательная мысль. 2012. № 6. С.183–186.

[18] *Барсукова С.Ю.* Неформальная экономика: экономико-социологический анализ М.: ГУ ВШЭ, 2004. 448 с.; *Веселов Ю.В.* Экономика и социология доверия / Ю.В. Веселов, Е.В. Капусткина, В.Н. Минина и др.; Под. ред. Ю.В. Веселова. СПб.: Социол. общество им. М.М. Ковалевского, 2004. 190 с.; *Заславская Т.И.* Современное российское общество: Социальный механизм трансформации. Москва. Изд-во «Дело», Академия народного хозяйства при Правительстве Российской Федерации. 2004. 400 с.; *Кирдина С.Г.* Институциональные

Какова причина ослабления доверия и эволюции в сторону недоверия? Проблема ключевых детерминант доверия и недоверия – одна из дискуссионных проблем дискурсивных научных практик.

Одни исследователи называют ключевыми макросоциальные факторы – социальную травму 90-х годов, негативный социальный фон шоковых реформ[19]; «слабость гражданских ассоциаций, социальную «атомизацию», высокий уровень преступности, связанной в том числе с посягательством на жизнь и имущество граждан»[20.]. Высокий уровень межличностного недоверия в качестве причин имеет «постравматический шок» от быстрых социальных перемен, а также изменения ценностно-нормативной системы как «сильнейшее воздействие реальных и мифологизированных образцов достижения стремительного успеха, основанного на нарушении этических и правовых норм. Соответственно, доверие стало рассматриваться либо как слишком большой и непозволительный риск, либо как препятствие к достижению успеха»[21.]

Другие полагают ключевой детерминантой доверия/недоверия в российском обществе социально-экономическую дифференциацию, сопряжённую со структурными и институциональными сдвигами, связанными с монополизацией ключевых социальных ресурсов управленческой элитой, и в связи с этим – дистанцированием большинства населения от государства[22].

Третья группа авторов напрямую связывает высокий уровень обобщенного (социального) недоверия в России с высоким уровнем социального пессимизма, неверием (как пессимистичной оценкой вероятности) достижения в России таких ведущих характеристик справедливого общества и

матрицы и развитие России. Введение в X-Y-теорию. 3-е изд. М., СПб.: Нестор-История, 2014. С. 4–25; *Рывкина Р.В.* Социология российских реформ: социальные последствия экономических перемен. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2004. 440 с.

[19] *Еремичева Г., Симпура Ю*. Недоверие как социальная проблема современной России // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. Т.2.; Вып. 4. [Электронный ресурс]. Режим доступа: :http://www.jourssa.ru/1999/4/eremit.html. (дата обращения: 28.08.2011).

[20] *Реутов Е.В, Реутова М.Н.*Указ соч.

[21] Там же.

[22] *Ромашкин Г.С.* Доверие в российском обществе: экономико-социологический анализ: автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.03 / Ромашкин Гариф Сергеевич; Тюмен. гос. ун-т. Тюмень, 2011. 25 с.

составляющих его нормативно-ценностной системы, как справедливость, свобода, гражданская солидарность, социальная защищенность, равенство всех перед законом, равенство социальных возможностей, благополучия для всех. По данным социологических исследований последних лет, «во всех слоях российского населения доминирует мнение, что создание в России справедливого общества маловероятно даже в среднесрочной перспективе»[23].

В итоге можно выделить детерминанты микросоциального и макросоциального уровня, определяющие недоверие межличностное, институциональное и обобщенное (социальное).

Среди наиболее дискуссионных вопросов дискурсивных практик – методология и методики измерения доверия (недоверия) для его корректного обсуждения как сложного и многомерного явления социальной реальности.

Однако если изучению доверия в российских дискурсивных практиках уделяется значительное внимание, то в отношении недоверия этого сказать нельзя. В имеющихся исследованиях, как правило, явно или неявно предполагается, что недоверие есть антипод доверия, возникает вследствие снижения доверия, поэтому обладает характеристиками, ему противоположными. При этом доверие рассматривается с двух позиций: во-первых, как явление индивидуальной реальности; во-вторых, как феномен коллективного доверия. В данном ракурсе доверие и недоверие выступают в качестве предмета исследования психологической науки. Представители отечественной социально-психологической науки в целом солидарны в решении вопроса об относительной автономии доверия и недоверия как психологических феноменов, связанных с общением. С.П. Табхарова отмечает следующие функции доверия – социальное познание и обмен, и функции недоверия – самосохранение и обособление[24]. Представители социально-

[23] *Горшков М.К.* Общественные неравенства как объект социологического анализа // Социс. 2014. № 7. С. 20–31.

[24] *Табхарова С.П.* Взаимосвязь доверия и недоверия личности другим людям с отношением к соблюдению нравственных норм делового поведения: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.05. / Табхарова Сэсэг Пурбуевна; Ин-т психологии РАН. Москва, 2008. 210 с.

психологического направления ростовской школы исследуют процессы интеграции и дезинтеграции в связи с особенностями проявления доверия и недоверия в малой социальной группе[25].

В политической науке доверие и недоверие рассматриваются сквозь призму институциональной парадигмы. В контексте трансформации российской политической системы данную проблему рассматривали Ф.М. Бурлацкий, А.А. Галкин и др. Механизмы доверия к государственным и политическим институтам, политическим лидерам, региональным властям изучали Д.Н. Данкин, В.Н. Лукин; соотношение уровня доверия в регионах России и уровня авторитета власти – Н.А. Морозов и Е.Н. Черницына[26].

Прямой причиной высокого уровня институционального недоверия исследователи называют неэффективность многих социальных институтов, в том числе властных. Сделан вывод, что «доверие власти и оценка населением эффективности деятельности руководителей и органов власти характеризуются наличием тесной эмпирической взаимосвязи между собой и являются основными факторами повышения социального статуса органов государственной власти и управления»[27]. Здесь фиксируются такие компоненты недоверия, как негативные представления о деловой и этической компетентности государственных и муниципальных структур, основанные на негативном опыте взаимодействия с ними. Доверием же традиционно пользуются семейно-дружеские межличностные структуры, а также персонифицированные властные институты.

---

[25] *Сидоренков А.В.* Доверие дошкольников к незнакомым взрослым // Вопросы психологии. 2001. № 2. С. 37–47.

[26] *Бурлацкий Ф.М.* Современный Левиафан / Ф.М. Бурлацкий, А.А. Галкин. М.: Мысль, 1985. 384 с.; *Данкин Д.Н.* Кризис доверия: ключевое звено // Безопасность Евразии. 2009. № 1. С. 203–218; *Лукин В.Н.* Политическое доверие в современном гражданском обществе: культурологические и институциональные модели// CREDO. 2005. № 3. [Электронный ресурс]. Режим доступа: : http://credonew.ru/content/view/500/30/. (дата обращения: 28.08.2011); *Морозов Н.А., Черницына Е.Н.* Политическое доверие как феномен социальной интеракции // Известия Алтайского государственного университета. 2014. № 4. С. 285–288.

[27] *Морозов Н.А., Черницына Е.Н.* Указ соч. С. 287.

В российской политической науке также пристально изучается феномен доверия российских граждан к политическому лидеру как главному действующему лицу политики при переходе от авторитарной к демократической общественной системе. Авторы указывают, что политическое доверие, которое граждане испытывают к лидеру, формируется по-разному. В тоталитарном обществе такое доверие сходно с религиозной верой и не требует никаких рациональных обоснований, а у носителя демократического сознания лидер должен это доверие заслужить. Важно то, чем он занимался в прошлом, его моральный облик, точка зрения по самому широкому кругу вопросов. Поэтому «многократно осмеянный в нашей пропаганде интерес к биографиям политических лидеров является отнюдь не только нескромностью и проявлением дурного вкуса, а нормальным стремлением уберечь себя от ошибки при принятии решения в выборе»[28].

Проблема персонифицированного доверия к власти на российской политической арене наиболее явно обозначилась и начала исследоваться в период становления такого демократического института, как выборы. Анализируя итоги президентских выборов-96, и основываясь на данных мониторинга общественного мнения, известный социолог Ю. Левада выделял несколько базовых типов общественного доверия по отношению к политическим деятелям (при этом вопрос о природе доверия – недоверия социальным институтам не затрагивается): 1) доверие как готовность подчиниться авторитету и должности (пример – отношение к Б. Ельцину); 2) доверие на основании личностных достоинств, таких как талант, интеллект, но без перспективы наделения лица высшими властными полномочиями с расчетом на решение конкретных общественных проблем (пример – отношение к Г. Явлинскому); 3) доверие на основе уверенности в способности лидера

[28] *Гозман Л.Я.* Люди и власть: от тоталитаризма к демократии / Л.Я. Гозман, А.М. Эткинд // В человеческом измерении: научное издание/ ред.-сост. А.Г. Вишневский. М: Прогресс, 1989. С. 378–392.

принести избавление от каких-то бедствий (пример – отношение к генералу А. Лебедю)[29].

Большинство авторов не стремятся оценивать недоверие сугубо отрицательным образом, отрывать от доверия и противопоставлять ему. Показано, что доверие связано с недоверием. Среди положительных последствий институционального недоверия отмечены такие, как развитие рефлексии и повышение компетентности граждан, в том числе в правовом поле; реализация гражданами функции контроля за различными государственными и муниципальными структурами (о чем свидетельствует, к примеру, череда выигранных простыми гражданами судов с коммунальными службами по поводу необоснованного завышения региональных тарифов на услуги ЖКХ)[30].

К тому же недоверие к различного рода институтам транзитивного российского общества приводит к тому, что возникает потребность в укреплении межличностного доверия, в частности таких его разновидностей, как внутрисемейное и дружеское доверие. Наблюдается и усиление этнической солидарности, основанной на взаимном доверии членов одного этноса и одновременно недоверии к другим этническим группам. Этническая принадлежность, как правило, входит в число детерминант, определяющих степень доверия как между индивидами, так и их группами.

В отечественной экономической науке доверие и недоверие рассматриваются с точки зрения современной неоинституциональной теории применительно к экономической ситуации современного общества. Показано, что социально-экономические институты одновременно выражают как доверие, так и недоверие друг к другу: «государство, общественные организации, акционеры, вкладчики, и т.д. через те или иные механизмы контроля… могут

---

[29] *Левада Ю.* Факторы и фантомы общественного доверия // Ю. Левада. От мнения к пониманию. Социологические очерки 1993–2000 гг. М: Московская школа политических исследований. 2000. С. 112–124.

[30] *Реутов Е.В, Реутова М.Н.* Недоверие в установках и практиках населения // Социологические исследования. 2015. № 6. С. 126–132.

выражать отрицательное, критическое отношение к определенным компаниям, банкам, корпорациям. Последние также открыто выражают свое недоверие, поскольку ими сформированы механизмы контроля за кредитными историями клиентов, действиями правительственных чиновников… . Парадоксально, но взаимное недоверие участников рыночных экономических отношений порождает в социуме атмосферу доверия»[31]. Это объясняется тем, что в условиях рыночной экономики и возрастания рисков недоверие может стать способом минимизации этих рисков, тем самым вписываясь в парадигму экономической эффективности.

Г.С. Ромашкин рассматривает доверие в российском обществе как социально-экономический феномен сознания и как функциональную характеристику социальной жизни общества на макро-, мезо- и микроуровнях, определяя доверие как «убеждение в надежности действий и коммуникаций с различными акторами, и предсказуемости их поведенческих реакций»[32]. В данной ипостаси, по мнению автора, доверие выступает в качестве условия и предпосылки экономического поведения индивидов и социальных групп.

В.Ю. Столяр исследует доверие как социально-экономическую реальность современного российского общества, отмечая, что «наличная социально-экономической ситуация последнего десятилетия в финансовой сфере, в банковском кредитном сегменте экономики, (которая влияет на инвестиционное поведение), инвестиционная ситуация, страхование, ситуация в сфере пенсионного обеспечения наиболее рельефно отражают проблему, тенденции, динамику доверия в современной России»[33].

---

[31] *Крюкова О.Н.* Сущность и кризисная динамика доверия в культуре: общество и экономика: автореф. дис. … канд. философ. наук: 24.00.01 / Крюкова Ольга Николаевна; Юж. федер. ун-т. Ростов-н/Д, 2010. 20 с.

[32] *Ромашкин Г.С.* Указ соч.

[33] *Столяр В.Ю.* Доверие как феномен социально-экономической реальности: дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11 / Столяр Вероника Юрьевна; Место защиты: Твер. гос. ун-т. Тверь, 2008. 139 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.dissercat.com/content/doverie-kak-fenomen-sotsialno-ekonomicheskoi-realnosti. (дата обращения: 31.03.2012).

В современных экономических концепциях доверие показано в качестве социокультурного основания неформальной российской экономики (А.Н. Олейник)[34]. Теории доверия также используются в качестве вспомогательных для объяснения относительно новых явлений, связанных с рыночной экономикой, в частности лояльности потребителей, организационных взаимодействий, коррупции. В результате типологизированы сетевое, вынужденное, репутационное и др. типы и виды доверия в качестве элементов рыночных отношений и нерыночного обмена, например, в контексте реципрокности (С.Ю. Барсукова, В.В. Радаев)[35].

Таким образом, в настоящее время в российских дискурсивных практиках в силу дисциплинарной односторонности и парадигмальной ограниченности научных исследований не сложилось целостного представления о доверии и недоверии в российском обществе.

1.2. Категоризация доверия и недоверия как социальных практик

Поскольку представления о доверии носят дисциплинарный характер, то в каждой отрасли социального знания концепция доверия имеет свою специфику. Это связано с тем, что, относясь к числу фундаментальных состояний человека, данное явление имеет разную природу, личностные и социальные смыслы. Практическая реализация доверия вызывает интерес, однако представляет определенные трудности для теоретического исследования. Затруднения состоят в том, что доверие относится к ряду таких физически неосязаемых духовных явлений, которые можно почувствовать как некую «атмосферу», однако чрезвычайно трудно зафиксировать и тем более

---

[34] *Олейник А.Н.* Бизнес по понятиям: об институциональной модели российского капитализма // Вопросы экономики. 2001. № 5. С. 4-25.

[35] Экономическая социология: Новые подходы к институциональному и сетевому анализу / Сост. и науч. ред. В.В. Радаев. М.: РОССПЭН, 2002. 280 с.; *Барсукова С.Ю.* Нерыночные обмены между российскими домохозяйствами: теория и практика реципрокности. М.: ГУ ВШЭ, 2004. 52 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.ecsocman.hse.ru/text/16212570/. (дата обращения: 09.07.2015).

измерить с помощью какого-либо формально-научного инструментария. Используя высказывание английского ученого Т. Мартина о феномене власти, можно сказать, что доверие, как власть и любовь, – это слова, постоянно используемые в повседневной речи, интуитивно понимаемые и редко определяемые.

Явление доверия формируется в отношениях между людьми как некое эфемерное чувство, являясь на самом деле состоянием «воздуха», в котором мы живем, и относится, в силу своего семантического потенциала, к числу трудно определяемых понятий. Многозначность трактовок доверия обусловлено тем, что доверие зарождается в эмоционально-чувственной сфере, и этимологически «питать доверие» (в латинском языке – credo) означает «даю или кладу сердце». Если собеседник симпатичен и располагает к себе, то доверие возникает на уровне здравого смысла как сама собой разумеющаяся сущность, как очевидность.

Теоретическое исследование доверия считается сложной задачей, и, по мнению специалистов, «проблема описания феноменов доверия заключается в том, чтобы определить и фиксировать смысловые основания доверия (признание значимости неартикулируемых, но подразумеваемых и потому полагаемых *субъективно* (курсив автора), ценностных значений и латентных – или формальных! – норм действия)». Эти очевидность и подразумеваемость препятствует их рефлексии, и «они могут быть выявлены в качестве эвидентных, но не эксплицированных («закодированных», «зашифрованных») социальных норм и правил действия... .»[36].

Эти разные смысловые основания и фиксируются в разных социальных науках. Гораздо раньше, чем появились философские исследования доверия, раскрытие его сущности в науке основывалось на использовании результатов, дефиниций и теоретических установок смежных гуманитарных и социальных наук, изучающих доверие через эмоционально-психологические, культурно-

[36] *Гудков Л.Д.* «Доверие» в России: смысл, функции, структура // Вестник общественного мнения. 2012. № 2. С. 8–48.

ценностные, знаково-символические, социально-экономические, прагматические и другие его стороны, свойства и характеристики.

Поэтому дисциплинарный характер изучения доверия проявляется в исследовании этих отдельных сторон и характеристик в рамках той или иной дисциплины, иногда с использованием методов других дисциплин, что может рассматриваться как мультидисциплинарный подход. Этот подход обнаруживает понимание доверия и недоверия в современном российском обществе с различных методологических позиций, что демонстрирует мультипарадигмальный характер научно-исследовательских практик. Мультипарадигмальный характер научно-исследовательских практик состоит в том, что ученые, изучающие доверие с разных методологических позиций, используют различный понятийный аппарат исследования, а результатами таких исследований являются полученные знания о доверии, носящие разрозненный, фрагментарный характер.

Стоит согласиться с А.К. Ляско, отмечающим, что «анализ феномена доверительных отношений все еще остается неполным и фрагментарным. Исследование природы, причин и последствий проявления доверия осложняется тем, что современные социальные науки проявляют тенденцию к изучению и осмыслению этого явления, оставаясь в рамках своих профессиональных границ»[37].

Преодоление фрагментарности возможно в результате перехода к концептуальному мышлению, выходящему за пределы разрозненно-дисциплинарной структуры полученного знания о доверии. Концептуальное мышление при изучении доверия и недоверия прежде всего предполагает их категоризацию.

Л.А. Микешина пишет, что «для философского знания категории – это фундаментальные понятия, формы мысли, высказывания, имеющие априорное

[37] *Ляско А.К.* Концепция доверия в социально–экономической теории: дис. … д-ра. эконом. наук: 08.00.01 / Ляско Александр Кимович; М., 2004. 219 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: : http://www.nauka-shop.com/mod/shop/productID/5470/ (дата обращения: 23.10.2015).

значение для получений и оформления опытного знания. Они характеризуют разделение на роды и виды, классы и типы объектов – в целом различные способы осмысления бытия. …Учение о категориях и категоризации развивалось в философии и логике многие века..., но вместе с тем только в XX в. началось интенсивное изучение феномена категоризации как фундаментальной операции и условия возможности любой познавательной деятельности человека»[38].

В научной литературе не существует единства мнений по поводу трактовки понятия «категоризация». Чаще всего термин используется в описании познавательной деятельности человека, связанной практически со всеми когнитивными способностями и системами в его когнитивном аппарате, а также с совершаемыми в процессах мышления операциями – сравнением, отождествлением, установлением сходства и подобия и т.п. Категоризация трактуется в узком смысле как «подведение явления, объекта, процесса и т.п. под определенную рубрику опыта, категорию и признание его членом этой категории»; в широком смысле – как «процесс образования и выделения самих категорий, членения внешнего и внутреннего мира человека, упорядоченное представление разнообразных явлений через сведение их к меньшему числу разрядов или объединений, а также – результат классификационной (таксономической) деятельности»[39].

Известны различные теории категоризации. В классических теориях, у истоков которых стоят Платон и Аристотель, категоризация трактуется как главный способ придания воспринимаемому миру упорядоченного характера, что позволяет систематизировать наблюдаемое в виде ступенчатой классификации. Способ заключается в том, что сознание человека сводит «бесконечное разнообразие своих ощущений и объективное многоообразие

---

[38] *Микешина Л.А.* Эпистемология ценностей. М.: Изд-во Российская политическая энциклопедия, 2007. 439 с.

[39] Краткий словарь когнитивных терминов / Сост. Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина. Под общ. ред. Е. С. Кубряковой. [Электронный ресурс]. Режим доступа: : http://vocabulary.ru/dictionary/849. (дата обращения: 05.05.2014).

форм материи и форм ее движение в определенные рубрики, то есть классифицирует их и подводит под такие объединения – классы, разряды, группировки, множества, категории»[40].

В гуманитарном знании существуют свои особенности данной познавательной процедуры. В частности, она тесно связана с системой ценностей, целостной системой чувственного, рационального познания и деятельности. Для гуманитарного знания первостепенное значение имеют когнитивные структуры в их соотношении с языком, миром, культурой и познающим субъектом, что позволяет упорядочивать знания, не обращаясь к предельно абстрактным и строго формализованным построениям.

В современной науке возникли специальные отрасли, занимающиеся данной проблемой, – когнитивная психология и когнитивная лингвистика, трактующие категоризацию как одну из базовых эпистемологических операций, осуществляющих выход за пределы опыта и выясняющих, какую роль играют в этом идущие от культуры, от социума и индивида ценности и нормы.

Согласно неклассическим теориям когнитивной лингвистики, в основе познавательной процедуры категоризации лежит концепт, то есть «вербализованный в лексической системе языка результат познавательной деятельности человека по отношению к отдельным конкретным объектам и ситуациям, на которые он членит окружающую действительность и свой внутренний мир», «структура репрезентации нашего совокупного знания»[41]. Лингвистический концепт становится базой для формирования понятия.

В рамках концептуального мышления создаются концептуальные категории интерпретационного характера, служащие не для идентификации всего сущего в реальном мире, а для его осмысления. На этом свойстве концептуальных категорий основывается когнитивная возможность

[40] Там же.

[41] *Кураков В.И.* От категоризации и концептуализации мира к языковому сознанию // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2006. Выпуск № 5. С. 126–127.

альтернативного осмысления «любого онтологически определенного объекта или явления реального мира». Именно такие категории концептуального характера «позволяют нам мыслить одно и то же в различных ипостасях, не нарушая при этом номинального тождества слова». Такие категории также являются продуктом теоретического познания и «не теряют при этом своей связи с тем классом-категорий, к которому ее изначально причислили»[42].

Категоризация основывается на предварительном концептуальном анализе различных исследовательских подходов, синтезирующих те или иные представления о сущности доверия и недоверия вообще. В зависимости от методологических позиций исследователя в дисциплинарных дефинициях отражаются обобщенные характеристики, представляющие доверие и недоверие с точки зрения разных подходов к пониманию сущности доверия.

Разница исследовательских подходов определяет, прежде всего, множество определений доверия. Так, во «Всемирной базе доверия» в 2010 году их обнаруживалось около тридцати[43]. Данные определения не дают однозначной дифференцированности понятий «доверие», «вера», «уверенность», «недоверие». Все они имеют общий корень «вера», т.е. этимологически связаны между собой. Понимание доверия тесно связано с категорией веры, что имманентно заложено как онтологическое начало явления доверия во многих его определениях. В качестве типичного можно привести определение В.П. Римского, который понимает доверие как «состояние сознания индивидов, характеризующееся верой в порядочность и доброжелательность индивидов, с которыми им приходится взаимодействовать, а также вера в то, что оба эти индивида в различных ситуациях будут действовать сходными способами, предсказуемо для партнёра по взаимодействию, с учётом его пожеланий и интересов, проявляя к нему определённую солидарность. Такая вера не предполагает рационального

[42] *Кураков В.И.* Указ соч. С. 127.
[43] *James H.S.* World Database of Trust. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://onemvweb.com/sources/sources/World Database of Trust. (дата обращения: 14.07.2015).

осмысления причин доверия или недоверия, которые одни индивиды испытывают к другим»[44].

С.В. Алешин определяет доверие в широком смысле как «социокультурный феномен, отражающий добрую волю человечества и отдельных индивидов при проявлении веры к различным явлениям и объектам социальных отношений в конкретных исторических условиях общественного развития»[45].

Что же касается вопроса соотношения феноменов доверия и недоверия между собой, то в социальных науках не выработано единства мнений. Есть разные точки зрения: недоверие есть антипод доверия, его противоположность, негативное выражение доверия (его отсутствие); недоверие есть самостоятельное явление, не зависимое от доверия; доверие и недоверие в той или иной степени самостоятельны друг от друга. Социальные психологи А.Б. Купрейченко и И.В. Мерсиянова отмечают «высокую актуальность совместного анализа доверия и недоверия как относительно независимых феноменов, выполняющих специфичные функции в регуляции жизнедеятельности личности и группы»[46].

Однако большинство исследователей отказываются рассматривать недоверие только как вторичный и однозначно отрицательный феномен. Отечественный психолог В.П. Зинченко пишет, что в слове «недоверие» сложная приставка «недо» – «это еще не полное отсутствие. Недостаток – это не отсутствие достатка. Недоверие – не полное отсутствие веры, доверия». Показывая, что доверие как психологическое чувство, эмоция, быстротечно и преходяще, данный автор соединяет оба понятия и употребляет понятие –

---

[44] *Римский В.П.* Коррупция и межличностное доверие в современной России. [Электронный ресурс]. Режим доступа: : http://www.hse.ru/data/2011/02/10/1208676078/Cor_trust_RF_Rim.doc. (дата обращения: 14.05.2015).

[45] *Алешин С.В.* Указ соч.

[46] Доверие и недоверие в условиях развития гражданского общества / отв. ред. А.Б. Купрейченко, И.В. Мерсиянова. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2013. 564 с.

кентавр «доверие-недоверие», подразумевая, что доверие к кому-либо или чему-либо одновременно означает недоверие к другим[47].

В социологической теории можно выделить, по крайней мере, два теоретических основания, позволяющих концептуализировать недоверие. Во-первых, это теории социальной аномии (Э. Дюркгейм, Р. Мертон)[48], поскольку для общества, находящегося в ситуации глубокого кризиса и аномии, отсутствие нормативно-ценностных ориентиров ведет к расползанию социокультурной ткани социума, к этике недеяния, пессимизма и сомнения. Во-вторых, это теории социализации личности, связывающие девиантное (отклоняющееся) поведение с социальной средой существования индивида. В рамках данных теорий социальные отклонения являются результатом неудачной социализации, когда индивид испытывает недоверие к социальным институтам, не понимает или не желает понимать необходимость следования социальным нормам, принятым в данной группе или обществе.

Первое упомянутое основание дает понимание недоверия как специфической характеристики общества или социальной группы, второе – как личностного качества. Таким образом, в социологической парадигме, как правило, исследуется соотношение личностного доверия/недоверия (к другим индивидам) и системного доверия/недоверия (к абстрактным системам и социальным институтам).

Присоединимся к точке зрения, что отношения доверия и недоверия не являются диаметрально противоположными. Недоверие к чему-либо не означает отсутствие доверия ко всему и всем другим, а доверие к одному и тому же объекту с течением времени может трансформироваться в недоверие, поэтому доверие и недоверие взаимосвязаны. В обществе с момента его возникновения существуют разные формы доверия и недоверия. В этом аспекте недоверие, как и доверие, является социокультурной универсалией.

---

[47] *Зинченко В.П.* Психология доверия // Вопросы философии. 1998. № 7. С. 76–93.
[48] *Durkheim E.* Le Suicide: Étude de sociologie. Paris, 1997; *Merton R.K.* Cocial Theory and Social Structure. New York, 1957.

Дихотомия «доверие-недоверие», будучи культурной ценностной константой, выполняет функции интеграции различных сообществ людей (начиная с первобытного противопоставления «мы – они»). Здесь уместно привести точку зрения Н. Лумана, считающего, что одновременность наличия доверия и недоверия не есть противоречие, а зависит от социальной ситуации. При желании повысить уровень доверия в обществе следует также повысить уровень недоверия[49].

Доверие позволяет нам чувствовать себя спокойно, полагаясь на то, что объект доверия *будет* соответствовать нашим ожиданиям. Даже доверяя, человек может испытывать доверие и недоверие одновременно. Так, о своего рода «вынужденном доверии» упоминает П. Штомпка: «Я верю, что технический и летный персонал авиакомпании LOT имеет высокую квалификацию, и я сажусь в самолет этой компании»[50].

Исходя из традиций, заложенных классиками социально-гуманитарной науки М. Вебером, Э. Дюркгеймом, Г. Зиммелем, П. Сорокиным, доверие в единстве с недоверием довольно часто исследуется как социокультурное явление. Подходов, раскрывающих сущность доверия, достаточно много, и исследователи предлагают их различные классификации. Канадский исследователь Д. Штолле выделяет три группы концепций доверия: 1) рациональные концепции; 2) концепции, основанные на идентичности; 3) нормативно-ценностные концепции[51].

В первом случае доверие есть ожидание субъектом порядочного поведения со стороны партнера по взаимодействию и надежности, связанное с риском, тогда недоверие предполагает ненадежность контрагента как не заслуживающего доверия. Во втором подходе доверие связано с групповой

---

[49] *Luhmann N.* Vertrauen. Ein Mechanismus der Reduktion sozialer Komplexität / N. Luhmann. UTB: Stuttgart 2000. P. 27–38.

[50] *Штомпка П.* Социология. Анализ современного общества / Пер с польск. С.М. Червонной. М.: Логос, 2005. 664 с.

[51] *Stolle D.* Trusting Strangers-The Concept of Generalized Trust in Perspective // Ozp-Institut fur Staats und Politikwissenschaft. 2002. V.31. № 4. P. 400–401.

идентичностью, тогда недоверие, соответственно, – с межгрупповой дифференциацией по системе «мы-они». Третий подход характеризуется с помощью предложенного Ф. Фукуямой определения, в котором доверие рассматривается как «возникающее у членов сообщества ожидание того, что другие его члены будут вести себя более или менее предсказуемо, честно и со вниманием к нуждам окружающих, в согласии с некоторыми общими нормами»[52].

Данные подходы, в общем и целом, не категорически противоречат друг другу. Их объединяет тот факт, что индивиду приходится оценивать вероятность и степень благополучного исхода ситуации социального взаимодействия.

Со своей стороны, полагаем, что подходы можно разделить на три группы. В отдельную группу следует выделить социально-психологический подход. Вторую группу составляют ценностный, реляционистский, деятельностный, институциональный подходы. Третью группу представляет общеметодологический структурно-функциональный подход.

С точки зрения *социально-психологического подхода* доверие или недоверие рассматривается как субъективная установка, предопределяющая отношение индивида, его предрасположенность к некоторому социальному объекту, связанную с определенным способом восприятия мира. Это состояние, по Д.Н. Узнадзе, предшествует той или иной деятельности и определяет ее осуществление[53].

Когда что-то нравится или не нравится, одобряется или не одобряется в отношении какого-либо объекта, говорят, что по отношению к нему формируется фиксированная установка – оптимистичная, положительная установка на доверие или пессимистичная, отрицательная установка на недоверие.

---

[52] *Фукуяма Ф.* Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию / Пер. с англ. М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2004. 730 с.

[53] *Узнадзе Д.Н.* Общее учение об установке // Узнадзе Д.Н. Психологические исследования. М.: Наука, 1966. 449 с.

В данный подход в определенной степени вписывается известное определение отечественного психолога Т.П. Скрипкиной, согласно которой доверие как самостоятельная форма веры «есть способность человека apriori наделять явления и объекты окружающего мира, а также других людей, их возможные будущие действия и свои собственные предполагаемые действия свойствами безопасности (надежности) и полезности, т.е. значимости (имеет смысл и ценность)»[54].

К социально-психологическому подходу примыкают теории социальной идентичности, согласно которым люди склонны полагаться на тех, кто является членом сообщества или ингруппы, поскольку члены ингруппы воспринимаются как похожие и обладающие позитивными качествами и, следовательно, являются субъектами позитивных установок на доверие. Члены аутгруппы, соответственно, воспринимаются с точки зрения обладания меньшим количеством положительных качеств и, следовательно, в отношении них возникает больше предубеждений и формируется установка на недоверие. Так формируется групповая идентичность или межгрупповая дифференциация.

С точки зрения *ценностного подхода* базисом для формирования доверия являются общие нормы морали и признание доверия ценностью. В русле нравственных отношений доверие позиционируется в качестве регулятора этих отношений, связывается тем самым с рациональными нормами морали как условиями функционирования общества. Одна из получивших известность дефиниций уже упомянута. Ф. Фукуяма, определяющего доверие как возникающее у членов общества ожидание определенного, в соответствии с нормами, поведения со стороны других. Кроме нравственной, он подчеркивает несколько других сущностных позиций доверия, в частности нормативную и рациональную.

В ценностном подходе доверие характеризует ценностно-смысловые установки индивида и социума и рассматривается как форма ценностного

---

[54] *Скрипкина Т.П.* Психология доверия. М.: Изд. центр «Академия», 2000. 264 с.

отношения к собственной субъектности в сочетании с ценностным отношением к объективным внешним условиям среды, как ожидание социального поведения, коррелируемого с моральными и правовыми нормами.

Е.А. Евстифеева предлагает конструкт доверия как аксиологического феномена, имеющего антропологическую константу. Автор выделяет содержательный («доверие к кому-то – себе, другому, миру, Абсолюту») и формальный («инвариантные по отношению к его содержанию черты, позволяющие понять механизм формирования и разрушения конкретного феномена доверия, выявить различные степени доверия») параметры феномена доверия. Объект доверия всегда обладает ценностной значимостью для субъекта, поэтому содержательный компонент доверия включает аксиологическую составляющую, связанную с внешними социокультурными факторами. Поэтому доверие «вместе с другими ценностно-смысловыми установками, формирует ценностно-смысловую структуру сознания личности, нравственный опыт». Данный опыт приобретается личностью, базируется на предвидении последствий акта доверия, вере в надежность объекта доверия, основанную на его нравственных качествах, поэтому доверие обладает нравственным смыслом. Аксиологическое содержание доверия, по мнению автора, имеет социально-практические основания и интерпретируется в контексте ценности доверия в системе социальных отношений данного общества, в частности российского[55].

Аксиологический аспект подчеркивается и в других определениях, к примеру, в психолого-педагогическом: «доверие – вид установки – отношения, связанный с ценностным отношением человека к миру и самому себе»[56].

В рамках *реляционистского подхода* доверие понимается в нескольких

---

[55] *Евстифеева Е.А.* Доверие: аксиологический феномен и антропологическая константа // Вестник Тверского гос. ун-та. Серия Философия. 2009. № 1. С. 4–13. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://history.tversu.ru/images/stories/vestnik-filosofia/2009-1/evstifeeva.pdf. (дата обращения: 26.10.2014).

[56] *Тузлукова В.И.* Научно-педагогический глоссарий [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://rspu.edu.ru/university/publish/journal/lexicography/glossary.htm. (дата обращения: 22.05.2009).

ракурсах. С одной стороны, во-первых, с позиций межличностных отношений, как «отношение к действиям другого лица и к нему самому (соучастнику в общем деле, партнеру по договору, руководителю), которое основывается на убежденности в его правоте, верности, добросовестности, честности…, подразумевает взаимную ответственность и проверяется опытом, практикой»[57]; как субъективное личностное отношение к другому или к другим[58]. Во-вторых, более широко, как отношения между индивидами, группами индивидов и обществом в целом в качестве «обобщенного доверия», основанного на вере в надежность человека или системы (Э. Гидденс[59]). С другой стороны, доверие понимается как «принцип конструирования социальных отношений» обеспечивающий их стабильность, долгосрочность, социальную консолидацию, социальную целостность[60].

С.В. Гельфанова предлагает несколько определений, подчеркивающих субъект-объектный характер отношений доверия и характеризующих его как социальное отношение: 1) «доверие есть самоопределение личности в отношении к другой личности и предоставляемой этой личностью общественной пользе (не важно, идет ли речь о товаре, услуге или информации)»; 2) «доверие – это сложное социальное отношение, в структуре которого, наряду с субъектом и объектом, присутствует определенная социальная (прямая и обратная связь), возникающая и развивающаяся на основе духовного единения ее участников»[61]. По мнению данного автора, в основе доверия лежит именно духовная доминанта, что и определяет «роль

---

[57] Словарь по этике / Словари и энциклопедии на Академике [Электронный ресурс]. Режим доступа: http:// http://ethics.academic.ru/86/ДОВЕРИЕ. (дата обращения: 27.10.2014).
[58] *Ильин Е.П.* Психология доверия. СПБ: Питер, 2013. 288 с.
[59] *Гидденс Э.* Устроение общества: Очерк теории структурации. М.: Академический Проект, 2005. 528 с.
[60] *Заболотная Г.М.* Феномен доверия и его социальные функции // Вестник РУДН. Серия «Социология». 2003. № 1 (4). С. 63–73.
[61] *Гельфанова С.В.* Доверие как феномен культуры. / С.В. Гельфанова, В.Н. Лавров. [Электронный ресурс]. Режим доступа http://www.delorus.com/medialibrary/detail.php?ID=1896. (дата обращения: 7.08.2010).

доверия как условия духовной социализации, ключевого фактора в преодолении различных форм социального отчуждения» [62].

В реляционистском подходе доверие интерпретируется с точки зрения своей социальной значимости как основание безопасности социальных систем и одно из основных составляющих социального капитала. Являясь одной из социокультурных ценностей, доверие в этом смысле трактуется как некая противоположность недоверию в аспектах конструирования социального порядка, элементов социальной структуры общества, в связи с усилением неопределенности, небезопасности и риска в современном обществе.

С точки зрения *деятельностного подхода* доверие характеризуется через действие или поведение. «Действие субъекта как способа проявления доверия» возможно на основании того, «что действия контрагента могут быть предсказаны и позитивно оценены субъектом доверия»[63]. Это действие предполагает ожидание честности, надежности, предсказуемости, отзывчивости в поведении других, поэтому и доверие и недоверие связаны с калькуляцией выгод и возможных поведенческих рисков. Доверие, по мнению специалистов, освобождает и мобилизует человеческое действие; поощряет творческую, инновационную и предпринимательскую активность; снижает неопределенности и риски, и в целом выполняет положительную функцию[64].

В этой связи доверие рассматривается как «ожидание субъектом порядочного поведения со стороны партнера по взаимодействию и надежности, связанное с риском»[65]. Производится оценка собственной выгоды в соответствии с выбором альтернативы доверия или недоверия в отношениях

---

[62] *Гельфанова С.В.* Феномен доверия в социокультурном развитии общества: автореф. дисс. … канд. фил. Наук: 09.00.11 / Гельфанова Светлана Владимировна; Челяб. гос. ун-т. Челябинск, 2007. 24 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: //http://cheloveknauka.com/fenomen-doveriya-v-sotsiokulturnom-razvitii-obschestva. (дата обращения: 05.06.2015).

[63] *Алексеева А.Ю.* Уверенность, обобщенное доверие и межличностное доверие: критерии различения // Социальная реальность. 2008. № 7. С. 85–98.

[64] Цит. по: Лукин, В. Н. Модель культуры доверия П. Штомпка: профили рисков/В.Н. Лукин, Т.В. Мусиенко// Теоретический журнал «CREDO NEW». 2008. № 2. С.27.

[65] *Stolle D.* Trusting Strangers-The Concept of Generalized Trust in Perspective // Ozp-Institut fur Staats und Politikwissenschaft. 2002. V.31. № 4. P. 400–401.

между людьми. В этом подходе недоверие, следуя логике вещей, предполагает ненадежность контрагента как не заслуживающего доверия. Доверие или недоверие в данном подходе позиционируется как социально-практический феномен (экономический, управленческий, политический и пр.), как символический кредит, связанный с оптимистическими или пессимистическими ожиданиями и оценкой выгоды от взаимодействия.

А.К. Ляско в данной связи определяет доверие как «уверенное ожидание благоприятного исхода потенциально незащищенных взаимодействий с другими агентами, неизбежно связано с тем фактом, что социальные отношения носят временной и условный характер. Под неопределенностью подразумевается как состояние окружающего мира, порождающее потребность в доверии, так и разрыв в его осмыслении, преодолеваемый благодаря доверительным отношениям»[66].

Деятельностный подход, переосмысленный в русле коммуникативного подхода, дает представления о доверии как о показателе, характеризующем совместную деятельность субъектов в коммуникациях микросоциального и макросоциального уровня. Коммуникация в современном информационном обществе занимает место одной из ведущих общественных практик. Понятие «коммуникативные практики», по мнению В.В. Зотова и В.А. Лысенко, «позволяет соединить существующие на сегодня диалогический, деятельностный и семиотический подходы к исследованию коммуникативных основ современного общества»[67]. Диалогичная модель коммуникации рассматривает коммуникацию как общение и диалог, в качестве альтернативы отчужденному миру. В работах К. Ясперса, М. Бубера, М.М. Бахтина, Ю. Хабермаса именно коммуникация была впервые положена в основу теории

---

[66] *Ляско А.К.* Указ соч.

[67] *Зотов В.В.* Коммуникативные практики как теоретический конструкт изучения общества / В.В. Зотов, В.А. Лысенко // Теория и практика общественного развития. [Электронный ресурс]. 2010. № 3. Режим доступа: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2010/3/sociologiya/zotov-lysenko.pdf. (дата обращения: 04.12.2014).

общества[68]. Основой коммуникации выступал социальный диалог. В рамках семиотического подхода природа коммуникации понимается в ракурсе движения смыслов в социальном пространстве и времени, поэтому особое внимание уделяется средствам сообщения, а именно – знакам и символам как особого рода явлениям, которым присущи смысл, значение и ценность. Этот аспект коммуникативной культуры как средства сообщения, как носителя смыслов и значений и выступает главным предметом исследования в работах Ю.М. Лотмана[69]. Еще одна, деятельностная модель коммуникации, существует на основе системной теории общества, выступавшей в формах структурного функционализма, теории взаимодействия, теории социального обмена и т.д. В деятельностном подходе коммуникация понимается как совместная деятельность участников коммуникации, результатом которой является вырабатываемое общее мнение. Так, по Н. Луману, «понятие коммуникации становится решающим фактором для определения понятия «общество»[70]. На первый план выходит такое свойство коммуникаций, как способствование самовоспроизводству общества. Совместное использование субъектами тезауруса (тезаурус есть типичное восприятие и отображение окружающего Мира) и габитуса (габитус есть совокупность предрасположенностей поступать определенным образом) позволяет получить больше смысловых значений в процессе коммуникации, а совпадение габитусов способствует достижению эффективности коммуникации. В таком случае понятие «коммуникативные практики» является видовым по отношению к понятию «социальные практики» и представляет собой упорядоченные совокупности образцов рациональной деятельности, направленной на передачу/прием социально-

---

[68] *Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Достоевского. М.: Художественная литература, 1972. 79 с.; *Бубер М.* Я и Ты /Пер. с нем. Н.Файнгольда). М.: Высшая школа, 1993. 173 с.*; Хабермас Ю.* Теория коммуникативного действия // Вестник МГУ. Сер. 7. Философия. 1993. № 4. С. 43-63; *Jaspers K.* Vernunft und Existenz/ K. Jasper. Groningen, 1935.

[69] *Лотман Ю.М.* Структура художественного текста. Семиотика кино и проблемы киноэстетики. Статьи. Заметки. Выступления. Санкт-Петербург: Искусство – СПБ, 1998. 384 с.

[70] *Луман Н.* Понятие общества // Проблемы теоретической социологии. Отв. ред. А.О. Бороноев. Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ, 1994. С. 25–42.

значимой информации. Коммуникативные практики – это также постоянное воспроизводство систем коммуникаций различного уровня[71].

В рамках *институционального подхода* доверие и недоверие трактуются как норма поведения, принимающая форму неформального (не закрепленного на законодательном уровне) института. С.В. Вершинин характеризует формирование института доверия как процесс развертывания спирали доверия: от доверия к себе, то есть «своим собственным ожиданиям и прогнозам», к доверию к другому, «после этого возвращаться обратно к индивиду и наоборот, доверие к другому (чужому) может укреплять доверие к самому себе. В таком аспекте доверие выполняет коммуникативную функцию, способствуя поддержанию и развитию социального взаимодействия» и формируя культуру доверия в обществе. «Это означает, что повторяемость определенных действий как ответ на некую потребность в соответствии с определенными нормами и правилами позволяет говорить о доверии как о некоем универсальном социальном институте…»[72]. Тогда недоверие, которое, как пишет автор, представляет собой «уверенность в ненадежности данного индивида или социального института», следует рассматривать как предпосылку эффективности и традиционного, и современного общества, как необходимый ресурс выживания в любой системе: оно «является неотъемлемой частью как политических практик, так и любых процессов социализации. В трансформирующемся обществе недоверие с неизбежностью становится важнейшим элементом социального поведения»[73].

Феномен недоверия является, на взгляд данного автора, относительно самостоятельным институтом по отношению к доверию. Как атрибут

---

[71] *Зотов В.В.* Коммуникативные практики как теоретический конструкт изучения общества / В.В. Зотов, В.А. Лысенко // Теория и практика общественного развития. [Электронный ресурс]. 2010. № 3. Режим доступа: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2010/3/sociologiya/zotov-lysenko.pdf. (дата обращения: 04.12.2014).

[72] *Вершинин С.Е.* Доверие как социальный институт гражданского общества (Методологические проблемы исследования) [Электронный ресурс] // Сайт Сергея Вершинина. Режим доступа: http://www.werschinin.ru/?ml=35. (дата обращения: 7.08.2010).

[73] *Вершинин С.Е.* Указ соч.

культуры любого общества, в этом смысле недоверие не является производным от доверия, а «находится с ним в диалектической взаимосвязи. Любая культура и любое общество характеризуется определенной мерой соотношения недоверия и доверия». Но на первый план недоверие выступает в периоды революционных изменений и глубоких социальных кризисов, легитимизируясь, становясь экономически и политически эффективным. «Если же существует определенная потребность в недоверии со стороны достаточно больших групп людей в различных сферах общественной жизни, а затем возникают образцы и правила поведения в соответствии с этой потребностью, то можно говорить о возникновении социального института недоверия»[74].

В рамках институционального подхода доверие также определяется как «неформальное правило человеческого поведения, которое может выступать универсальной институциональной нормой во всех сферах человеческой деятельности», в том числе экономической. Использование данной нормы в экономических отношениях ведет «к снижению трансакционных издержек, неопределенности рисков в хозяйственных процессах, а его укрепление обеспечивает нарастание социального капитала». Институт доверия в экономике представляет собой «совокупность неформальных правил, подкрепляемых формальными нормами, накладывающими определенные ограничения на поведение экономических агентов»[75].

В сфере гражданского общества доверие понимается как «готовность людей к взаимодействию, объединению»[76]. В рамках сетевых организационных структур доверие трактуется как «неформальные человеческие отношения», на основании которых происходит процесс передачи и обмена знаний, поэтому

---

[74] *Вершинин С.Е.* Социальное недоверие как необходимость и регресс [Электронный ресурс] // Сайт Сергея Вершинина. Режим доступа: http://www.werschinin.ru. (дата обращения: 22.08.2011).

[75] *Таханова О.В.* Институт доверия в современной экономике России: дис. ... канд. эк. наук : 08.00.01 / Таханова Оюна Вадимовна; Вост.-Сиб. гос. ун-т технологий и упр. Улан-Удэ, 2012. 172 с.

[76] *Примаков Д.* Доверие к независимости. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://enforce.spb.ru/chronicle/publications-of-the-media/1289-dprimakov-doverie-k-nezavisimosti. (дата обращения: 22.07.2015).

доверие выступает как «уверенность в будущем поведении в рамках сетевых взаимоотношений и во взаимоотношениях с брендом»[77].

В современных дискурсивных практиках о доверии последних лет все большую популярность приобретает общеметодологический *структурно-функциональный подход,* когда доверие выступает как целостное явление, имеющее структурные компоненты, изучаемые в комплексной взаимосвязи и взаимодействии между собой. В этой связи «объем понятия «доверие» или его значение фиксируется … как синтез трех разнородных составляющих: 1) основной признак концепта – убежденность в том, что на кого-либо или на нечто, сделанное им, можно твердо положиться; 2) дополнительный, «пассивный» признак концепта, связан с тайной, секретом, секретностью; 3) внутренняя форма концепта связана с некими договорными отношениями, возникающими в коммуникативной ситуации[78].

Исследователями представлены теоретические конструкты: доверия как аксиологического феномена, имеющего антропологическую константу (Е.А. Евстифеева) и недоверия как сложного социального феномена, имеющего когнитивную, эмоциональную, поведенческую стороны (С.Е. Вершинин). Во втором конструкте автор рассматривает недоверие как сложный социальный феномен, имеющий когнитивную, эмоциональную, поведенческую составляющие. «В когнитивном аспекте недоверие является знанием о ненадежности (непредсказуемости) отдельных индивидов, социальных групп, организаций, социальных институтов, общества в целом. В эмоциональном аспекте недоверие может быть разновидностью веры в несовершенство человека, в доминирование отрицательных качеств (скрытности, подлости, злобности и пр.) в поведении человека и сопровождаться такими чувствами как

---

[77] *Чистяков С.В.* Формирование института доверия как процесса, передающего и обменивающего знания в сетях // Философия хозяйства. 2011. N 2(74). С. 151–160.

[78] *Тишкова Н.Ю.* Доверие как феномен жизненного мир: дис. … канд. философ.наук : 09.00.13 / Тишкова Наталья Юрьевна; Владивосток, 2002. 167 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www. www.dissercat.com/content/doverie-kak-fenomen-zhiznennogo-mira (дата обращения: 22.10.2014).

недовольство, пессимизм. Недоверие может быть как сознательной, так и бессознательной установкой на подозрительность в отношении других индивидов и собственную закрытость. … В поведенческом аспекте деятельность, основанная на недоверии, отличается осторожностью, желанием избегать риска, действовать строго по инструкциям»[79].

Поскольку доверие – сложный социальный феномен, то, как считают специалисты, его определение должно быть адекватно сложности явления доверия. В отечественных социально-философских исследованиях последних лет предпринимаются попытки интегрировать знания социально-гуманитарных наук о доверии и представить комплексное определение – «как многослойную дефиницию или иерархию дефиниций с точной оценкой концептуальных отношений между различными, но взаимосвязанными характеристиками»[80]. Один из вариантов определения доверия – «единство системы и акта, из которых первая описывается как система, имеющая различные структуры, а второй как действие, поступок, соединяющий событийно-личную и культурно общезначимую стороны жизни индивидов»[81].

Некоторые специалисты полагают, что дефиниция доверия должна строиться «как пакетное понятие», что «предполагает интерпретацию в контексте, задаваемом понятиями веры, уверенности, социально-экономических ситуаций риска, глобализации, управления. Это, в свою очередь, позволяет конкретизировать значения доверия (как разновидности

---

[79] *Вершинин С.Е.* Социальное недоверие как необходимость и регресс [Электронный ресурс] // Сайт Сергея Вершинина. Режим доступа: www.werschinin.ru. (дата обращения: 22.08.2011).

[80] *Данкин Д.М.* Доверие как фактор стабильности // Ученые записки ИМЭИ. 2012. № 1.Т.2. С. 7–23.

[81] *Попков С.М.* Доверие и недоверие как типы ориентации в формах трансляции культуры: дис. ... канд. филос.наук : 09.00.13 / Попков Сергей Михайлович; Волгогр. гос. ун-т. Волгоград, 2013. 156 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.dissercat.com/content/doverie-i-nedoverie-kak-tipy-orientatsii-v-formakh-translyatsii-kultury. (дата обращения: 26.10.2014).

веры, т.е. иррациональное отношение, как социальную привычку и как рациональное отношение к будущему)»[82].

Работая в поле социолого-экономического дискурса в русле структурно-функционального, структурно-деятельностного, социально-конструктивистского, институционального подходов, некоторые исследователи вводят временной фактор и категорию вероятности в концепцию доверия как рационального выбора индивида в условиях неопределенности, полагая, что «доверие как капитал дает положительные результаты в будущем, …. накапливается в форме успешного опыта взаимодействий и поэтому используется далее как социальный ресурс»[83].

В онтологическом плане обычно выделяют три измерения доверия: базисное доверие как мера отношений (односторонних или взаимных); личностное доверие как психологическое качество; культурное измерение в качестве ценностно-нормативной системы, сдерживающей или поощряющей проявление доверия. Многие дефиниции, как показано, отражают эти три стороны.

Однако компоненты, входящие в структуру доверия, невозможно представить в виде какого-либо перечня. Схематичный набор этих компонентов как характеристик доверия не будет давать ответы на вопросы, в каком соотношении они находятся между собой и каким образом взаимодействуют. Кроме того, в качестве неявных, косвенно представленных останутся когнитивный и коммуникативный содержательные характеристики доверия.

---

[82] *Столяр В.Ю.* Доверие как феномен социально-экономической реальности: дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11 / Столяр Вероника Юрьевна; Место защиты: Твер. гос. ун-т. Тверь, 2008. 139 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.dissercat.com/content/doverie-kak-fenomen-sotsialno-ekonomicheskoi-realnosti. (дата обращения: 31.03.2012).

[83] *Ромашкин Г.С.* Доверие в российском обществе: экономико-социологический анализ: автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.03 / Ромашкин Гариф Сергеевич; Тюмен. гос. ун-т. Тюмень, 2011. 25 с.

Таким образом, в научном дискурсе доверие и недоверие рассматривались преимущественно как самостоятельные сущности, которым придавались аксиологические, нормативные и конативные измерения.

На наш взгляд, доверие и недоверие должны выступать предметом социально-философского осмысления, предполагающего их синкретическое рассмотрение как целостной социальной реальности.

В этой связи следует рассматривать совокупность структурных компонентов, признаков, функций доверия и недоверия, находящихся в определенных отношениях и связях друг с другом, и образующих целостное явление доверия и недоверия.

Эмоционально-нравственный компонент доверия (недоверия) основан на таком признаке, как вера в совершенство (несовершенство) человека, социальных институтов и социальных систем, в преобладание их позитивных (отрицательных) качеств. Когнитивный компонент характеризует доверие с точки зрения знания о надежности и безопасности ситуации и/или объекта доверия и уверенность в этом; недоверие – как знание о надежности и безопасности ситуации и/или объекта доверия как негативную (защитную) уверенность, или скептицизм. Коммуникативный и поведенческий/деятельностный компоненты аксиологически и праксиологически обусловлены, позволяют понять механизм формирования/разрушения конкретного феномена доверия как на микроуровне в ситуации межличностного взаимодействия, так и на макросоциальном уровне. Ценностный компонент системы доверия связывает индивида и общество, поскольку ценностные ориентации принадлежат индивиду, а система ценностей – социальной группе или обществу в целом. Ценности как «внерациональный регулятив»[84] представляют собой разделяемые многими индивидами убеждения относительно целей, к которым следует стремиться. Стоит подчеркнуть важность совпадения ценностных параметров объекта и

[84] *Золотухина-Аболина Е.В.* Рациональное и ценностное (проблемы регуляции сознания). Ростов н/Д: Изд-во Ростовского университета, 1988 г. 139 с.

субъекта доверия и проблематичность возникновения ситуации доверия и достижения согласия при их несовпадении.

Будучи целостным социальным явлением, доверие и недоверие выполняют деятельностную, коммуникативную и конструктивную социальные функции.

Поведенческий/деятельностный компонент характеризует доверие и недоверие с точки зрения деятельностной функции. Поведение есть «система внутренне взаимосвязанных действий, осуществляемых сложным (обладающим организацией) объектом; эта система подчиняется определенной логике и направлена на реализацию той или иной функции, присущей данному объекту и требующей его взаимодействия с окружающей средой. В широком смысле термин «поведение» употребляется применительно к объектам любого уровня организации... . Нередко термином «поведение» характеризуют систему поступков человека, представляющих собой реализацию нравственных установок»[85]. Иными словами, поведение человека характеризует взаимодействие человека с миром.

В понятии «деятельность» смысловой акцент делается на творчески-преобразовательном отношении человека к условиям его существования, к миру в целом, тогда как понятие поведения тесно связано с социальными программами и ценностными установками, зафиксированными в материальной и духовной культуре любого общества. Оно регулируется не только индивидуальным и общественным сознанием, но также и социальными институтами и правовыми нормами, моралью и политикой[86].

---

[85] *Юдин Э.Г.* Поведение/ Интернет-версия издания: Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Ин-т философии РАН; Нац. обществ.-науч. фонд; Предс. научно-ред. совета В.С. Степин. М.: Мысль, 2000-2001. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://iph.ras.ru/elib/2345.html. (дата обращения: 28.08.2011).

[86] Поведение // Новейший философский словарь / Гл. ред. А.А. Грицанов. Минск: Книжный Дом, 1999. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_new_philosophy/923/ПОВЕДЕНИЕ. (дата обращения: 23.09.2012).

В своей деятельностной функции доверие (недоверие) представляют собой проявление субъектом готовности (неготовности) к действию на основании позитивных (негативных) ожиданий честности, надежности, предсказуемости, отзывчивости в поведении объекта доверия, связанные с калькуляцией выгод и возможных поведенческих рисков. Поведенческий/деятельностный компонент доверия характеризует доверие через такие признаки, как безопасность, полезность, значимость, избежание риска, мотивация к совместной с другими индивидами деятельности по достижению поставленных целей. Недоверие в деятельностном аспекте характеризуется такими признаками, как враждебность, отсутствие значимости и полезности, неготовность и отсутствие мотивации к совместной деятельности по достижению поставленных целей.

Деятельностный подход, переосмысленный в русле коммуникативного подхода, дает представления о коммуникативной функции доверия и недоверия. Признаками доверия здесь выступают степень понимания и признания «Другого», толерантности, снятие культурного дистанцирования, ценностно-нормативное единство, общность ментальных программ и когниций. Признаками недоверия в данном аспекте являются степень отчуждения, разобщенности, социальной дифференциации, ценностно-нормативный разрыв, различие ментальных программ и когниций.

Конструктивная функция доверия и недоверия основывается на теоретическом представлении специалистов о том, что доверие есть один из факторов, «поддерживающих устойчивость и интегрированность общества». Рассмотрение доверия в этой функции указывает на «его роль в конструировании горизонтальных и вертикальных общественных отношений». Это означает, что доверие, во-первых, участвует в формировании групповых идентичностей, новых отношений сотрудничества и солидарности, форм гражданских ассоциаций; во-вторых, «непосредственно вплетается в механизм легитимации властного авторитета, обеспечивая социальную базу поддержки

институтов власти и проводимого ими политического и экономического курса»[87].

Вышеперечисленные компоненты и признаки доверия и недоверия проявляются на разных уровнях социальной системы.

Специалисты выделяют три уровня, и соответственно, микро-, мезо- и макрокритерии. На микроуровне таковыми являются показатели межличностного доверия, такие как «доверие к людям вообще, доверие к близким и родным, друзьям и коллегам»; на мезо- (групповом) уровне доверие измеряется посредством исследования межгруппового (межпоколенческого, межэтнического, межорганизационного взаимодействия); на макроуровне «доверие выступает в роли социального доверия, и его основными критериями является оценка населением того, насколько конкретные социальные структуры и институты соответствуют в своей деятельности функциональным, нормативным и ценностным императивам, заложенным в основе каждого из социальных институтов..»[88].

Признаки доверия и недоверия могут быть классифицированы и по сферам общества как система показателей социального благополучия и солидарности или социальной напряженности и конфликтности. В таком случае показателями недоверия в сфере экономических отношений являются «бегство» капиталов, расширение сферы «теневой» экономики, выражение недоверия к национальной валюте, акции экономического протеста; в политической сфере – абсентеизм, сокращение социальной базы поддержки институтов власти, акции политического протеста, рост экстремизма; в социокультурной сфере – самоизоляция в закрытом мире семьи или каких-либо других узких групп, массовая эмиграция, этнофобия, ксенофобия, рост

---

[87] *Заболотная Г.М.* Феномен доверия и его социальные функции // Вестник РУДН. Серия «Социология». 2003. № 1 (4). С. 63–73.

[88] *Кривопусков В.В.* Доверие в консолидации российского общества: социологическая концептуализация и институциональная оптимизация: дис. ... д-ра .социол. наук: 22.00.04 / Кривопусков Виктор Владимирович; Юж. федер. ун-т. Ростов н/Д, 2013. 311 с.

равнодушия, агрессии, жестокости, нравственного нигилизма[89].

Отмеченные социальные функции составляют практический инструментарий доверия и недоверия и выводят социально-философское исследование доверия и недоверия на уровень социальных практик. Пространство социальных практик как раз является той самой средой, где непосредственно функционируют доверие и недоверие.

Доверие и недоверие являются предметом научного дискурса, задаваемого фактом востребованности этих явлений в многообразных социальных практиках любого, в том числе российского общества.

Обществоведческий анализ феномена социальных практик в силу их практического потенциала основывается, прежде всего, на деятельностном подходе к пониманию социальных процессов и явлений. По словам В.А. Лекторского, «деятельностный подход в современных условиях не только возможен, но и весьма перспективен, однако его развитие менее всего может быть понято как простое навешивание термина «деятельность» на разнообразные феномены (т.е. как формальная онтологизация)», так как теория деятельности предусматривает реализацию объяснительного принципа в отношении социальных явлений и процессов, проистекающих в обществе[90].

Деятельностный подход базируется на теоретическом положении, согласно которому совместная деятельность людей «выступает предельной основой социального. Именно поэтому в предметной области обществознания в целом не может существовать категория, которая не обусловлена определением социальной деятельности, не выводится из него тем или иным способом… .» Суть деятельностного подхода к социальной действительности состоит в том, что этот подход «выступает в качестве объяснительного философско-социологического принципа, и который мы принимаем в качестве

---

[89] *Заболотная Г.М.* Феномен доверия и его социальные функции // Вестник РУДН. Серия «Социология». 2003. № 1 (4). С. 63–73.

[90] *Лекторский В.А.* Деятельностный подход: смерть или возрождение? // Вопросы философии. 2001. № 2. С. 56–65.

методологического основания при исследовании различных социальных процессов и социальных структур» [91].

Главное преимущество деятельностного подхода как объяснительного принципа состоит в том, что он дает возможность исследовать социальные процессы, не только описывая их, но и вскрывая их сущность, анализируя, объясняя. В силу этого современный деятельностный подход дает методологические основания дальнейшему развитию и повышению эвристических возможностей социально-философской и социологической теорий. Как писал А. Турен, сравнивая классическую социологию с современной, «центральной категорией первой было понятие общества, тогда как второй – социальное действие»[92].

С точки зрения деятельностного подхода социальные практики представляют собой «совокупность принятых в культуре (традиционных) способов деятельности, навыков обращения с различными предметами; мышление или действие «по привычке», следование правилу, поведение, имеющее ритуальный характер; частные социальные институты»[93].

Любая сфера социальной практики является определенным видом человеческой деятельности. Это положение, как считают исследователи, определяет две исследовательские установки, помогающие увидеть единство практической парадигмы[94].

Первая установка обоснована в ранних философских работах М. Хайдеггера и указывает на «раскрывающую» способность практик. Практики понимаются как различные упорядоченные и согласованные между собой

---

[91] *Науменко Т.В.* Деятельностный подход как объяснительный принцип современной социальной философии // Credo new. 2013. N 1. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://credonew.ru/content/view/1193/68/. (дата обращения: 28.08.2015).

[92] *Турен А.* Возвращение человека действующего. Очерк социологии. М.: Научный мир, 1998. 204 с.

[93] Социальные практики / Социологический словарь // Энциклопедии & словари [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://enc-dic.com/sociology/Socialnye-Praktiki-8356.html. (дата обращения: 19.12.2010).

[94] *Волков В.В., Хархордин О.В*. Теория практик. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2008. 298 с.

совокупности навыков целесообразной деятельности (практического искусства), которые конституируют или воспроизводят идентичности. Практики раскрывают человеку возможности состояться в том или ином социальном качестве, например, профессии. Эти различные способы социального существования исторически возможны в данной культуре. Социальные изменения могут быть поняты как изменения фоновых «раскрывающих практик», которым соответствует появление новых идентичностей, формальных институтов и идеологий[95].

Вторая исследовательская установка раскрывается в поздних работах Витгенштейна и делает акцент на фоновых практиках. Фоновые практики «представляют собой деятельностный контекст, в котором интерпретируется высказывание или поведение». В каждом конкретном случае различные фрагменты этой совокупности практик в данной культуре функционируют как практическое знание того, как обращаться с людьми или предметами для достижения определенных целей. Например, действительный смысл ценностных понятий свободы, демократии и т.д. раскрывается в конкретных способах деятельности, поэтому в разных культурах и традициях одни и те же понятия будут иметь разное значение[96].

Среди основных социологических теорий, акцентирующих внимание на концептуализации понятия социальных практик, выделяются структуралистский конструктивизм П. Бурдье, теория структурации Э. Гидденса и этнометодология Г. Гарфинкеля.

В структуралистско-конструктивистской теории П. Бурдье социальная практика понимается как совокупность целесообразных действий индивидов по преобразованию социального мира, обеспечивающих устойчивое функционирование социальных институтов, а также каждодневные привычные

---

[95] *Петров А.В.* Социальные практики и взаимодействия: концептуализация понятий // Общество и право. 2005. № 4 (10). С. 38-50. С. 48.
[96] *Волков В.В., Хархордин О.В*. Указ соч.

поступки, не требующие объяснения[97]. Практика, с одной стороны, детерминируется социальной средой, с другой, воздействует на саму эту среду, изменяя ее структуру. Основанием практик у Бурдье является концепция «габитуса». Габитус есть совокупность свойств, приобретаемых в результате усвоения опыта индивидом, «ансамбль диспозиций действия, мышления, оценивания и ощупывания»[98]. Практика есть результат диалектических отношений между ситуацией и габитусом. В этом случае индивид понимается как социальный агент, реализующий в своей личной практике программу общества в зависимости от того положения, которое он в этом обществе занимает. Так как социально-культурных полей несколько, то агент может занимать позиции одновременно в различных полях, руководствуясь своим «практическим чувством», «практическим чутьем», «практическим смыслом». Концептуальная триада «практика – сознание – габитус» выступает как основа теории П. Бурдье.

В теории структурации Э. Гидденса предметом научной рефлексии стала амбивалентность субъективного и объективного содержания социальных практик. Гидденс говорит о социальных практиках как о системах социальных действий и обращает внимание на двойственный характер структуры социальных практик: с одной стороны, наличие правил (норм) и ресурсов, с другой – индивидуальных акторов. Социальная практика рассматривается как своего рода основа, преодолевающая разрыв между микро- и макросоциологическими уровнями, тогда как социальная реальность понимается как «сплетение» социальных практик, или систем социальных действий. В социальных практиках социальные действия вследствие своей повторяемости приобретают опривыченный, рутинизированный характер,

---

[97] *Бурдье П.* Начала. Choses dites: Пер. с фр. Н.А. Шматко. М: Socio-Logos, 1994. 288 с.;
Бурдье П. Практический смысл / Пер. с фр.: А.Т. Бикбов, К.Д. Вознесенская, С.Н. Зенкин, Н.А. Шматко; / Отв. ред. Н.А. Шматко. СПб.: Алетейя, М.: «Институт экспериментальной социологии», 2001. 562 с.

[98] *Бурдье П.* Структуры, habitus, практики. Современная социальная теория: Бурдье, Гидденс, Хабермас: учебное пособие / под ред. А. Леденевой. Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та, 1995. 119 с.

«рутина обеспечивает целостной личности социального деятеля в процессе его (ее) повседневной деятельности, а также является важной составляющей институтов общества, которые являются таковыми лишь при условии своего непрерывного воспроизводства»[99].

Говоря о рутинизированном характере повседневности, автор подчеркивает привычность, рутинизированность так называемых фоновых практик[100].

В этнометодологической теории Г. Гарфинкеля обозначаются основные свойства социальных практик – их объяснимость, повторяемость, наблюдаемость, рефлексивный характер, когда «действия, посредством которых индивиды создают ситуации организованной повседневной деятельности и управляют ими, идентичны процедурам, к которым индивиды прибегают, чтобы сделать эти ситуации объяснимыми, а смысл поведения должен быть обнаружен в самом поведении»[101].

В этнометодологии Г. Гарфинкеля социальные практики также понимаются с позиции их фонового характера.

Теория фоновых практик возникла в аналитической философии и философии обыденного языка (Л. Витгенштейн, Г. Гарфинкель, Д. Мур, Д. Остин, А. Шюц). В частности, понятие фона, заимствованное из гештальтпсихологии, было предложено Л. Витгенштейном в работе «Замечания о философии психологии», где он осмысливает фон в сравнении с человеческой деятельностью, подчеркивая социальный характер фоновых практик. Этот фон, как «все разнообразие человеческих действий в их полном смешении…», на котором мы видим любое социальное действие, «задает наши суждения, наши понятия и наши реакции»[102]. Фон обозначает все богатство палитры смыслового наполнения содержания жизни, на основании чего мышление

---

[99] *Гидденс Э.* Устроение общества: Очерк теории структурации. М.: Академический Проект, 2005. С. 111.
[100] *Гидденс Э.* Указ соч. С. 18–43.
[101] *Гарфинкель Г.* Исследования по этнометодологии. СПб.: Питер, 2007. С.9.
[102] *Wittgenstein L.* Remarks on the Philosophy of Psychology/ L. Wittgenstein. Oxford: Blackwell,1980. Vol 1. 253 p.

вычленяет тот или иной вид деятельности в форме практики. Фоном является сама культура, рассматриваемая как способ бытия общества, поэтому практики как одинаковые формы деятельности, но осуществляемые на разном фоне, имеют разное значение и смысл. Так, соблюдение правил личной гигиены (мытье рук перед едой) в современном обществе есть не более чем норма бытового уровня жизни, а в средневековье данная практика была известна и доступна только привилегированным слоям общества.

Отечественные специалисты структурируют фоновые практики через следующие их атрибуты: 1) соединение слова и дела; 2) неосознаваемый, латентный или же возникающий в процессе практического использования смысл данного процесса; 3) рутинизированный характер привычных, повторяющихся действий; 4) достаточно жестко заданная целевая направленность и императивность; 5) ситуативная обусловленность, в смысле привязанности к определенному социокультурному контексту. В силу этого «фоновые социальные практики возникают на пересечении говорения и делания, дискурса и предметно-практических действий»[103].

Представители социального конструкционизма П. Бергер и Т. Лукман для характеристики повторяющихся социально-практических действий активно используют понятие «хабитуализация» (опривычивание), имея в виду общий фундамент, стабильную основу для воспроизводства человеческой деятельности. Опривычивание действий означает конструирование общей основы, фундамента с целью стабилизации социальных взаимоотношений – тогда взаимодействие индивидов становится предсказуемым[104].

Специалисты отмечают, что в настоящее время понятие «практика» употребляется в разных научных дисциплинах, где разный способ концептуализации зависит также от методологической позиции

---

[103] *Лычковская О.Р.* Фоновые социальные практики: между дискурсивным и предметно-практическим (к методологии вопроса) // Сборник научных трудов участников Харьковских Социологических чтений [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.sociology.kharkov.ua/socio/index.php?option=com...id... (дата обращения: 25.03.2012).

[104] *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. С. 56.

исследователей. Уже отмечался приоритет деятельностной парадигмы, в рамках которой в широком смысле «практики – это то, что мы делаем»[105]. Со своей стороны, «деятельностная организация практики и сознания представляет две позиции. Одна позиция – это объектно-онтологическое устройство социальной практики. Другая – субъективно представленная сторона этой практики»[106].

К концептуализации социальных практик имеет отношение институциональная парадигма, оперирующая понятиями «институционализация», «социальный институт». В классическом социологическом варианте Э. Дюркгейм считал социальными институтами «все устоявшиеся, типичные отношения в обществе»[107]. Такая трактовка определяет возможность институционализации социальных практик.

В теории П. Бергера и Т. Лукмана институционализация рассматривается как закономерный результат хабитуализации, то есть хабитуализация предшествуют институционализации. «Институционализация», как пишут эти исследователи, «имеет место везде, где осуществляется взаимная типизация опривыченных действий деятелями разного рода»[108].

В отечественной социологии институциональный подход также используется для концептуализации социальных практик, однако методология использования данного подхода различна. В одном варианте институционального подхода (В.И. Добреньков, А.И. Кравченко и др.) социальные практики считаются первичными, основополагающими по отношению к социальным институтам, тогда как социальные институты есть

---

[105] *Волков В.В., Хархордин О.В*. Указ соч. С. 15.

[106] *Давыдов В.В., Громыко Ю.В.* Теория деятельности и социальная практика: доклад на III Международном конгрессе по теории деятельности. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.situation.ru/app/j_art_973.htm. (дата обращения: 18.03.2016).

[107] Цит. по: Давыдов А.А. Системная социология / А.А. Давыдов. М: КомКнига, 2006. С. 67.

[108] *Бергер П., Лукман Т.* Указ соч.

главные (базовые, основные, наиболее устойчивые в данном обществе) формы (или типы) социальной практики[109].

В другом варианте институционального подхода основой концептуальной модели является противоположный тезис: социальные практики являются формами функционирования социальных институтов. Тогда «социальные институты соотносятся с социальными практиками как содержание с формой или сущность с явлением. Институты, как всякие сущности глубже и устойчивее своих форм. Практика как форма более конкретна»[110]. Характеризуя этот вариант институционального подхода в исследованиях Т.И. Заславской, С.Г. Кирдиной и М.А. Шабановой, Н.А. Антонова пишет, что данные авторы считают необходимыми «четкие и обоснованные критерии, позволяющие определить, в каком случае практика отождествляется с частным институтом, а в каком нет… . В этом подходе «социальные практики классифицируются (в духе классической парадигмы Э. Дюркгейма) на институционализированные формы, а именно социальные институты, и неинституционализированные формы – социальные практики (неформальные в том числе)»[111].

Некоторым специалистам наиболее плодотворным представляется вариант рассмотрения социальных практик с точки зрения синтеза деятельностного и институционального подходов. В данном случае исходной является мысль, что «на начальном уровне любое действие, совершаемое индивидом в обществе, приобретает значение социального». Социальное действие ввиду частого своего повторения становится рутинным,

---

[109] *Добреньков В.И., Кравченко А.И.* Социология*:* В 3-х т. Т. 3: Социальные институты и процессы. М: ИНФРА-М, 2000. 520 с.

[110] *Шабанова М.А.* О некоторых преимуществах интеграции экономического и социологического анализа институциональных изменений. Статья 1: Институты, практики, роли // Экономическая социология: электронный журнал. 2006. Т. 7. № 4. С. 19. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http: //ecsoc.msses.ru/data/868/587/1234 /ecsoc_t7 _n4. Pdf. (дата обращения: 09.11.2015).

[111] *Антонова Н.Л.* Социальная практика*:* теоретико-методологические основания исследовательского анализа // Известия Уральского государственного университета: Серия «Общественные науки». 2009. № 4 (70). С. 92–98.

опривыченным. Психологический смысл опривычивания (хабитуализации, рутинизации) состоит в том, что «оно предопределяет набор действий и освобождает индивида от постоянного решения одних и тех же вопросов, тем самым давая ощущение стабильности жизненного мира». С течением времени «опривыченные действия и образцы поведения закрепляются в социальных практиках», и социальное действие «на последней стадии выходит на высший, институциональный уровень, становясь социальным институтом». В таком ракурсе социальные практики обладают рядом характеристик, среди которых такие, как массовость, воспроизводство, нормативность, устойчивость, наблюдаемость, рефлексивный характер, объяснимость[112].

С точки зрения синтеза деятельностного и институционального подходов, концепций «фоновых» и «раскрывающего характера» практик, а также синтеза структуралистско-конструктивистской, структурационистской и этнометодологической концепций социальных практик, социальные практики могут определяться как репертуары совершаемых субъектами социальных действий и взаимодействий, обеспечивающие устойчивое функционирование либо трансформацию социальных институтов, и порождающие новые социальные институты.

В таком ракурсе доверие и недоверие могут рассматриваться синкретически как ментальные установки, обуславливающие доверие и недоверие как социальные практики. Доверие и недоверие как ментальные установки выполняют функцию когнитивного медиатора между институциональной средой и социальными практиками. Благодаря этому медиатору институты как нормы превращаются в когнитивные образования, обуславливающие доверие и недоверие как социальные практики.

В условиях методологического плюрализма, когда ни одно из представлений о доверии и недоверии, а также ни одно из представлений о социальных практиках не может претендовать на универсальность,

---

[112] *Шугальский С.С.* Социальные практики: интерпретация понятия // Знание, понимание, умение. 2012. № 2. С. 276–280.

исследование доверия и недоверия как социальных практик российского общества является проблематичной задачей. Решение этой задачи возможно в рамках методологического конструкта, синтезирующего когнитивные установки различных научно-исследовательских подходов.

1.3. Методологический конструкт трансдисциплинарного исследования доверия и недоверия как социальных практик российского общества

Исследователи характеризуют методологический конструкт как когнитивную модель аутентичной познавательной деятельности и отмечают, прежде всего, его рационально-проектный характер[113]. Эта модель включает парадигмальные основания в виде знаний о предмете исследования, а также о способах постановки и решения классов исследовательских задач, направленных на получение нового знания об этом предмете. Методологический конструкт имеет в качестве основания теоретические знания, являющиеся предпосылкой, рационально-проектной основой получения нового знания. Новое знание как результат носит концептуальный характер.

Научное исследование доверия и недоверия как социальных практик российского общества основывается на необходимости выбора модели исследования, обладающей наибольшим теоретико-методологическим потенциалом. Это вызывает необходимость разработки такого методологического конструкта, который базируется на синтезе дисциплинарных подходов к исследованию доверия.

Синтез исследовательских результатов, полученных в дисциплинарном дискурсе, возможен при условии использования трансдисциплинарного подхода в качестве теоретико-методологической базы исследования доверия и недоверия как социальных практик российского общества.

---

[113] *Матяш Т.П.* Античная и научная рациональность: исторические трансформации // Гуманитарный ежедневник / отв. ред. Ю. Г. Волков. Ростов н/Д: Изд-во Рост, ун-та, 2004. С. 170–182.

Трансдисциплинарный подход вписывается в одну из классификаций научных подходов, основанием которой является степень полноты познания окружающего мира. Выделяют несколько основных подходов: дисциплинарный, междисциплинарный, мультидисциплинарный (полидисциплинарный) и трансдисциплинарный системный подход.

По оценкам исследователей, первое определение трансдисциплинарности было дано в 1970-е гг. психологом Ж. Пиаже, который писал, что трансдисциплинарность «не ограничится междисциплинарными отношениями, а разместит эти отношения внутри глобальной системы, без строгих границ между дисциплинами». Под «полной трансдисциплинарностью» Пиаже имел в виду своего рода метазнание. На сегодняшний день в зарубежной академической науке условно выделяют два толкования трансдисциплинарности. Первое толкование означает, что понятия из различных дисциплин или их методы смешиваются, или «переплавляются», что позиционируется чаще всего как способ решения внутринаучных проблем. Второе значение трактует трансдисциплинарность с точки зрения достижения метауровня или метаструктуры, позволяющей сочетать различные когнитивные стратегии и способы достижения знания, объединяющие теорию и практику, преодолевающие ограниченность дисциплинарно организованной науки[114].

Отечественные авторы объясняют появление опорной точки распространения трансдисциплинарности двумя обстоятельствами: с одной стороны, утратой единства и кризисом классической науки, с другой – возросшими требованиями к ее результатам со стороны общества, тогда как в контексте философии и методологии науки феномен трансдисциплинарности явился логическим продолжением и философским обобщением постнеклассического направления[115].

---

[114] Трансдисциплинарность в философии и науке: подходы, проблемы, перспективы / Под ред. В.А. Бажанова, Р.В. Шольца. М.: Навигатор, 2015. С. 12–13.

[115] Там же. С. 15.

В нашем исследовании мы будем придерживаться второй трактовки, с точки зрения которой трансдисциплинарность есть «способ расширения научного мировоззрения, заключающийся в рассмотрении того или иного явления вне рамок какой-либо одной научной дисциплины»[116].

Трансдисциплинарный подход основан на формальной взаимосвязи вкладов отдельных дисциплин в изучение исследуемого объекта и в современной науке имеет статус системного подхода. Трансдисциплинарный подход предполагает постановку классов научно-исследовательских задач, «направленных на преодоление гетерогенности дисциплинарных теоретических знаний путем их осмысления на концептуальном уровне, выходящем за пределы и габитуальные рамки отдельных научных дисциплин»[117]. В результате возникают эвристические «концептуальные вариации трансдисциплинарного понимания целостности», когда «…единство различных подходов не исчерпывается традиционным рассмотрением: «с одной стороны... с другой стороны…». И собственно множественность рождается, когда учитываются варианты отношений между ними как нечто третье, которое совсем не всегда однозначно определяет эти стороны…». Именно эта неоднозначность «дает импульс воображению и угадыванию нового, что во многом обуславливает эвристику трансдисциплинарного подхода в поиске целостности»[118].

Основой таких концептуальных вариаций является принцип трансдисциплинарного синкретизма, в рамках которого, как пишут исследователи, социальная реальность рассматривается как целостная упорядоченная система, обладающая следующими характеристиками: свойства

---

[116] *Мокий В.С.* Основы трансдисциплинарности. Нальчик: ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 года», 2011. 368 с.; *Мокий В.С.* Методология трансдисциплинарности – 4. 2-е изд., испр. и допол. Н.: АНОИТТ, 2014. С.8. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.anoitt.ru/tdbiblioteka/tdmetodol.php. (дата обращения: 01.09.2015).

[117] *Киященко Л.П., Моисеев В.И.* Философия трансдисциплинарности. М.: Институт философии РАН, 2009. С.17.

[118] *Киященко Л.П.* Беспокойство становления целостностью. Вариации на тему трансдисциплинарности // Вопросы философии. 2015. № 11. С. 78–79.

социальной реальности как системы не сводятся к простой сумме свойств ее элементов; системе присущи особые свойства, которых нет у ее элементов; теоретические знания о свойствах отдельных компонентов системы не могут претендовать на выражение ее сущности; представление о системе в целом должно непременно присутствовать при изучении его частей[119].

Учитывая, что трансдисциплинарный подход открывает широкие возможности взаимодействия многих дисциплин при решении комплексных проблем и доверие в сочетании с недоверием относится к их числу, такой подход позволит осуществить метатеоретическое обобщение дисциплинарного и междисциплинарного знания по проблеме доверия и недоверия как социальных практик российского общества.

Таким образом, трансдисциплинарный подход в изучении доверия и недоверия как социальных практик российского общества направлен на создание их когнитивной модели в виде системы научных знаний, синкретически обобщающей результаты дисциплинарного и междисциплинарного дискурсов на метатеоретическом уровне.

Научное исследование доверия и недоверия как социальных практик российского общества предполагает выбор определенной модели научного исследования. Одной из моделей, обладающей наибольшим теоретико-методологическим потенциалом, является неоклассическая модель научного исследования. Данная модель может выступить основанием методологического конструкта социально-философского исследования доверия и недоверия как социальных практик российского общества.

Выделение классической, неклассической и неоклассической моделей исследований основывается на концептуальном анализе сложившихся альтернативных научно-исследовательских практик. Так, применительно к политической науке «модель политического исследования рассматривается как когнитивный его аналог, концептуально воспроизводящий такие параметры,

---

[119] *Лубский А.В.* Междисциплинарные научные исследования: когнитивная «мода» или социальный «вызов» // Социологические исследования. 2015. № 10. С. 3–11.

как предмет политического исследования, его когнитивная стратегия и способ познавательной деятельности»[120]. Неоклассическая модель, формирующаяся в рамках постнеклассической политической науки, представляет собой синтез противоположных когнитивных практик в политическом познании, а именно – сохраняет приверженность принципам классической модели, включает и принципы ее антипода – неклассической. Если вначале появилась классическая модель политического исследования, затем сформировалась её противоположность – неклассическая модель, то в соответствии с логикой развития политической науки следующая её стадия – это неоклассическая модель[121].

Основанием неоклассической модели «выступает синтез объективистских и субъективистских подходов, социологистских и номиналистских принципов, номотетических и идиографических стратегий при изучении социальной реальности», а также «взаимодействие в социальной реальности и объективных структур, и субъективных действий». Поэтому методологические постулаты неоклассической модели научного исследования направлены на преодоление парадигмальных ограничений в изучении социальной реальности путем перехода от одномерных к многомерным ее интерпретациям на основе синтеза познавательных установок классической и неклассической науки, а также с учетом рационального содержания постмодернизма. Предметом неоклассической модели научного исследования являются надындивидуальная универсальная и каузальная реальность (социальные процессы, структуры и институты) и уникальная казуальная индивидуальная реальность (повседневная жизнедеятельность людей и их уникальные духовные практики)»[122].

Исследователями формулируются следующие методологические постулаты данной модели: изучение альтернативности социальных процессов

---

[120] *Лубский А.В.* Неоклассическая модель политических исследований/ Политическая концептология. 2014. № 3. С. 22.

[121] Там же. С. 22–24.

[122] *Лубский А.В.* Конфликтогенные факторы на юге России: методология исследования и социальные реалии / Отв. ред. В.В. Черноус. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ, 2005. С.4.

в плане более глубокого понимания превращения социальных возможностей в социальную действительность и соотношения необходимости и случайности в ситуации нестабильности и неопределенности; сопряженность объективности и субъективности научного исследования, причем последняя актуальна в первую очередь при выборе исходных методологических оснований научного исследования; принцип «диалога – интерпретации» ученого как представителя научного этоса и социальной реальности в качестве необходимого условия получения нового научного знания; претензии на создание «синтетических» социальных концепций, имеющих холистскую направленность, т.е. стремящихся «описать, объяснить и понять свой предмет в целостности и единстве составляющих его элементов». Важнейшими методологическими принципами выступают, во-первых, «методологический, теоретический и аксиологический плюрализм в качестве необходимого условия разработки наиболее адекватного варианта социальной теории» и, во-вторых, активизация концептуального мышления[123].

Методологический, теоретический и аксиологический плюрализм в качестве одного из основных принципов неоклассической модели научного исследования состоит в том, что в конкретной познавательной ситуации используется наиболее адекватный, специфический способ познавательной деятельности с целью решения того иного класса сформулированных исследовательских задач. Следовательно, социальная реальность, в зависимости методологических позиций, на которых стоит исследователь, может представляться в различных вариантах.

Вторым основным принципом является активизация концептуального мышления, которое базируется на концептах как когнитивных моделях социальной реальности рационально-ценностного содержания.

Концепт означает «содержание понятия в отвлечении от языковой формы его выражения. Концепт актуализирует отраженную в понятии онтологическую

[123] *Лубский А.В.* Конфликтогенные факторы на юге России: методология исследования и социальные реалии / Отв. ред. В.В. Черноус. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ, 2005. С. 4-5.

его составляющую… . Концепт функционирует внутри сформированной концептуальной схемы в режиме понимания – объяснения»[124].

Концепты формируются речью в процессе дискурсивных практик и являются, с одной стороны, результатом квантификации и категоризации социально-философского знания, т.е. имеют рациональное содержание и ценностную нагрузку. С другой стороны, концепты представляют собой определенный способ и форму абстрагирования, модели которого задаются самим философским мышлением, поэтому концепты не только описывают, но и конструируют свои объекты.

В отечественной философии и методологии науки конструктивно-деятельностный подход продуктивно разрабатывался в работах Г.П. Щедровицкого, В.С. Степина, В.Н. Розина, М.В. Розова, В.С. Швырева. Последний, в частности, отмечал такую специфическую особенность конструктивизма, как то, что конструктивная роль эпистемических, ценностных, социокультурных предпосылок при формировании знания выдвигается на первый план за счет роли факторов формирования знания, идущих от объекта исследования[125]. В русле этой идеи Е.Н. Князева пишет о «нелинейной паутине» когнитивной деятельности субъекта, который осваивает мир, создавая паутину, т.е. продолжая самого себя во внешнем мире. «Познающий субъект не столько отражает, сколько конструирует мир. Подобным образом субъект в своем познавательном усилии не отстранен от мира, но встроен в него. Он, по сути, изучает самого себя, проецируемого на этот мир»[126]. При этом «сложность и нелинейность сопровождающих всякий акт познания обратных связей означает, что субъект и объект познания взаимно детерминируют друг друга, то есть находятся в отношении ко-детерминации,

---

[124] Концепт. / Новейший философский словарь. // Отв. ред. А.А. Грицанов. Минск: Книжный Дом, 1999. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_new_philosophy/623/КОНЦЕПТ. (дата обращения: 14.12.2014).

[125] Цит. по: Конструктивизм в эпистемологии и в науках о человеке («материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 2008. № 3. С. 28–29.

[126] *Князева Е.Н.* Нелинейная паутина познания // Человек. 2006. № 2. С. 21–22.

они используют взаимно предоставленные возможности, пробуждают друг друга, со-рождаются, со-творятся, изменяются в когнитивном действии и благодаря ему»[127].

Иными словами, данная модель когнитивной познавательной деятельности раскрывает содержание предмета научного исследования и его парадигмальных оснований как способов построения и решения исследовательских задач и, исходя из этого, представляет собой продукт сознания ученого, проектирующего реальные исследовательские действия.

Неоклассическая модель исследования базируется на особом типе научной рациональности, где научное мышление выступает не как констатирующее, а как проектно-конструктивное когнитивное действие. Представления ученого о социальной реальности здесь сливаются, с одной стороны, с самой социальной реальностью, с другой – с представлениями других членов научного сообщества, предполагая рефлексию и плюрализм различных позиций, что в рамках неоклассической модели научного исследования понимается как эпистемологическая установка конструктивного реализма[128], преодолевающая оппозицию объективизма и присущего постмодернизму радикального конструктивизма.

Еще одним важным принципом неоклассической модели научного исследования является принцип контекстуальности. Данный принцип означает, во-первых, что любое исследуемое явление, в данном случае таковым является доверие и недоверие, следует изучать в рамках той социокультурной среды, которая породила это явление; во-вторых, что понимание социальной реальности такой, как она есть на самом деле, требует изучения представления людей об этой реальности, «их ценностных ориентаций и установок поведения,

---

[127] *Алпатов А.С., Барышков В.П.* Конструктивистская эпистемология как предпосылка понимания интереса в познании// Образование в современном мире. Саратов, 2009. Вып.4. С. 92-102. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.sgu.ru/sites/default/files/textdocsfiles/2013/07/15/i-09_baryshkovalpatov.pdf. (дата обращения: 17.06.2015).

[128] *Лекторский В.А.* Кант, радикальный контруктивизм и конструктивный реализм в эпистемологии // Вопросы философии. 2005. № 8. С. 11–21.

то есть всего того, что в последнее время получило название ментальных программ. Благодаря этим программам люди обладают способностями к конструированию социальной реальности, а если они, согласно теореме У. Томаса, определяют социальную ситуацию как реальную, то она становится реальной по своим последствиям»[129].

Таким образом, предварительным основанием для получения объективного научного знания о состоянии и тенденциях формирования и трансформации доверия и недоверия как социальных практик российского общества послужит разработка методологического конструкта научного исследования на основе таких принципов неоклассической модели, как методологический, теоретический и аксиологический плюрализм, активизация концептуального мышления, конструктивный реализм и контекстуальность**.**

Основу методологического конструкта научного исследования составляет, во-первых, понятийный аппарат научного исследования, позволяющий сформулировать основные классы научно-исследовательских задач, предмет и логику познавательной деятельности, связанные с их решением. Во-вторых, основанием методологического конструкта являются парадигмальные основания решения того или иного класса научно-исследовательских задач.

В условиях методологического плюрализма изучение доверия и недоверия как социальных практик российского общества предполагает разработку методологического конструкта трансдисциплинарного научного исследования, направленного на преодоление дисциплинарной фрагментарности и парадигмальной ограниченности с целью метатеоретического обобщения результатов научных исследований на основании принципа синкретизма в изучении доверия и недоверия.

---

[129] *Лубский Р.А.* Российская государственность как социальная реальность: методология многомерного исследования, типы, специфика развития: дис. … д-ра. филос. наук: 09.00.11 / Лубский Роман Анатольевич; Ростов н/Д, 2015. С. 62.

С точки зрения этого принципа доверие и недоверие рассматриваются как синкретическое целостное многомерное и многофункциональное явление. Доверие сопровождается недоверием, что проблематизирует сущность и тем самым осложняет функционирование доверия. Структура доверия и недоверия включает компоненты, признаки, функции доверия и недоверия, находящиеся между собой в определенных отношениях и связях и образующие целостное явление доверия и недоверия. Основанием методологического конструкта трансдисциплинарного научного исследования доверия и недоверия как социальных практик российского общества являются также теоретические представления о социальных практиках, формирующиеся в рамках синтеза деятельностного и институционального подходов, концепций «фоновых» и «раскрывающего характера» практик, а также синтеза структуралистско-конструктивистской, структурационистской и этнометодологической концепций социальных практик.

В рамках такого методологического конструкта доверие и недоверие как социальные практики можно рассматривать как репертуары социальных действий и взаимодействий, обусловленные экзогенными (институциональной средой) и эндогенными (ментальными установками индивидов и социальных групп) факторами.

Теоретические представления о ментальных установках, обуславливающих доверие и недоверие как социальные практики, получены на основе синтеза социально-психологических подходов к установке, а также социологических концепций личности. В социально-психологических концепциях установка, с одной стороны, рассматривается как неосознанная предрасположенность и ожидания, связанные с определенным способом восприятия мира, предшествующие социальной деятельности и предопределяющие осознанную готовность к ее осуществлению. С другой стороны, установка рассматривается как осознанная готовность к социальной деятельности, как такое состояние сознания, которое возникает на основе рефлексии определенного опыта социальных взаимодействий. Концепции

социализации личности связывают поведение индивида с социальной средой, где существует механизм поддержания общественного порядка посредством нормативного регулирования. С точки зрения теорий социализации, установка не вырабатывается и не отбирается индивидом в процессе самостоятельной психической активности, но усваивается в готовом виде из общественного сознания через процессы социализации и коммуникации. Особую важность в этом процессе имеет стадия первичной социализации, охватывающая детство и ранний подростковый период, когда происходит некритическое усвоение социального опыта.

Представления о доверии и недоверии как социальных практиках, представляющих собой репертуары социальных действий и взаимодействий, обусловленные институциональной средой, базируются на основе синтеза нормативной и когнитивной концепций социальных институтов, а также неоинституционального деятельностного подхода.

Специалисты, обобщающие различные теории социальных институтов в рамках классического институционализма и неоинституционализма, выделяют несколько основных концепций социальных институтов: 1) организационную (институты как организации, обеспечивающие социальный порядок и контроль); 2) нормативную (институты как правила и нормы социального взаимодействия); 3) когнитивную (когнитивные образования, лежащие в основе социальных действий); 4) прагматическую (институты как социальные практики); 5) конативную (институты как модели социального поведения)[130].

В рамках нормативной концепции институты рассматриваются как «правила «игры, стандарты, процедуры, ограничительные рамки, которые структурируют, организуют отношения между индивидами[131].

---

[130] Ценностная политика и институциональные практики в сфере межэтнических отношений в экономически развитых странах со сложной этнокультурной структурой. / Отв. ред. Ю.Г. Волков. Ростов н/Д: Фонд науки и образования, 2015. С.129–132.

[131] *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Пер. с англ. А.Н. Нестеренко; предисл. и науч. ред. Б.З. Мильнера. М.: Фонд экономической книги Начала, 1997. С. 18–19.

Когнитивная концепция социальных институтов, сложившаяся в рамках социологического институционализма и неоинституционализма, трактует институты в аспекте «когнитивных образований (категорий, типизации, сценариев), которые образуют конституирующие смыслы, лежащие в основе действия»[132]. Эти когнитивные схемы являются, по сути, ментальными моделями, достаточно глубоко укорененными в сознании и воспринимаемыми как нечто само собой разумеющееся. Поскольку эти поведенческие сценарии разделяются всеми членами группы, то это позволяет последним вступать в регулярные социальные взаимодействия.

С точки зрения неоинституционального деятельностного подхода институты понимаются как институциональные практики, то есть поведенческие модели (паттерны). Под институциональными практиками понимаются «такие взаимодействия между акторами, когда в ситуации, которая интерпретируется как «типичная», они относительно устойчиво воспроизводят принятые и коллективно осмысленные в данной социальной группе правила поведения»[133].

Трактовка института как нормы распространена в социальных науках, в частности в политологическом и экономическом дискурсах. Широко практикуемые неформальные правила рассматриваются с точки зрения ограничения обычаем, массовыми образцами поведения и теми смысловыми кодами, которые несут в себе данные поведенческие образцы. Эти неформальные правила устанавливаются социальными субъектами на основании рационального выбора и, в случае массового распространения и непротиворечия формальным нормам и легитимации, могут закрепляться законом. Согласно неоинституциональной теории, в разных полях взаимодействий – экономическом, политическом, правовом, социокультурном

---

[132] *Димаджио П.* Культура и хозяйство // Западная экономическая социология: Хрестоматия современной классики. М.: РОССПЭН, 2004. С. 489.

[133] *Панов П.В.* Политический порядок: проблема концептуализации и институционализации: дис. … д-ра. политич. наук: 23.00.01 / Панов Петр Вячеславович; Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. Москва, 2011. С. 14.

– могут существовать «правила игры», регламентируемые институтами и принятые практиками. По мнению В.А. Ядова, «концепция неоинституционализма выдвигает на передний план не сами институты, не структуры, а действия субъектов, поддерживающие или изменяющие институты». Акцент ставится на активности социальных субъектов. Это переносит фокус внимания исследователя с институтов как структур на процессы их формирования и изменения, поскольку «нормой бытия социальных институтов является как раз не их жесткая стабильность, но именно изменения, реагирующие на динамизм социально-экономических и иных процессов». Автор, солидаризируясь с зарубежными исследователями (Т. Бернс и Х. Флэм[134]), считает неоинтитуционалистский деятельностный подход «более адекватным современным социально-историческим условиям динамических и часто неожидаемых изменений в социальных системах»[135].

Представители неоинтитуционального деятельностного подхода рассматривают институциональные изменения как постоянное становление практик (П. Штомпка), как «структурацию» (Э. Гидденс), как результат человеческой практики (М. Арчер).

Согласно П. Штомпке, практика как диалектический синтез того, что происходит в социальной структуре, и того, что целенаправленно делают люди, является «местом встречи» оперирующих структур и действующих агентов. Практика обусловлена «сверху» фазой функционирования, достигнутой обществом, и «снизу» – поведением индивидов и групп[136].

Э. Гидденс под «структурацией» понимает процесс воспроизводства и преобразования социальных систем и структур. Социальные системы включают воспроизводимые и постоянно изменяющиеся «паттерны»

---

[134] *Burns T., Flam H.* The Shaping of Social Organization. Beverly Hills: Sage, 1987.

[135] *Ядов В.А.* Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций. СПб.: Интерсоцис, 2009. 138 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.isras.ru/publ.html?id=1393 (дата обращения: 30.08.2015).

[136] *Штомпка П.* Социология социальных изменений / пер. с англ.; под ред. В.А. Ядова. М.: Аспект-Пресс, 1996. 416 с.

отношений между социальными агентами и группами как системы социальных практик, разворачивающихся во времени и пространстве. Структуры (т.е. правила и ресурсы как багаж воспроизводства социальных систем) существуют во времени и пространстве только в виде этих практик. Ресурсы рассматриваются как заданные структурой качества социальных систем, которые используются и воспроизводятся агентами и группами в процессе социального взаимодействия[137].

С точки зрения М. Арчер, действия и структуры разделяются, поскольку их эмержентные (возникающие самопроизвольно) социокультурные системы предполагают прерывность между начальным взаимодействием и «конечным продуктом». Структура логически зависит от действий, которые её трансформируют. В теоретической позиции данного автора институциональные изменения могут представлять собой, во-первых, процессы трансформации (морфогенеза), во-вторых, воспроизводства (морфостазиса)[138].

Таким образом, деятельностная методология неоинституционализма может выступать в качестве одного из оснований методологического конструкта научного исследования доверия и недоверия как социальных практик российского общества.

Формулируя методологический конструкт социально-философского исследования доверия и недоверия как социальных практик, следует учитывать, что задачи исследования вытекают из потребностей трансформирующегося российского общества, отягощенного недоверием в условиях изменяющейся социальной реальности. Сложность и многогранность объекта исследования обуславливает необходимость применения не одного, а целого комплекса методологических подходов в исследовании факторов, влияющих на трансформацию доверия и недоверия как социальных практик.

---

[137] *Гидденс Э.* Девять тезисов о будущем социологии // Альманах THESIS Теория и история экономических и социальных институтов и систем. 1993. № 2. С. 57–83.

[138] *Арчер М.* Реализм и морфогенез / Пер. с англ. О.А. Оберемко // Социологический журнал. 1994. № 4. С. 50-68; *Archer M.S.* Realist social theory: the morphogenic approach. Cambridge: University Press, 1995.

Доверие в единстве с недоверием, являясь сложным, многофакторным и многослойным явлением, формируется и трансформируется под влиянием различных факторов, являющихся компонентами социальных условий данного общества. «Фактор» в его первоначальном значении (лат. *factor* «делающий, производящий») трактуется как причина, движущая сила какого-либо процесса, определяющая его характер или отдельные его черты; существенное обстоятельство в каком-либо процессе, явлении[139]. Факторы выступают «как детерминанты уровня или развития какого-либо явления…: а) фактор, будучи объективной реальностью, существует не сам по себе, а во взаимосвязи с тем явлением, на которое он воздействует; б) он является компонентом тех условий, в совокупность которых он сам входит... . Набор этих компонентов определяется сущностью явления… . Значит, условия всегда богаче, шире и многообразнее, чем факторы, ибо условия – это общее множество, а факторы – их подмножество»[140].

Факторы могут рассматриваться, во-первых, как компоненты субъективных условий, обуславливающие, предопределяющие появление доверия и недоверия как социальных практик; во-вторых, как определенные компоненты объективных социальных условий и обстоятельства, в сложном взаимодействии друг с другом повышающие или понижающие вероятность возникновения доверия и недоверия как социальных практик российского общества.

Поэтому можно выделить две группы факторов – эндогенные и экзогенные.

К внутренним, эндогенным факторам следует отнести связанный с индивидуальным и общественным сознанием комплекс ментальных поведенческих программ, когниций, ценностей, норм, находящий выражение

---

[139] *Захаренко Е.Н., Комарова Л.Н., Нечаева И.В*. Новый словарь иностранных слов: 25 000 слов и словосочетаний. М.: «Азбуковник», 2003. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://slovari.ru/search.aspx?p=3068. (дата обращения: 16.11.2015).

[140] *Рыбаковский Л.Л.* Миграция населения (вопросы теории). М.: ИСПИ РАН, 2003. 238 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://rybakovsky.ru/migracia2s.html. (дата обращения: 19.07.2015).

прежде всего в ментальных установках. Как пишет О.Н. Крюкова, «доверие является весьма сложным, многофакторным и многослойным феноменом, который существует в качестве культурного концепта, пронизывающего собой как ментальную, так и практически-деятельностную стороны жизни индивида». Оно характеризует «своеобразие личностного мировоззрения, системы жизненных приоритетов и ценностей человека и, одновременно, специфику духовной атмосферы, существующей в обществе»[141].

Под экзогенными мы будем понимать внешние факторы, идущие от состояния российского социума. К их числу относятся социально-экономические, социально-политические, социокультурные факторы, такие как социальное неравенство по целому ряду значимых социальных показателей, степень полезности и эффективности социальных институтов, воздействие СМИ. Как движущая сила, факторы выступает в двух ипостасях: во-первых, как факторы уровня (статики), во-вторых, как факторы развития (динамики) доверия и недоверия, сами по себе являясь компонентами субъективных и объективных социальных условий.

Доверие и недоверие как социальные практики, с одной стороны, следует изучать с точки зрения факторов, воздействующих на их возникновение и развитие, с другой стороны, следует учитывать, что доверие и недоверие формируются на разных – микро- и макросоциальном – уровнях социальных отношений.

Имеющиеся в научном дискурсе представления о доверии как о многофакторном и полифункциональном явлении, включают его рассмотрение на нескольких, как правило, трех обобщенных уровнях: 1) базовом (базальном) внутриличностном; 2) межличностном и межгрупповом; 3) организационно-институциональном и социетальном (по сферам общества). Т.П. Скрипкина

---

[141] *Крюкова О.Н.* Сущность и кризисная динамика доверия в культуре: общество и экономика: автореф. дис. … канд. философ. наук: 24.00.01 / Крюкова Ольга Николаевна; Юж. федер. ун-т. Ростов-н/Д, 2010. С. 13.

представляет эти уровни в виде триады «доверие к себе», «доверие к другому» и «доверие к миру»[142].

Специалистами используется еще одна трехуровневая структура, включающая межличностный, межгрупповой и институциональный уровни (или микро-, мезо-, макроуровни). Здесь промежуточный уровень доверия – мезо-уровень, а именно – межгрупповое доверие. Оно выступает связующим звеном между межличностным и институциональным доверием, скрепляя «ближний» и «дальний круги» доверия, «пересекающиеся в пространстве личностных и безличных взаимодействий» как межпоколенческое, межэтническое, межпрофессиональное, межорганизационное и т.д. доверие[143].

Один из зарубежных специалистов в области изучения доверия Н. Луман предлагает классическую дистинкцию – микро- и макроуровень доверия. На микроуровне – это доверие между людьми, связанное с определенным персональным риском; на макроуровне – это уверенность как возможность полагаться на общественные институты, отсутствие которой влечет системную опасность[144].

В диссертационном исследовании будет использоваться двухуровневая структура, включающая микросоциальный и макросоциальный как обобщенные уровни доверия и недоверия. Уровни будут рассматриваться синкретично.

Микросоциальный уровень включает личностное (межличностное) доверие как доверие между людьми, являющееся фундаментом любого общества – от традиционного до современного. Межличностное доверие иногда еще определяют как «специфическое» или «ситуационное» доверие,

---

[142] *Скрипкина Т.П.* Доверие как социально-психологическое явление: дис. … д-ра психол. наук: 19.00.05 / Скрипкина Татьяна Петровна; Ростов н/Д, 1998. 392 с.

[143] *Кривопусков В.В.* Межгрупповое доверие в российском обществе: способы реинституционализации // Историческая и социально-образовательная мысль. 2012. № 6. С.183–186.

[144] *Luhmann N.* Trust and Power. Chichester: John Wiley, 1979; *Luhmann N.* Familiarity, confidence, trust // In: D. Gambetta (ed.). Trust. Making and Breaking of Cooperative Relations. Oxford: Blackwell, 1988.

направленное на конкретные ситуации или группы. Этим оно отличается от «генерализованного (обобщенного)» доверия, которое внеситуационно.

Макросоциальный уровень включает институциональное, организационное, генерализированное (в другой терминологии – обобщенное, социальное, системное) доверие. Институциональное и организационное доверие – это доверие индивида к социальным институтам и организациям, их представителям, институциональным и организационным практикам и процедурам. «Генерализованное», или «обобщенное» доверие определяется специалистами как «доверие людям в целом вне зависимости от контекста, личного знакомства с ними, а также от этнической религиозной или любой другой принадлежности»[145]. Обобщенное доверие формируется под воздействием норм и ценностей, принятых в обществе, и является показателем развития культуры доверия в нем[146].

Исследователи выделяют несколько ключевых различий между институциональным и личностным доверием: «во-первых, институциональное доверие может рассматриваться как феномен макроуровня. Во-вторых, институциональное доверие не связано с отдельной единичной ситуацией взаимодействия, предметом и объектом доверия в ней. В-третьих, объектом институционального доверия является «обобщенный Другой. В-четвертых, институциональное доверие – это следствие получения социального опыта доверия, приобретенный нами социальный капитал». Институциональное доверие позиционируется как основа жизни сложноорганизованных обществ, в которых социальные институты и организации производят и поддерживают «правила игры»[147]. Генерализированное, или обобщенное доверие

---

[145] *Алмакаева А.М.* Измерение генерализированного (обобщенного) доверия в кросскультурных исследованиях // Социологические исследования. 2014. № 11. С. 32–43.

[146] *Китайцева О.В., Кученкова А.В.* Доверие и индивидуализм в мировоззрении современной молодежи восточноевропейских стран // Социологические исследования. 2014. № 12. С. 101.

[147] *Шорина И.Н.* Институциональное доверие как условие стабильности современного российского общества (региональный аспект): автореф. дис. … канд. социол. наук : 22.00.04 / Шорина Ирина Николаевна; Пенз. гос. ун-т. Пенза, 2013. 27 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http:// www. vak2.ed.gov.ru/idcUploadAutoref/renderFile/139299.

рассматривается как составная часть или одно из оснований социального капитала. Ф. Фукуяма связывает генерализированное доверие с более высоким уровнем жизни[148]; Р. Инглхарт и К. Вельцель – с эффективностью социальных институтов, толерантностью, социальным благополучием и другими показателями «здоровья общества»[149].

По эмпирическим оценкам социологов, макроуровень в российском обществе является весьма значимым, а именно – личностно значимым, поскольку именно здесь показана «развернутость» россиян «вовне», в общество, и фундаментом ее выступает традиционно высокая роль для них макроидентичностей – причем не только с гражданами той же страны, но и с представителями той же культуры, людьми тех же взглядов и т.д. Более того, высокая значимость для россиян макроидентичностей весьма устойчива, что позволяет говорить о них как об одном из признаков культурной специфики России.

На основании данного тезиса Н.Е. Тихоновой сделан вывод, что для населения России все еще сохраняется «включенность» в дела государства и общества в целом[150]. Практически те же самые данные демонстрирует всероссийское исследование 2014 г. «Средний класс в современной России», охватывающее одиннадцать территориально-экономических регионов России и Москву. Однако в то же время отмечена и другая, противоположная тенденция: многие характерные для российской культуры макроидентичности размываются, и их значимость относительно идентичностей микроуровня снижается, а граждане перестают идентифицировать себя с государством,

---

[148] *Фукуяма Ф.* Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию / Пер. с англ. М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2004. 730 с.

[149] *Инглхарт Р., Вельцель К.* Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, 2001. 464 с.

[150] *Тихонова Н.Е.* Мечты россиян «Об обществе» и «О себе»: можно ли говорить об особом российском цивилизационном проекте? // Общественные науки и современность. 2015. № 1. С. 52–63.

ослабевают процессы консолидации и гражданская солидарность. Соответственно, меняются нормы, установки ценности[151].

В контексте социокультурных трансформаций российского общества происходит изменение ценностной парадигмы. Трансформация, приведшая к крушению социалистических социальных отношений, сопровождалась кризисом существовавшей ценностной системы. Изменение системы ценностей рассматривается как составная часть более масштабного явления – социокультурного кризиса. Исследование кризисной парадигмы базируется на работах таких российских исследователей, как А.Г. Здравомыслов, Т.И. Заславская, Л.А. Беляева, Н.И. Лапин[152].

Парадигма социокультурного кризиса, используемая в методологическом конструкте трансдисциплинарного исследования доверия и недоверия как социальных практик российского общества, позволяет понять, что в культуре и нормативно-ценностной системе формируются новые смыслы, тогда как прежние уже не действительны и трансформируются. Кризис характеризуется тотальным отчуждением, понимаемым в широком смысле как разрыв социокультурной связи между индивидами, на уровне ценностей формируется альтернативность восприятия ценностей, плюрализация ценностных позиций.

Данным обстоятельством обусловлено использование в качестве составляющих методологического конструкта исследования доверия и недоверия как социальных практик российского общества теорий социальных коммуникаций, сложного общества, модернизации, а также теории социального капитала, согласно которой доверие, являясь составной частью социального капитала, создает основу для его накопления, общественной консолидации и формирования гражданского общества. Как пишет академик РАН, директор

---

[151] *Горшков М.К.* Средний класс как отражение экономической и социокультурной модели современного развития России // Социс. 2015. № 1. С. 35–44.

[152] *Здравомыслов А.Г.* Социология российского кризиса: Статьи и доклады 90-х годов. М.: Наука, 1999. 352 с.; *Заславская Т.И.* Трансформационный процесс в России. М.: Дело, 2002. 568 с.; Кризисный социум. Наше общество в трех измерениях / Под ред. Н.И. Лапина, Л.А. Беляевой. М.: Ин-т философии РАН, 1994. 245 с.

института социологии РАН М.К. Горшков, «социальный капитал без существенного доверия ожидаемой капитализации не дает»[153].

Таким образом, концептуальная основа исследования доверия и недоверия как социальных практик включает в себя следующие параметры изучения их проявлений в российском обществе: экзогенные и эндогенные факторы трансформации доверия и недоверия как социальных практик; доверие и недоверие как ментальные установки и специфика их трансформации; институционализация доверия и недоверия как социальных практик и ее социальные последствия в российском обществе.

***

В настоящее время в российских дискурсивных практиках не сложилось целостного представления о доверии и недоверии в российском обществе. Различные представления обусловлены методологическими предпочтениями тех или иных авторов. Общим является то, что специалисты, как правило, не стремятся оценивать недоверие сугубо отрицательным образом и противопоставлять доверию. Показана связь между доверием и недоверием через такой эмпирический показатель, как уровень доверия, коррелируемый с показателями экономического развития, неравенством доходов, успехами демократических реформ и т.д. Выявлена взаимосвязь между социальной дифференциацией российского общества и высоким уровнем институционального недоверия. Сделаны выводы, с одной стороны, о постепенном превращении социального недоверия в весомую составляющую массового сознания россиян; с другой – о появлении потребности в укреплении межличностного, в частности внутрисемейного и дружеского доверия. Доверие и недоверие являются предметом дискуссий, в частности относительно их

[153] *Горшков М.К.* Роль государства в сохранении и развитии национальной и гражданской идентичности и укрепления доверия в контексте глобальных процессов // Гуманитарий Юга России. 2013. № 3. С.11–25.

детерминант. Выделяются детерминанты микросоциального и макросоциального уровня, определяющие доверие/недоверие межличностное, институциональное и обобщенное (социальное). Однако доверие и недоверие как ментальные установки и социальные практики российского общества еще не выступали предметом социально-философского осмысления, предполагающего их рассмотрение как целостной социальной реальности.

Преодоление методологических недостатков и фрагментарности когнитивных подходов вызывает необходимость перехода к концептуальному мышлению, выходящему за пределы разрозненно-дисциплинарной структуры полученного знания. Это предполагает разработку концептуальной категории интерпретационного характера. Категоризация как когнитивная познавательная процедура основывается на предварительном концептуальном анализе различных исследовательских подходов, синтезирующих те или иные представления о сущности доверия и недоверия.

С точки зрения социально-психологического подхода доверие или недоверие рассматриваются как субъективная установка, предопределяющая отношение индивида, степень его предрасположенности к некоторому социальному объекту, связанную с определенным способом восприятия мира и предшествующую той или иной деятельности. Сторонниками ценностного подхода доверие или недоверие рассматриваются как возникающее у членов общества ожидание определенного, соответствующего нормам поведения со стороны других людей. В рамках реляционистского подхода доверие понимается в узком смысле как субъективное отношение к партнеру по взаимодействию, основанное на убежденности в его правоте, верности, добросовестности, честности; в широком смысле – как отношение между индивидами, группами индивидов и обществом в целом в качестве «обобщенного доверия», основанного на вере в надежность человека или системы; как принцип конструирования социальных отношений, обеспечивающий их стабильность, долгосрочность, социальную консолидацию, социальную целостность. В рамках деятельностного подхода

доверие или недоверие позиционируется как символический кредит, связанный с оптимистическими или пессимистическими ожиданиями и оценкой выгоды от взаимодействия, коррелируется с социетальными действиями, связанными с калькуляцией выгод и возможных поведенческих рисков. Деятельностный подход, переосмысленный в русле теорий социальных коммуникаций, характеризует доверие и недоверие с точки зрения совместной деятельности субъектов в процессе социальных коммуникаций микросоциального и макросоциального уровня. С точки зрения институционального подхода доверие или недоверие трактуется как неформальные правила человеческого поведения, которые могут выступать универсальной нормой во всех сферах человеческой деятельности и вследствие институционализации принимать форму неформального института. В структурно-функциональном подходе рассматриваются взаимосвязанные и взаимодействующие между собой структурные компоненты доверия и недоверия.

Таким образом, в научном дискурсе доверие и недоверие рассматривались преимущественно как самостоятельные сущности, которым придавались аксиологические, нормативные и конативные измерения. Между тем доверие и недоверие могут выступать предметом социально-философского осмысления, предполагающего их синкретическое рассмотрение как целостной социальной реальности.

В этой связи следует рассматривать совокупность структурных компонентов, признаков, функций доверия и недоверия, находящихся в определенных отношениях и связях друг с другом и образующих целостное явление доверия и недоверия. Эмоционально-нравственный компонент доверия (недоверия) основан на таком признаке, как вера в совершенство (несовершенство) человека, социальных институтов и социальных систем, в преобладание их позитивных (отрицательных) качеств. Когнитивный компонент характеризует доверие с точки зрения знания о надежности и безопасности ситуации и/или объекта доверия – и уверенность в этом; недоверие – как знание о надежности и безопасности ситуации и/или объекта

доверия как негативную (защитную) уверенность, или скептицизм. Коммуникативный и поведенческий/деятельностный компоненты аксиологически и праксиологически нагружены и позволяют понять механизм формирования/разрушения доверия и недоверия. Ценностный компонент связывает индивида и общество, поскольку ценностные ориентации принадлежат индивиду, а система ценностей – социальной группе или обществу в целом. Как опосредующий «механизм» построения социальных отношений, доверие в сочетании с недоверием выполняет коммуникативную, деятельностную и конструктивную функции, которые составляют практический инструментарий доверия и недоверия в пространстве социальных практик. С точки зрения синтеза деятельностного и институционального подходов, концепций «фоновых» и «раскрывающего характера» практик, а также синтеза структуралистско-конструктивистской, структурационистской и этнометодологической концепций социальных практик, социальные практики могут определяться как репертуары совершаемых субъектами социальных действий и взаимодействий, обеспечивающие устойчивое функционирование либо трансформацию социальных институтов, и порождающие новые социальные институты.

В условиях методологического плюрализма изучение доверия и недоверия как социальных практик российского общества предполагает разработку методологического конструкта трансдисциплинарного научного исследования, направленного на преодоление дисциплинарной фрагментарности и парадигмальной ограниченности с целью метатеоретического обобщения результатов научных исследований на основании принципа синкретизма в изучении доверия и недоверия.

Методологический конструкт представляет собой когнитивную модель рационально-проектного содержания предмета научного исследования и его парадигмальных оснований как способов решения научно-исследовательских задач. Основу методологического конструкта составляет трансдисциплинарный подход, в рамках которого на основании принципа синкретизма может быть

осуществлено метатеоретическое обобщение результатов дисциплинарного и междисциплинарного дискурсов о доверии и недоверии. Методологический конструкт исследования доверия и недоверия как социальных практик российского общества основывается на неоклассической модели научного исследования, синтезирующей позитивные познавательные установки классической и неклассической науки и базирующейся, в частности, на таких принципах, как методологический, теоретический и аксиологический плюрализм, активизация концептуального мышления, контруктивный реализм и контекстуальность**.**

В рамках такого методологического конструкта доверие и недоверие синкретически рассматриваются как ментальные установки, обуславливающие доверие и недоверие как социальные практики, то есть репертуары социальных действий и взаимодействий. Доверие и недоверие как ментальные установки выполняют функцию когнитивного медиатора между институциональной средой и социальными практиками. Благодаря этому медиатору институты как нормы превращаются в когнитивные образования, обуславливающие доверие и недоверие как социальные практики. Таким образом, доверие и недоверие как социальные практики представляют собой репертуары социальных действий и взаимодействий, обусловленные экзогенными (институциональной средой) и эндогенными (ментальными установками индивидов и социальных групп) факторами.

Методологический конструкт трансдисциплинарного научного исследования доверия и недоверия как социальных практик российского общества, во-первых, основывается на принципе синкретизма, в рамках которого доверие и недоверие рассматриваются как синкретическое целое. С этой точки зрения доверие и недоверие могут рассматриваться как целостное многомерное и многофункциональное явление социальных практик. Недоверие при этом сопровождает доверие, но проблематизирует его сущность и тем самым осложняет его функционирование в социальных практиках. Структура доверия и недоверия включает их компоненты, признаки, функции,

находящиеся между собой в определенных отношениях и связях и образующих целостное явление доверия и недоверия. Во-вторых, основанием методологического конструкта являются теоретические представлениях о социальных практиках, формирующихся в рамках синтеза деятельностного и институционального подходов, концепций «фоновых» и «раскрывающего характера» практик, а также синтеза структуралистско-конструктивистской, структурационистской и этнометодологической концепций социальных практик. В-третьих, методологический конструкт базируется также на теоретических представлениях о ментальных установках, обуславливающих доверие и недоверие как социальные практики. Эти представления получены на основе синтеза социально-психологических подходов к установке, а также социологических концепций личности. Представления о доверии и недоверии как социальных практиках, представляющих собой репертуары социальных действий и взаимодействий, обусловленные институциональной средой, основываются на синтезе нормативной и когнитивной концепций социальных институтов, а также неоинституционального деятельностного подхода. Доверие и недоверие как социальные практики российского общества изучаются с точки зрения эндогенных и экзогенных факторов, влияющих на их возникновение и трансформацию на двух основных уровнях – микросоциальном и макросоциальном, рассматривающихся синкретично. Микросоциальный уровень включает личностное (межличностное), макросоциальный уровень – институциональное, организационное, генерализированное (обобщенное, социальное, системное) доверие и недоверие.

ГЛАВА 2.
ЭКЗОГЕННЫЕ И ЭНДОГЕННЫЕ ФАКТОРЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ДОВЕРИЯ И НЕДОВЕРИЯ КАК СОЦИАЛЬНЫХ ПРАКТИК РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

2.1 Теоретико-методологические проблемы изучения трансформации доверия и недоверия как социальных практик

Общество не стоит на месте, и социологи определяют «фундаментальные изменения, происходящие с течением времени в паттернах культуры, структуры и социального поведения, как социальные изменения»[154]. Одним из аспектов дискурса социальных изменений является проблема социальной трансформации.

В самом общем виде, социальная трансформация определяется как форма или процесс социальных изменений, сущностью чего выступает «переход (переходный период) социальных систем, их структурных элементов и функций из одного состояния в качественно другое, к иной социальной системе, посредством целенаправленной деятельности социальных субъектов»[155]. Трансформация представляет для социума собой «одну из самых значительных форм его изменений, в которой происходят изменения самой социальной системы, а не только ее отдельных компонентов»[156].

Проблематика социальных трансформаций, появившись в классической социологии со времен эволюционизма О. Конта, Э. Дюркгема, Г. Спенсера, претерпевала дополнения и изменения с развитием не только социологии, но

---

[154] *Волков Ю.Г., Добреньков В.И., Нечипуренко В.Н., Попов А.В.* Социология. 2-е изд. М.: Гардарики, 2003. 512 с.

[155] *Князев И.В.* Трансформационные процессы в России (субъектный аспект): дис. ... канд. социол. наук: 22.00.04 / Князев Игорь Владимирович; Новочеркасск, 2006. 200 с. [Электронный ресурс]: Режим доступа: http://www.dslib.net/soc-struktura/transformacionnye-processy-v-rossii.html. (дата обращения: 13.09.2015).

[156] *Ламажаа Ч. К.* Социальная трансформация // Знание. Понимание. Умение. 2011. № 1. С. 262–264.

всей системы социальных наук. В концепциях присутствовали парадигмы эволюции и революции как противопоставляющие или синтезирующие эти понятия. В соответствии с этим определялась суть социальных трансформаций. В 60-е гг. XX века данная проблематика осложнилась темой глобальности происходящих трансформаций, прошедшей несколько волн.

Социальные и политические перемены, вызванные процессами социальной трансформации и модернизации, активизировали научный интерес к доверию как принципу конструирования социальных отношений. Известные зарубежные философы, социологи, политологи (Э. Гидденс, Н. Луман, А. Селигмен, С. Энзенштадт, Ф. Фукуяма, П. Штомпка) обратились к исследованию природы доверия в контексте посткоммунистических обществ.

В отечественной социальной мысли трансформационная парадигма также приобрела особое значение в переходный период 90-х гг. XX века. В конце 90-х гг. термин «трансформация» был признан наиболее адекватным для реалий современной России, находящейся в высокоактивной стадии социальных трансформаций, когда нестабильность социальной системы близка к состоянию «динамического хаоса» (по И. Пригожину)[157]. Отличием российских трансформаций от западных считалась нестабильность. Всего десятилетие назад в социальных науках высказывалось даже мнение, что в силу многообразия и многочисленных особенностей пока невозможно рассмотреть этот социальный процесс с достаточной степенью глубины, и тем более выявить его основную направленность даже в качестве «тренда»[158].

С 90-е гг. в отечественном научном дискурсе активно обсуждается проблематика, касающаяся сущности социальной трансформации в России, ее механизмах, формах проявления, направленности, масштабах и т.д.[159].

---

[157] Цит по**:** Ламажаа Ч.К. Указ соч. С. 263; Ядов В.А. Россия как трансформирующееся общество (резюме многолетней дискуссии социологов) // Общество и экономика. 1999. № 10-11. С.65.

[158] *Голенкова З.Т.* Основные тенденции трансформации социальной структуры современного российского общества // Вестник РУДН. Сер. «Социология». 2001. № 1. С. 28–43.

[159] *Лапин Н.И.* Пути России: социокультурные трансформации. М.: РАН Институт философии, 2000. 194 с.; *Шабанова М.А.* Социология свободы: трансформирующееся

В 90-х гг. в отечественном обществознании распространение получила проблема модернизации. Основание для ее «второго» рождения М.К. Чешков увидел как в отражении идеи и концепции постмодернизации, так и в «корпусе» самой этой теории, восходящей к идее новации[160].

Теоретический концепт «модернизация» определен английским специалистом в области модернизационных трансформаций В. Муром как «тотальная трансформация традиционного демодернистского общества в такую социальную организацию, которая характерна для «продвинутых», экономически процветающих и в политическом плане стабильных наций Запада»[161]. В данной трактовке модернизация – это мобилизационный процесс, рывок, который предпринимается в тех или иных странах для сокращения образовавшегося отставания (экономического, в частности) и рассматривается как воплощение модели «догоняющего» развития.

Соответственно, при определении особенностей российской модернизации довольно популярной стала трактовка «догоняющей» или «мобилизационной» модернизации. Проблема очередности мер модернизации, кадровый ресурс, стратегии пространственного развития, выбор модели модернизации и другие проблемные моменты поднимались в рамках многих научных обществоведческих форумов и исследовательских проектов последних десятилетий.

Исследователями обосновывалась идея перехода от техно-бюрократической к социально-гуманитарной модели модернизации. У первой из названных моделей – целевые ориентиры на очередную

общество. М.: МОНФ, 2000. 315 с.; *Авен П.О.* Трансформация: границы коридора // Кто и куда стремится вести Россию? / под общ. ред. Т.И. Заславской. М.: МВШСЭН, 2001. С. 115-125; Социальная трансформация российского общества и социологическая теория («круглый стол») // Социально-гуманитарные знания. 2001. № 5. С. 25–58.

[160] Российская модернизация: проблемы и перспективы (материалы круглого стола) // Вопросы философии. 1993. № 7. С. 3-39.

[161] Главная проблема теорий модернизации в науках (лейтмотив общего анализа теоретических основ и существа западных исследований модернизации) / Диалектика: диалектическая философия и диалектические науки. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://dialectics.ru/768.html. (дата обращения: 02.12.2011).

индустриализацию, а также ресурсная основа, выступающая естественным ограничителем и порождающая многочисленные явные и скрытые риски модернизационных усилий. Вторая модель имеет целевым ориентиром союз науки и развитого гражданского общества и составляет основу охватывающей все сферы жизнедеятельности системной модернизации, обновляющей общество по горизонтали и вертикали. В данной модели модернизация понимается как способ достижения среднеевропейских условий жизнедеятельности населения страны в целом, а не отдельных элитных групп[162].

В конце XX – начале XXI вв. российские исследователи вслед за зарубежными авторами пришли к выводу о необходимости отказа от «догоняющей модернизации» в пользу национальной на основе уже достигнутого во время догоняющей модернизации[163]. Полагая, что для российского обществознания «понятие догоняющей модернизации как следования продвинутым странам Запада не вполне адекватно, ибо имеет место «множественность модернизаций», каждая страна «по-своему» модернизируется, В. Ядов и Т. Заславская предложили в качестве более адекватного определение модернизации как «возрастание способностей к социальным преобразованиям» (И. Роксборо[164]).

Исходя из разных подходов к определению термина «модернизация», можно по-разному трактовать соотношение понятий «трансформация» и «модернизация». В контексте определений трансформации как одной из значительных форм социальных изменений, преобразований и модернизации как возрастания способностей к социальным преобразованиям, термины

---

[162] *Горшков М.К.* Социальные факторы модернизации российского общества с позиций социологической науки // Социологические исследования. 2010. № 12. С. 30–41.

[163] *Максимова Л.А., Лямцева Л.В.* Российская модернизация: терминологические аспекты // Современные проблемы науки и образования. Электронный научный журнал. 2011. № 5. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.science-education.ru/99-4822. (дата обращения: 13.09.2015).

[164] *Roxborough I.* Modernization Theory Revisited // Comparative Studies in Society and History. 1988. V. 30. № 4. P. 753–761.

можно в определенной степени рассматривать как синонимы, когда одно является условием другого.

Однако в отечественном обществознании, несмотря на общие черты, принято разводить эти понятия, учитывая исторический аспект и полагая, что посткоммунистические трансформации в России и российская модернизация – это разные процессы. Трансформация характеризуется первоначально не созиданием, а разрушением: традиционных институтов, ухудшением качества жизни, кризисом науки и образования, свертыванием высокотехнологичных производств, утечкой «мозгов», умов за рубеж, и т.д. Однако после достижения стабильности процессы в стране можно характеризовать в качестве модернизационных[165].

В настоящее время в макросоциологических теориях сосуществуют различные исследовательские подходы к процессам социальных изменений и трансформаций. В разных исследовательских подходах конкретным аспектам трансформационного процесса придаётся неодинаковая значимость. По-разному трактуется и механизм трансформаций.

В современной макросоциологии в исследованиях трансформационных процессов приоритет отдается социально-культурному и деятельностному (деятельно-активистскому, или деятельно-субъектному) подходам, тогда как структурно-системный и институциональный подходы начинают уступать[166].

Представители социокультурного подхода, уточняя характер российских трансформационных процессов, используют термин «социокультурная трансформация». Подход основывается на нескольких принципах: принципе человека активного, осуществляющего социальные действия и взаимодействия; принципе взаимопроникновения культуры и

---

[165] *Ядов В.А.* Россия как трансформирующееся общество: резюме многолетней дискуссии социологов // Куда идет Россия? Власть, общество, личность / под общ. ред. Т. Н. Заславской. М.: МВШСЭН, 2000. С.383–391; *Заславская Т.И.* Современное российское общество: Социальный механизм трансформации. Москва. Изд-во «Дело», Академия народного хозяйства при Правительстве Российской Федерации. 2004. 400 с.

[166] Россия: трансформирующееся общество / Под редакцией В.А. Ядова. М.: Изд-во «КАНОН-пресс-Ц», 2001. С.11.

социальности при фундаментальной их несводимости и невыводимости одной из другой; принципе антропосоциетального соответствия, или совместимости личностно-поведенческих характеристик человека и социетальных характеристик этого общества; принципе социокультурного баланса, или равновесия между культурными и социальными компонентами как условия устойчивости общества; принципе симметрии и взаимообратимости социетальных процессов. В данном подходе социокультурная трансформация определяется как «преобразование типа антропосоциетального соответствия или конкретно-исторической его формы»[167]. Это комплексный процесс, охватывающий все основные структуры общества и начинающийся с социетального кризиса – резкого нарушения социокультурного баланса. Ответом на кризис могут быть спонтанные действия массовых групп или же целенаправленные реформы сверху, в результате происходит дифференциация существующих и возникновение новых структур, обеспечивающих новое антропосоциетальное соответствие. Одновременно растут новые компоненты, вызывающие напряжения в обществе по новым основаниям. Завершается трансформация установлением нового социокультурного баланса. После этого наступает этап институционализации и воспроизводства нового типа общества[168].

Представители деятельностного-активисткого направления предлагают разные концепции преобразования социальных структур: «морфогенез» и «морфостазис», т. е. становление и существование социальных форм (М. Арчер); «структурацию» как непрерывный процесс преобразований социальных структур деятельными субъектами (Э. Гидденс), «социальное становление» как термина, выражающий состояние «общества в действии»

---

[167] *Лапин Н.И.* Социокультурная трансформация России: либерализация versus традиционализация // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Т. III. № 3. С.32–39.

[168] *Лапин Н.С.* Указ соч. С. 32-39.

(П. Штомпка)[169]. И. Дискин характеризует российскую модель социальной трансформации с точки зрения деятельностного подхода «через качественные социокультурные изменения в моделях социальной деятельности и через соответствующие перемены в основаниях и характере функционирования социальных институтов»[170].

Наиболее кардинальные различия в трактовке механизма трансформации, и в частности его движущих сил, существуют между сторонниками объективистского (бессубъектного) и субъективного (деятельностного и структурно-деятельностного) подходов. В рамках первого подхода выделяется институциональное направление, представители которого в трансформационных процессах наибольшую роль отводят устойчивым базовым институциональным структурам – экономическим, политическим и идеологическим. Сущностью трансформационного процесса в России является поиск и формирование нового баланса базовых институтов[171].

Во втором – субъективном подходе – ход и перспективы трансформации непосредственно связываются с деятельностью, интересами и ресурсными возможностями акторов разных уровней широкого социетального спектра, действующих в условиях не вполне сформированной (нежесткой) институциональной среды и структурирующих гражданское общество[172]. В рамках данного подхода создана деятельно-структурная концепция посткоммунистических трансформаций.

---

[169] *Арчер М.* Реализм и морфогенез / Пер. с англ. О.А. Оберемко // Социологический журнал. 1994. № 4. С. 50-68; *Гидденс Э.* Устроение общества: Очерк теории структурации. М.: Академический Проект, 2005. 528 с.; *Штомпка П.* Социология социальных изменений / пер. с англ.; под ред. В.А. Ядова. М.: Аспект-Пресс, 1996. 416 с.

[170] *Дискин И.* Российская модель социальной трансформации // Pro Contra. Лето 1999. Т.4. № 3. С. 5–40.

[171] *Кирдина С.Г.* Институциональные матрицы и развитие России. Введение в X-Y-теорию. 3-е изд. М., СПб.: Нестор-История, 2014. С. 4–25.

[172] *Шабанова М.А.* К интерпретации хода и перспектив трансформационного процесса в России. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ecsocman.hse.ru/data/930/692/1219/056. (дата обращения: 11.09.2015).

Автор данной концепции Т.И. Заславская формулирует понятийную разницу между социальным развитием и социальной трансформацией следующим образом: «трансформационные процессы отличаются от обычной социальной динамики, во-первых, большей глубиной и, во-вторых, системностью: они меняют не частные, а самые общие, главнейшие характеристики, определяющие природу обществ». Исследуя ход трансформационных процессов в России, автор обосновывает теорию трансформационного пространства, в котором они протекают. Трансформационное пространство представляет собой социетальное пространство. В ходе социальной трансформации в конечном счете меняется социетальный тип обществ. Социетальное трансформационное пространство характеризуется трехмерностью. Его осями являются: эффективность общественных институтов, качество социальной структуры, уровень человеческого потенциала. Составляющими трансформационных процессов признаются связанные воедино: а) целенаправленное реформирование базовых институтов; б) полустихийные сдвиги в социальной структуре; в) слабо управляемое изменение человеческого потенциала. Аналитическую схему социального механизма трансформации отличают: 1) системное (трехмерное) представление результатов трансформации; 2) фиксация зависимости итогов трансформации от слабо управляемых массовых процессов (социальных практик); 3) органическая увязка макро-, мезо- и микроуровней социальной реальности; 4) обоснование категории «трансформационная структура общества» как особой проекции социальной структуры. Т.И. Заславская считает, что социетальная трансформация российского общества отнюдь не завершена, поскольку общественная потребность в либерализации и демократизации базовых институтов российского общества сегодня не менее остра, чем в конце 1980-х годов, человеческий потенциал российского общества не вырос, а снизился, и спонтанное развитие новых социальных практик, возникающих «снизу»,

продолжается[173]. Примерами таких трансформационных процессов, изменяющих социальные практики (а через них – институциональную и социально-групповую структуры общества), является распространение и институционализация неправовых социальных практик, например, в сфере труда и занятости, коррупции, поляризация доходов, акционирование госпредприятий и т.д.[174].

Особенность трансформаций социальных практик – их слабая управляемость. Это означает, что они, с одной стороны, оказывают влияние на жизнь каждого индивида, а соответственно и всего общества, а с другой – как бы не имеют субъектов, формально за них не отвечает никто, а фактически «ответственны» все[175].

По отношению к российскому трансформационному социетальному пространству можно использовать еще одну важнейшую характеристику, обозначенную Л.А. Беляевой как «напряжения социального пространства». Опираясь на теорию «структурации» Э. Гидденса как непрерывного процесса преобразований социальных структур деятельными субъектами, данный автор полагает, что понятие «социальное пространство» обозначает «динамические социальные позиции акторов и их иерархию на различных уровнях общества. Взаимодействие акторов может происходить при взаимном доверии/недоверии и консолидации/враждебности – вплоть до ощущения онтологической опасности». Что же касается «напряжений социального пространства», то они возникают из-за несовпадения реальных социальных позиций акторов с их ожиданиями или же когда происходит изменение этих позиций в нежелательную сторону под воздействием различных социально-экономических, социально-политических или

---

[173] *Заславская Т.И.* К методологии изучения трансформации посткоммунистических обществ (на примере России). [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www. polit.ru/article/2008/10/29/soctransformations. (дата обращения: 31.07.2015).

[174] *Заславская Т.И.* Социетальная трансформация российского общества: Деятельностно-структурная концепция. М.: Дело, 2003. С. 158, 162–163,195.

[175] *Шабанова М.А.* Посткоммунистический трансформационный процесс в России: «механизменная» перспектива анализа // Социс. 2004. № 1. С. 146.

социокультурных обстоятельств. Причины возникших напряжений, достигших «чрезвычайно высокого уровня», – произошедшие в России изменения социальной системы, что нарушило баланс социальных интересов, размыло общие цели, моральные ориентиры развития общества, изменило его структуру в сторону увеличения социальных неравенств и привело к расколу страны на олигархические группы и остальное общество[176].

Представляется, что структурно-деятельностный подход выступает в качестве наиболее эффективной в методологическом отношении базой исследования социальных практик в трансформационном процессе. Социальные практики, изучаемые в аспекте трансформационных процессов, можно рассматривать как слабо управляемые массовые процессы, являющиеся частью механизма социальной трансформации, от которой, в числе других факторов, зависят ее итоги.

Трансформационные изменения, происходящие в современном обществе, связывают с процессами увеличения качественного разнообразия социальных практик. Диалектика различных форм социальных практик построена на их взаимосвязи с социальными изменениями. «Поэтому необходимо отметить, что в целом социальные изменения – это прежде всего изменения фоновых практик, сопровождающиеся появлением соответствующих идентичностей, формальных институтов и идеологий… . «Выделяют три способа (стадии-формы) изменения практик: 1) артикуляция – когда определенный стиль или способ действия попадает в фокус внимания, поименовывается, становясь более очерченным, за счет чего возможно его распространение в обществе; 2) реконфигурация – когда практика или ее аспект переходит из маргинального положения в центральное; 3) заимствование – перенос сложившейся практики в

[176] *Беляева Л.А.* Социальное пространство: от теоретических построений к эмпирическому изучению // Философские науки. 2012. № 6. С. 22–35; *Беляева Л.А.* Преодоление напряжений социального пространства – путь к консолидации общества // Философские науки. 2014. № 6. С. 8–22.

новый контекст, сопровождающийся ее приспособлением для решения новых задач»[177].

Увеличение качественного разнообразия касается всех социальных практик, в том числе носящих коммуникативный характер, поскольку в условиях массовой культуры потребность индивида в коммуникации является наиважнейшей. Вместе с тем, с учетом данной потребности, это дает возможность использовать манипулятивные стратегии, обеспечивающие контроль над массовым сознанием. Эти стратегии «осуществляются благодаря зависимости человека от информации. Существуют определенные приемы, способствующие вовлечению людей в манипулятивные воздействия СМИ: «приклеивание и навешивание «ярлыков», ссылка на авторитеты, дробление подачи информации, избыточность, высокий темп, эклектичность», что можно рассматривать как «символическое насилие, приводящее к серьезному кризису самоидентичности человека»[178].

В то же время внедрение новых коммуникаций, прежде всего компьютерно-информационных, приводит к изменению сложившихся форм социального взаимодействия, разрушению привычных «прямых» коммуникативных межличностных связей. Тем самым усиливается противостояние традиций и инноваций, увеличиваются межпоколенные разрывы, меняется иерархия ценностей в массовом сознании, нормы и модели поведения. В конечном счете трансформируются «старые» практики общения и появляются новые, основанные на «новых» формах доверия. В рамках современной сетевой социологической теории исследователи пишут о «вынужденном доверии», которое формируется в результате способности социальной сети контролировать поведение своих членов, тогда как сами неформальные социальные сети есть ряд «устойчивых практик, где доверие не

---

[177] *Барков Ф.А., Сериков А.В.* Трансформация социальных практик самоорганизации населения в институты контроля качества публичных услуг // Историческая и социально-образовательная мысль. 2010. № 3. С.41–47.

[178] *Родионова В.И.* Трансформации символических социальных практик в условиях технологизации // Власть. 2010. № 3. С. 20–22.

ограничивается кругом лично знакомых людей, а распространяется на всю систему опосредованных контактов в данном сетевом сообществе, в котором система материальных и нематериальных поощрений и санкций «заставляет» его членов соблюдать определенные нормы»[179].

Вместе с увеличением качественного разнообразия социальных практик в трансформирующемся обществе присутствует еще одна тенденция – упрощение повседневных социальных практик. В самом общем виде повседневные практики – это то, что происходит с человеком изо дня в день: профессиональный труд, обучение, повседневная деятельность в области досуга и отдыха, в рамках быта. Эти практики играют ключевую роль в генерировании и трансляции тех «форм жизни», которые составляют повседневный базис социального производства. Характеризуя повседневность как деятельную составляющую социальных отношений, Л.А. Савченко отмечает, что ее структурно-функциональная характеристика включает деятельность, мышление, целеполагание, возникающие и протекающие в актуальном социально-индивидуальном времени по заданной схеме; содержит механизмы трансформации личности, формирующие поле взаимодействия индивида и социума как условие воспроизводства жизненно важных отношений[180].

Упрощение повседневных практик рассматривается как «форма противостояния» процессу усложнения общества, многообразию и быстрым его трансформациям. Концепция «сложного общества» получила распространение в социологической науке в начале XXI века. Речь идет о

---

[179] *Юраков А.В.* Доверительность как социальный капитал трансформирующегося российского общества (По материалам этносоциологического исследования в Башкортостане, Татарстане и Удмуртии): дис. … канд. историч. наук: 07.00.07 / Юраков Алексей Вячеславович; Москва, 2004. 225 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.dissercat.com/content/doveritelnost-kak-sotsialnyi-kapital-transformiruyushchegosya-rossiiskogo-obshchestva-po-mat. (дата обращения: 24.06.2015).

[180] *Савченко Л.А.* Повседневность: методология исследования, современная социальная реальность и практика: социально-философский анализ: дис. … д-ра философ. наук: 09.0011 / Савченко Людмила Алексеевна; Ростов н/Д., 2001. 326 с.

возрастании по мере социальной эволюции «сложности», неопределенности, непреднамеренных последствий, эмерджентных связей.

Трансформационный процесс современной России связывается с рискогенной и кризисной парадигмами, что вписывается в концепцию «сложного» социума. С. А. Кравченко относит к признакам «сложного социума» возрастание таких параметров, как скорость, нелинейность, альтернативность социальных изменений, самоорганизация и рефлексивность социальных акторов и структур; амбивалентность последствий в виде возникновения качественно новых рисков, приобретающих иные параметры сложности и динамичности; трансформация социального времени и пространства; виртуализация социальной реальности и др. В качестве проявлений усложнения социума он называет, в частности, разные амбивалентности, или «парадоксальные разрывы и синтезы», проявляющиеся в отсутствии единой системы ценностей и норм и в сосуществовании в едином культурном пространстве ранее антагонистических ценностей; временно́й диссинхроноз как сосуществование различных по темпам развития структур, нередко относящихся к различным темпомирам; отсутствие единой логики и единой скорости развития различных сфер социальной деятельности и разных социальных групп[181].

Нелинейная социокультурная динамика сложного общества включает не только развитие, но отступления назад, что проявляется в упрощении социальных практик в форме архаизации и стандартизации, которые становятся локальными тенденциями в рамках общего процесса структурного усложнения социума. Упрощенные практики в современном обществе приобретают массовый характер, представляя собой ответ на вызовы сложного общества, поскольку именно эти практики «позволяют формировать и воспроизводить относительно устойчивый порядок, создают ощущение стабильности и безопасности в условиях растущих рисков». Упрощение

---

[181] *Кравченко С.А.* Становление сложного общества: к обоснованию гуманистической теории сложности. М.: МГИМО-Университет, 2012. С. 12–48, 93–94.

вызывается фактически теми же факторами, которые способствуют и росту его сложности: глобализацией, научно-техническим прогрессом, развитием информационных технологий, модернизацией и др. Архаизация социальных практик означает стихийное обращение к повседневным практикам, почерпнутым из прошлого, как к способу адаптироваться к сложности через поиск «простых» ответов[182]. Архаизация как реакция на модернизацию общества сверху, неадекватную потребностям и возможностям широких масс, как адаптивный механизм, позволяющий социальным группам и отдельным индивидам через возврат к ценностям и практикам прошлого сохранять жизнеспособность в условиях быстрых и неорганичных для них социальных трансформаций, рассматривалась в работах А. С. Ахиезера, Б. С. Ерасова, Ю.А. Красина, Ч. К. Ламажаа, А. С. Панарина и др.[183].

По мнению исследователей, одной из форм упрощения повседневных социальных практик является их стандартизация. Повышение уровня образования и профессиональной квалификации, усложнение предметного окружения в повседневной жизни в условиях сложного общества порождает нарастающую стандартизацию, которая представляет собой «сведение качественных характеристик к количественным, содержания – к формальным принципам организации, личностных отношений – к безличным». Стандартизация становится способом адаптации к сложному обществу, «приводит к преобладанию количественных и формальных критериев эффективности» (в виде стандартов) «над качественными и содержательными в различных видах деятельности». Стандартизация получает повсеместное

---

[182] *Зарубина Н.Н.* Упрощение массовых социальных практик как вектор трансформации повседневности в сложном социуме // Историческая психология и социология истории. 2013. Т.6. № 2. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.socionauki.ru/journal/ipisi/archive/2013_2/. (дата обращения: 20.10.2015).

[183] *Ахиезер А.С.* Россия: критика исторического опыта: (Социокультурная динамика России). Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997. 804 с.; *Ерасов Б.С.* Цивилизации: Универсалии и самобытность. / Отв. ред. Н.Н. Зарубина. М.: Наука, 2002. 524 с.; Альтернативы развития. Россия между модернизацией и деградацией. Политологические очерки. / Под ред. Ю.А. Красина. М.: Институт социологии РАН, 2013. 139 с.; *Ламажаа Ч.К.* Архаизация общества: Тувинский феномен. М.:URSS: ЛИБРОКОМ, 2013. 178 с.; *Панарин А.С.* Стратегическая нестабильность в XXI веке. М.: Алгоритм, 2003. 560 с.

распространение и через развитие макдональдизации, основные принципы которой – эффективность, калькулируемость, предсказуемость и технический контроль – распространяются на разные сферы массовых повседневных практик, в том числе такие, которые плохо поддаются внедрению этих принципов, – образование, медицинское обслуживание, развлечения, информация, потребление товаров и услуг. В качестве примера – подвергшийся критике школьный ЕГЭ с его количественными и формальными критериями, не всегда позволяющими оценить адекватно знания ученика. Неудивительно, что непреднамеренным последствием стандартизации является выработка в повседневных практиках неформальных алгоритмов, позволяющих обходить эти формальные нормы. «Однако подобные проявления самоорганизации социальных акторов приводят к усиленному проникновению межличностных отношений в те сферы деятельности, которые в современном обществе должны носить деперсонифицированный характер, то есть к коррупции»[184].

Поэтому складываются условия для массового распространения в этих сферах практик межличностного доверия (которые, согласно классическим теориям доверия, считаются более архаичными, характерными для традиционного общества) и, соответственно, ограничения социальных практик макросоциального уровня, характерных для современного общества.

Создаются предпосылки, с одной стороны, для распространения межличностного доверия в тех сферах деятельности, которые в современном обществе должны носить деперсонифицированный характер, с другой стороны – для сужения пространства институционального, организационного и социального доверия в целом, что можно рассматривать в качестве одного из амбивалентных последствий трансформационных процессов в российском социуме.

---

[184] *Зарубина Н.Н.* Упрощение массовых социальных практик как вектор трансформации повседневности в сложном социуме // Историческая психология и социология истории. 2013. Т.6. № 2. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.socionauki.ru/journal/ipisi/archive/2013_2/. (дата обращения: 20.10.2015).

Таким образом, происходят изменения в трансформационной структуре общества. Трансформационная структура общества понимается Т.И. Заславской как «особая проекция социальной структуры», представляющая собой систему социальных субъектов, взаимодействие которых (в виде сотрудничества, конкуренции, конфликта) служит движущей силой преобразования общества, и которые – осознанно или неосознанно – способствуют или препятствуют модернизации общества, в зависимости от своих интересов, ресурсов, целей. Данная структура общества формируется под влиянием стратификационной структуры, а также социально-политической, культурной дифференциации, которая отражает различия в субъективной мотивации и содержательной направленности трансформационной активности субъектов[185].

Поэтому трансформация доверия и недоверия как социальных практик может рассматриваться как преобразование доверия и недоверия как ментальных установок, обуславливающих доверие и недоверие как социальные практики, которые являются частью трансформационной структуры общества.

В рамках синтеза различных подходов трансформационную структуру общества можно трактовать как включающую в себя, с одной стороны, устойчивые базовые институциональные структуры, с другой – систему социальных субъектов, структурирующих гражданское общество. Социальные практики, являясь репертуарами социальных действий и взаимодействий, выступают частью механизма социальной трансформации в условиях нелинейной социокультурной динамики сложного общества и напряжения социального пространства. Поэтому в трансформационной социальной структуре имеются основания для воспроизводства как доверия, так и недоверия. Трансформация доверия и недоверия как социальных практик связана как с изменениями в институциональной среде, так и с охватом системы ментальных установок субъектов.

---

[185] *Заславская Т.И.* Социетальная трансформация российского общества: Деятельностно-структурная концепция. М.: Дело, 2003. 568 с.

В трансформирующемся обществе, в том числе российском, доверие и недоверие имеют «общие предпосылки возникновения и постоянно взаимодействуют между собой». Недоверие становится «функционально эквивалентным феномену доверия» важнейшим элементом социального поведения. Процесс трансформации доверия и недоверия в современном России имеет исторические основания в виде широко развитых в советском обществе социальных практик «политического, культурного, идеологического недоверия» [186].

Постсоветское общество вобрало в себя эти практики в сферах бизнеса, культуры, идеологии, политической системы, международных отношений. Социальное пространство недоверия расширилось, в то время как пространство доверия сузилось, приобрело частный и более персонифицированный, характер. Характерным примером является расширение заимствованных из советского общества форм псевдодоверия в виде так называемых «серых зон» как областей использования неформальных практик (взятки, блат, бартер, «крыша», и др.), носящих противозаконный или полулегальный характер. Эти формы проявления «квазидоверительных отношений компенсируют отсутствие базового доверия»[187].

С.Е. Вершинин считает также важным фактором трансформации доверия и недоверия изменения их темпоральных характеристик, поскольку «доверие к будущему сменилось доверием к непосредственному настоящему и наоборот, недоверие по отношению к коллективному и частному (своему собственному) будущему значительно возросло. Ресурс доверия резко сократился… . Новые же партнеры по бизнесу или политике изначально рассматриваются с позиции

---

[186] *Вершинин С.Е.* Доверие как социальный институт гражданского общества (Методологические проблемы исследования) [Электронный ресурс] // Сайт Сергея Вершинина. Режим доступа: http://www.werschinin.ru/?ml=35. (дата обращения: 7.08.2010).

[187] *Урбан М.* Социальные отношения и политические практики в посткоммунистической России // Полис. 2002. № 4. С. 66–85.

недоверия, степень которого может варьироваться от минимальной до максимальной»[188].

Среди зарубежных исследователей также устоялось мнение об исторических основаниях практик недоверия. К примеру, невысокое доверие к демократическим институтам культурологические теории происхождения политического доверия связывают с устойчивой диспозицией недоверия в авторитарных политических культурах постсоциалистических стран, в том числе России[189].

Изменения в социально-политическом устройстве российского общества, новые социально-экономические реалии перехода к рынку, внедрение в повседневную жизнь новейших информационно-коммуникативных технологий и другие социальные изменения стали причиной слома ментальных поведенческих программ, установок, когниций, ценностей.

Ряд исследователей рассматривает российский менталитет в широком смысле как онтологическую и социокультурную предпосылку исторического развития российского общества, существенный социальный фактор, способствующий единству и целостности российского социума, его культуры и государственности при всем многообразии его этнического и конфессионального состава[190].

Одним из составляющих структуры менталитета являются архетипы (неосознанные структуры) как модели интуитивного поведения, бессознательные мифологизированные прообразы, которые сформировались под воздействием опыта предыдущих поколений и постоянно повторяются в ходе исторического развития. Поскольку в условиях модернизации российского общества на место прежних, закрепляемых через систему социализации

---

[188] *Вершинин С.Е.* Указ соч.

[189] *Keenan E.* Muscovites Political Folkways / E. Keenan // Russian Review. 1986. Vol. 45. P.115-181.

[190] *Емелькина И.В.* Российский менталитет: сущность, объем понятия и социальная роль: дис. … д-ра филос. наук: 09.00.11. / Емелькина Ирина Владимировна; М., 2011. 321с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.dissercat.com/content/rossiiskii-mentalitet-sushchnost-obem-ponyatiya-i-sotsialnaya-rol#ixzz3nRRJyjU1. (дата обращения: 30.09.2015).

практик, пришли новые образцы и нормы социального поведения, взаимодействие традиционных архетипов и инновационных элементов определяется как динамическая оппозиция.

В этом контексте П. Штомпка пишет, что решение доверять или не доверять принимается с учетом культурного контекста, норм, сдерживающих или поощряющих проявление доверия. Раскрывая структурные возможности социума, способствующие появлению доверия, он формулирует пять макросоциетальных обстоятельств, благоприятствующих появлению «культуры доверия» и пять противоположных им обстоятельств, производящих «культуру недоверия»: 1) нормативная согласованность/нормативный хаос (аномия); 2) стабильность социального порядка/радикальные изменения; 3) прозрачность социальной организации/секретность; 4) ощущение понятности окружающего мира/ощущение неизведанности; 5) подотчетность других людей и институтов /произвол и безответственность[191].

Когниции как составляющие ментальных поведенческих программ характеризуются через «…совокупность психических (ментальных, мыслительных) процессов – восприятия, категоризации, мышления, речи и пр., служащих обработке и переработке информации» и включающих все то, что составляет основу для поведения человека – осознание и оценку самого себя в окружающем мире, построение картины мира. В ходе данных процессов сенсорные данные трансформируются в виде ментальных репрезентаций разного типа (образов, пропозиций, фреймов, скриптов, сценариев и т.п.), чтобы удерживаться при необходимости в памяти человека[192].

Что же касается ценностей, то они выступают в качестве аксиологического мотива, регулятива и ориентира социального поведения индивидов и социальных общностей. Системы ценностных ориентаций

---

[191] *Штомпка П.* Социология социальных изменений / пер. с англ.; под ред. В.А. Ядова. М.: Аспект-Пресс, 1996. 416 с.

[192] Краткий словарь когнитивных терминов / Сост. Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина. Под общ. ред. Е. С. Кубряковой. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://vocabulary.ru/dictionary/849. (дата обращения: 05.05.2014).

определяют содержательную сторону направленности личности, основу ее отношений к себе самой, другим людям, миру в целом, основу мировоззрения и ядро мотивации жизнедеятельности. Обобщая существующие в современном научном дискурсе теории ценностей, известный австрийский культуролог и политолог В. Краус выводит три формы существования ценностей: 1) общественные идеалы как «исходная, первичная, основная форма существования ценностей», «выработанных общественным сознанием и присутствующих в нем обобщенных представлений о совершенстве в различных сферах общественной жизни», существующих в объективном укладе общественного бытия данного конкретного социума и отражающих его практический опыт жизнедеятельности; 2) предметно воплощенные ценности – материальная и духовная культура как объективированная форма существования ценностей; 3) личностные ценности, которые признаются «не только эмпирической очевидностью и теоретически признанным общим местом, но и логическим условием существования предметно воплощенных ценностей – ведь предметное воплощение осуществляется только посредством целенаправленной деятельности людей, ориентированной на эти ценности»[193]. В этом триединстве заключается сущность широкого понимания ценностей.

В более узком смысле понятие ценностей часто интерпретируется как синоним менталитета (к примеру, понятие политических ценностей является синонимом понятия политического менталитета)[194].

Социальный психолог М. Рокич установил различие двух классов ценностей – терминальных и инструментальных, что позволяет проводить эмпирические замеры ценностных ориентаций, влияние которых прослеживается в любом социальном феномене, в нашем случае – феномене доверия и недоверия. Терминальные ценности определяются как ценности-

---

[193] *Краус В.* Нигилизм и идеалы: Нигилизм сегодня, или Долготерпение истории / пер. с нем. А. Карельского, Е. Кацевой, Э. Венгеровой. М.: Радуга, 1994. 256 с.

[194] *Лубский Р.А.* Политический менталитет: методологические проблемы изучения и российские реалии: дис. …канд. филос. наук: 09.00.10 / Лубский Роман Анатольевич; Ростов н/Д, 1999. 206 с.

цели, то есть убеждения в том, что какая-то конечная цель индивидуального существования с личной и общественной точек зрения стоит того, чтобы к ней стремиться. Инструментальные ценности есть ценности-средства, то есть убеждения в том, что какой-либо образ действий является с личной и общественной точек зрения наиболее предпочтительным в любых ситуациях[195].

В данном конкретном случае мы понимаем под ценностями личностные и общественные предпочтения и убеждения относительно доверия и недоверия, определяющие вероятность его возникновения, и выступающие внутренними факторами трансформации доверия и недоверия как социальных практик в российском обществе.

Таким образом, исследование доверия и недоверия как социальных практик должно включать их интерпретацию, связанную с факторами их трансформации. Многообразие факторов условно можно разделить на две группы.

Первую группу представляют экзогенные факторы как составная часть объективных социальных условий, идущих от состояния российского социума. Вторую группу составляют эндогенные факторы, связанные с индивидуальным и общественным сознанием и обусловленные современной социокультурной ситуацией. В 2000-х гг. П. Штомка вводит понятие «травмы трансформации» (социальной, культурной) как комплекса дисфункциональных последствий коренных изменений в общественном сознании, драматично сказавшихся на жизни людей[196]. Характеризуя взаимовлияние доверия и социальных трансформаций, автор пишет: «Когда происходит быстрое и радикальное изменение общества, без четкого направления и понятного смысла, экзистенциальная безопасность оказывается под вопросом, появляется общее недоверие… . Очень четко этот эффект проявился в посткоммунистических странах первой половины 1990-х годов, лишь с середины 1990-х годов новая

---

[195] *Рокич М.* Природа человеческих ценностей. М.; Нью-Йорк, 1973. 276 с.; *Леонтьев Д.А.* Методика изучения ценностных ориентаций. М.: СМЫСЛ, 1992. 17 с.

[196] *Штомпка П.* Социальное изменение как травма // Социологические исследования. 2001. № 1. С. 616.

система начала понемногу «осваиваться» и обрела в ощущениях граждан некоторую нормальность»[197].

Поэтому уровни доверия и недоверия являются не только ключевыми индикаторами и субъективными факторами сохранения целостности и развития социальных систем, но и характеристиками поведенческих стратегий и социальных ожиданий и его членов. В сложном взаимодействии друг с другом факторы повышают или понижают вероятность возникновения доверия и недоверия в российском обществе, задают направленность их изменения, оказывают влияние на их структурные компоненты.

2.2. Экзогенные факторы трансформации доверия и недоверия как социальных практик российского общества

Экзогенные факторы трансформации доверия и недоверия как социальных практик в российском обществе представляют собой составную часть объективных социальных условий, идущих от состояния российского социума и связанных с модернизаций. К их числу относится многообразие социально-политических, социально-экономических, социокультурных факторов, в том числе уровень социального неравенства по целому ряду значимых социальных показателей; степень полезности и эффективности социальных институтов; воздействие СМИ.

По оценкам специалистов, трансформационные процессы в современной России отличает увеличение роли стихийных факторов, слабая управляемость и непредрешённость конечных результатов[198]. В определенной степени данный факт можно объяснить нестабильностью современного российского социума

---

[197] *Штомпка П.* Социология. Анализ современного общества / Пер. с польск. С.М. Червонной. М.: Логос, 2005. С. 365.

[198] *Князев И.В.* Трансформационные процессы в России (субъектный аспект): дис. ... канд. социол. наук: 22.00.04 / Князев Игорь Владимирович; Новочеркасск, 2006. 200 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.dslib.net/soc-struktura/transformacionnye-processy-v-rossii.html. (дата обращения: 13.09.2015).

как трансформирующейся системы и наличием большого числа проблемных факторов во всех сферах общества. К числу насущных экономических проблем относятся: низкий уровень среднего и малого бизнеса и реальных доходов населения, большой разрыв в доходах между богатыми и бедными и др.; политических – огромную политическую роль бюрократии, патернализм и клиентизм, выключенность широких народных масс из повседневного политического процесса, абсентеизм населения, правовой нигилизм, недостаток цивилизованных форм отношений между верхами и низами, фрагментарность политической культуры и т.д.; социальной сферы и гражданского общества – невысокий уровень членства в общественных организациях, отсутствие навыков и стремления к самоорганизации, кризис института семьи, высокую естественную убыль населения, высокий уровень материнской и детской смертности и др.

Все это свидетельствует о недостаточной эффективности социально-политических, социально-экономических и социокультурных институтов.

Таким образом, трансформация доверия и недоверия как социальных практик связана с изменениями в институциональной среде.

Из многолетних дискуссий на тему «Куда идет Россия?», а также из теоретических представлений о «движущих силах» исторического процесса, специалисты делают вывод, что основным субъектом социальных трансформаций и модернизации было и остается государство. По словам В.А. Ядова, «российские трансформации могут быть успешными и эффективными при условии высокого авторитета государственных структур…». Поэтому «главная особенность национального стиля российских модернизаций – в том, что все они, начиная с петровских реформ и до нашего времени, инициировались и осуществлялись верховной властью сверху, не снизу»[199].

---

[199] *Ядов В.А.* Россия как трансформирующееся общество: резюме многолетней дискуссии социологов // Куда идет Россия? Власть, общество, личность / под общ. ред. Т. Н. Заславской. М.: МВШСЭН, 2000. С.383-391; *Ядов В.А.* Социальные трансформации в России в эпоху глобальных изменений. [Электронный ресурс]. Режим доступа:

В силу этого обстоятельства актуальным является доверие государству и его институтам со стороны общества.

Нельзя сказать, что российская власть, рискуя потерять доверие, не предпринимала легитимных усилий для исправления вышеперечисленных проблем. В качестве примера можно привести реализацию с 2005 года приоритетных социальных «национальных проектов», ставящих целью модернизацию таких важнейших сфер, как здравоохранение, образование, обеспечение жильем и сельское хозяйство. Они стали частью государственных программ по этим же направлениям. Однако результативность, которую они принесли, вызывает ряд вопросов. В частности, в ходе Интернет-опроса в конце 2011 г. 68% опрошенных россиян на вопрос «По вашим ощущениям, в какой области ситуация улучшилась?» ответили «ни в какой». Больше всего нареканий вызывали сферы образования и здравоохранения, о чем свидетельствовали к примеру, периодически всплывающие скандалы (ЕГЭ и его результаты; неэффективное расходование денег в сфере закупок медицинского оборудования и др.)[200].

Причиной неудач во многом является тот факт, что способом проведения российской модернизации, по сути, является грандиозная «имитация», то есть видимость. Модернизация не затронула не только устои жизни массовых слоев российского населения, но и не изменила характер и условия труда, не повысила его производительность. Не увеличилась и оплата труда, съедаемая инфляцией. Тем самым «создается лишь видимость полной вовлеченности социума в процессы реформ, всегда инициируемых сверху, в то время как общество в целом ни по своей структуре, ни по доминирующим настроениям не готово к навязываемым радикальным переменам»[201].

---

polit.ru/article/2008/10/29/soctransformations/polit.ru/article/2008/10/29/. (дата обращения: 10.09.2015).

[200] Аргументы и факты. [Электронный ресурс]. 2011. 16 ноября. Режим доступа: http://www.aif.ru/vote. (дата обращения: 18.12.2011).

[201] *Ачкасов В.А.* Россия как разрушающееся традиционное общество // Полис. 2001. № 3. С.83–92.

Как результат, для граждан характерно недоверие к реформам, инициируемым властью и ее институтами.

Установлено, что главным барьером на пути успешного решения данных проблем, трансформации и модернизации в целом является именно отсутствие необходимых для этого социальных условий. «Эта проблема многогранна. С одной стороны, она упирается в вопросы социальной политики государства и объективные ограничения и проблемы социально-демографического, экономического и политического характера. Однако существенно важнее то, что сама структура современного российского общества является препятствием на пути инновационного развития, вместо того, чтобы быть его почвой»[202].

Высокий уровень социального неравенства стал одной из ключевых характеристик российского общества, влияющей на социальные практики. Социологи приводят разные оценки социального неравенства. Н.Е Тихонова на основании использования специального индекса уровня жизни (интегрирующего показатели наличия жилья и его качества, досуговых возможностей, и т.д.) делает вывод, что население России начала 2010-х гг. делится на благополучных и неблагополучных в пропорции примерно 40:60, поэтому в российском обществе базовый/медианный класс – это малообеспеченные[203].

Исследования Института социологии РАН констатируют рост децильного коэффициента дифференциации доходов (разницы доходов 10% самых богатых и 10% самых бедных). В 2013 г., согласно данным официальной статистики, он составил 16,2 раза, а по неофициальным данным, получаемым путем массовых опросов) – 28–30 раз. М.К. Горшков на основании этих и других показателей делает вывод, что общественные неравенства (доходов, доступа к образованию и здравоохранению и др.), значимые разрывы по степени удовлетворенности

---

[202] *Сахнин А.* Социальная трансформация как условие успешной модернизации. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.liberty.ru/Themes/Social-naya-transformaciya-kak-uslovie-uspeshnoj-modernizacii. (дата обращения: 11.09.2015).

[203] *Тихонова Н.Е.* Социальная структура России: теория и реальность. М.: Новый хронограф; Институт социологии РАН, 2014. С. 160.

трудом и жизнью в целом являются препятствием развитию России, поскольку тормозят системную модернизацию, блокируют ее переход к инновационной стадии, усугубляют поляризацию общества, порождают социальную апатию и пассивность. Разрушаются гражданская солидарность, нравственные устои общественного единения, создается климат нетерпимости, конфронтационности и препятствия достижению национального согласия, порождая при этом резкий разрыв между обществом и властью[204].

Дистанцирование большинства населения от государства связано также с социально – экономической дифференциацией, сопряжённой со структурными и институциональными сдвигами по причине монополизации ключевых социальных ресурсов управленческой элитой в период приватизации. Как следствие – неуправляемый рост доходов элитных групп населения, являющихся крупными собственниками. Данный факт является одной из ключевых детерминант социальных практик недоверия в российском обществе, причем носящих неформализованный характер. В условиях разрыва взаимодействия социальных элит и остального населения страны, отсутствия между ними какого-либо доверия, «доминируют неформальные социальные практики, альтернативно замещающие имеющиеся институциональные практики». Соответственно, «закрепляются неформальные составляющие доверия в ущерб формальным институтам»[205].

Российское общество в настоящее время представляет собой чрезвычайно дифференцированную по разным основаниям структуру. Д.М. Данкин, ссылаясь на эмпирические данные 2012 г., фиксирует явления недоверия, отчуждения и социальной дифференциации и их проявления в таких аспектах, как стабильно продолжающееся расслоение общества «по имущественно-

---

[204] *Горшков М.К.* Общественные неравенства как объект социологического анализа // Социс. 2014. № 7.С.22, 29–30.

[205] *Ромашкин Г.С.* Доверие в российском обществе: экономико-социологический анализ: автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.03 / Ромашкин Гариф Сергеевич; Тюмен. гос. ун-т. Тюмень, 2011. С.4–6.

классовой, этнической или религиозной идентификации»; на «своих» и чужих» «по мировоззренческим, нравственным ценностям, ментальному самоопределению индивидов и групп»[206]. К числу оснований (критериев) глубокой социальной дифференцированности и идейно-политической разобщенности российского населения можно также причислить разный доступ к материальным благам, культурным ценностям, образованию, здравоохранению, возможностям самореализации. В качестве препятствия социальной интеграции выступают слабость гражданского общества и демократических традиций.

Данные факты позволяют некоторым специалистам высказывать сомнения относительно перспективы дальнейшего развития социального капитала и даже говорить о депрессивной тенденции его «истощения» в России, поэтому возможности ускоренного движения к постмодерну оказались упущены[207].

Отсюда можно сделать вывод и о депрессивной тенденции «истощения» доверия, если считать его необходимой предпосылкой, одним из показателей, условием и фактором развития социального капитала, под которым понимаются различные блага, получаемые в силу принадлежности к определенной системе социальных связей. В теории П. Бурдье социальный капитал трактуется как совокупность потенциальных или реальных ресурсов, накапливающихся у индивидуума или социальной группы благодаря устойчивой сети более или менее институционализированных связей или отношений «взаимного признания»[208], где это признание адекватно доверию и взаимопомощи. Соответственно индивид, которому доверяют (и который, в свою очередь, доверяет другим), может рассматриваться как обладатель

---

[206] *Данкин Д.М.* Доверие как фактор стабильности // Ученые записки ИМЭИ. 2012. № 1. Т.2. С.12.

[207] Российская идентичность в условиях трансформации: опыт социологического анализа: научное издание / Отв. ред. М.К. Горшков, Н.Е. Тихонова. М.: Наука, 2005. 396 с.

[208] *Bourdieu P.* The Forms of Capital // Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education/ ed J. G. Richardson/ N.Y. Greenwood Press, 1986. P. 248.

специфической формы капитала – социального капитала, поскольку в силу включенности в сеть связей и знакомств он получает доступ к ресурсам других членов группы. В этом случае доверие, как пишет Ф. Фукуяма, возникает в обществе как выражение ожиданий нормального, честного и предсказуемого поведения в согласии с некоторыми общими нормами[209].

Установлено, что существуют не менее трех способов создания доверия и накопления социального капитала: 1) личный опыт; 2) сходство социальных характеристик партнеров; 3) гарантии или рекомендации надежного внешнего источника (гаранта, поручителя)[210].

Между тем российская социальная реальность обнаруживает проблематичность этих способов. По данным Европейского социального исследования, проводимого каждые два года, начиная с 2001 г., один из эмпирических признаков консолидации общества – межличностное доверие – в России одно из самых низких среди европейских стран. Межличностное доверие выступает в качестве предпосылки доверия институционального, поэтому фиксируется также один из самых низких уровней доверия судебно-правовой системе, очень низкий уровень доверия полиции. По всем этим показателям Россия занимает место в последней пятерке среди 26 стран, участвовавших в исследовании[211].

Общей закономерностью является наличие обратной зависимости между радиусом и показателем уровня доверия – чем меньше радиус, тем выше уровень доверия; чем больше радиус, т. е. дальше от индивида объект доверия,

---

[209] *Фукуяма Ф.* Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию / Пер. с англ. М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2004. С.52.

[210] *Халикова Л.В.* Доверие как социальный фактор развития малого предпринимательства: дис. …канд. социол. наук: 22.00.03 / Халикова Ляля Вагизовна; Казан. финансово-эконом. ин-т. Казань, 2008. 147 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.dissercat.com/content/doverie-kak-sotsialnyi-faktor-razvitiya-malogo-predprinimatelstva#ixzz3leWznThj. (дата обращения: 13.09.2015).

[211] Цит. по: Беляева, Л.А. Культурный капитал, социальный капитал и напряженность социального пространства России // Общественные науки и современность. 2013. № 6. С.27-44; *Беляева Л.А.* Преодоление напряжений социального пространства – путь к консолидации общества // Философские науки. 2014. № 6. С. 20.

тем ниже уровень доверия и, соответственно, выше уровень недоверия к нему. Такие факты подтверждены эмпирически среди различных слоев населения. В России имеет место факт усиления явления недоверия, освобожденного от «демографических» различий, в частности возрастных. «Если несколько лет назад можно было говорить о том, что наиболее недоверчивы те респонденты, чья молодость и зрелость пришлись на период социальных кризисов, у кого ограничены ресурсы образования, доходов, развитых связей с другими, кто живёт в депрессивных социальных зонах (малые города, село), то сегодня ситуация такова, что ощущение взаимного недоверия, отчуждения разлито по всему обществу»[212].

Исследователи располагают виды доверия по степени возрастания в российском обществе в следующей последовательности: институциональное – общественное (социальное) – локальное – межличностное доверие. В сравнении, самым высоким является уровень межличностного («особо личного» – ближайшему окружению самых близких родственников, в числе которых дети, родители, супруги, а также близкие друзья) доверия; низким – уровень институционального доверия (судьи, чиновники и др.); промежуточными – уровни общественного (коллеги по работе, соседи, друзья и другие представители регулярных коммуникативных отношений за пределами ближайшего окружения) и локального (жители своего города, района) доверия[213].

Ведущая роль доверия в формировании общественных связей отмечалась еще классиками немецкой школы «понимающей социологии», называющими доверие одной из наиболее важных синтезирующих сил в обществе. Доверие – продукт опыта отдельного индивида, однако за счет частого повторения этого опыта и его институционализации происходит закрепление социального

---

[212] *Гудков Л.Д.* Постсоветский человек и гражданское общество / Л.Д. Гудков, Б.В. Дубин, Н.А. Зоркая. М.: Московская школа политических исследований, 2008. С. 73.

[213] *Китайцева О.В., Кученкова А.В*. Доверие и индивидуализм в мировоззрении современной молодежи восточноевропейских стран // Социологические исследования. 2014. № 12. С. 100.

доверия как нормы и традиции. С точки зрения Г. Зиммеля, с ускорением современного общества его объективная культура характеризуется ростом незнания, и именно доверие есть среднее состояние между незнанием и знанием, мост между ними, структурирующий принцип. Поэтому требуется все больше доверия в интеракции между индивидами, а также индивидов с нечеловеческим миром, например, с техникой[214]. В современных теориях социального действия и системных теориях общества в трудах Э. Гидденса, Д. Коулмена, Н. Лумана, А. Селигмена, Ф. Тенниса, Р. Штомки и др. установлено, что по мере развития общества межличностное доверие, свойственное «традиционному» обществу, уступает место обобщенному («генерализированному, «системному», «дедуктивно- системному», «общему», «общественному», «социальному») доверию современного индустриального и постиндустриального общества как одному из оснований безопасности социальных систем, построения гражданского общества и общественной консолидации.

В отечественной литературе немногочисленны работы, посвященные исследованию доверия в России в сравнении с другими странами[215]. Выводы специалистов, основанные в том числе на данных Всемирных исследований ценностей (2005–2008 гг.), свидетельствуют о довольно низких мировых показателях уровня генерализованного (обобщенного) доверия: в 33 странах из 52 доля респондентов, доверяющих одновременно и большинству, и незнакомым людям, не выходит за пределы 10%. Россия – «средняя» страна в числе стран кластера бывшего СССР и советского блока. Однако в сравнении с западноевропейскими лидерами (в Швеции 68,9% – доверие незнакомцам, и

---

[214] *Зиммель Г.* Избранное. В 2-х т. Т. 2. М.: Юристъ, 1996. С. 369.

[215] *Рукавишников В.О.* Межличностное доверие: измерение и межстрановые сравнения // Социологические исследования. 2008. № 2. С.17–25**;** *Белянин А.В., Зинченко В.П.* Доверие в экономике и общественной жизни. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2010. 164 с.; *Латов Ю.* Каков социальный капитал в современной России? (сравнительный анализ межличностного и институционального доверия) // Леонтьевские чтения (эл. журнал). 2010. № 7. С. 216–230. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://uisrussia.msu.ru/docs/nov/leontief/2010/Latov.pdf. (дата обращения: 24.09.2015).

86,4% – людям другого происхождения), «становится понятно, какой долгий путь предстоит пройти России в деле создания общества с высоким уровнем доверия»[216].

Таким образом, поскольку в современной России отмечается невысокий уровень обобщенного и локального доверия, а также низкий уровень институционального доверия, это не позволяет говорить о каких-либо видимых и осязаемых результатах реализации модернизационного проекта, которые бы свидетельствовали о построении в России современного индустриального общества и перспективах перехода к постиндустриальному.

Расширение зоны недоверия связано со многими причинами как личностного, так и социокультурного характера. Во-первых, недоверие может быть следствием негативного личного опыта или же сопряжено с высоким риском. Во-вторых, недоверие обусловлено комплексом социокультурных факторов.

Высокий для российских условий, но недостаточный по европейским меркам уровень межличностного доверия объясняется несколькими причинами. Во-первых, «травмой трансформации» (социальной, культурной) как комплекса шоковых дисфункциональных последствий коренных изменений в социуме, драматично сказавшихся на жизни людей в 90-е годы. Во-вторых, «люди испытали сильнейшее воздействие реальных и мифологизированных образов достижения стремительного успеха, основанного на нарушении этических и правовых норм. Соответственно, практики доверия стали рассматриваться либо как слишком большой и непозволительный риск, либо как препятствие для достижения успеха»[217]. Как следствие, межличностное доверие ограничилось очень узким кругом родственников и близких друзей, которые могут в случае необходимости оказать моральную и материальную поддержку. Представители других общественных групп – более дальние

---

[216] *Алмакаева А.М.* Измерение генерализированного (обобщенного) доверия в кросскультурных исследованиях // Социологические исследования. 2014. № 11. С. 42.
[217] *Реутов Е.В, Реутова М.Н.* Указ соч. С. 128.

родственники, приятели, сослуживцы – менее близки и меньше заслуживают доверия. Предполагается, что увеличение недоверия в социальных практиках связано с ослаблением родственных и дружеских связей, разочарованием в таких отношениях, в которые привнесено чувство зависти и главенствуют меркантильные интересы. Эти процессы связаны также с усилением профессиональной конкуренции, ростом индивидуализма и отчуждения. В этом факте, на наш взгляд, проявляется дихотомичность социокультурной ситуации, когда социальная диференциация по уровню доходов и социальному положению проходит через семейно-родственные отношения и дружеские круги. В-третьих, большинство сложившихся социальных сетей носит неформальный характер, поэтому констатируется расширение неформальных практик межличностного доверия и одновременно – рост недоверия к забюрократизированным формальным государственным институтам. К примеру, молодая семья с одним работающим родителем и двумя малолетними детьми, находящаяся на грани бедности, рассчитывает скорее на материальную помощь работающих родителей – пенсионеров, чем на социальное пособие по уходу за детьми.

Низкий уровень институционального доверия также объясняется комплексом причин. В качестве первой уже отмечена неэффективность многих действующих социальных институтов и альтернативная замена институциональных практик неформальными социальными практиками, что закрепляет неформальные составляющие доверия в ущерб формальным институциональным. Низкий уровень формального институционального доверия объясняется, в частности, ростом коррупции, тогда как нарушители законов, облеченные властью, уходят от ответственности, что провоцирует напряжение социального пространства, способствует расширению неформальных практик доверия в ущерб формальным институциональным. Так, весьма показателен очень низкий уровень доверия полиции, работу которой только 17% граждан оценивает как очень хорошую и хорошую и 25%

как плохую и очень плохую. В среднем по России около 50% взрослого населения не доверяют полиции. В числе причин недоверия опрошенные отмечали неуважительное обращение полиции с людьми. Также в России один из самых высоких уровней взяточничества со стороны полиции, в других европейских странах он значительно ниже[218].

Еще одна причина связана с персонификацией социальных и политических феноменов и институтов в массовом сознании, что можно объяснить, с одной стороны, наследием исторического прошлого, с другой – инертностью паттернов массового сознания.

В условиях проблемности и рискогенности таких двух способов упрочения доверия и накопления социального капитала, как личный опыт и сходство социальных характеристик партнеров, актуальным для российского общества может быть третий способ, в котором в качестве некоего условного гаранта (надежного внешнего источника) доверия представлены лишь внешние источники, и среди них, в первую очередь – персонифицированные институты власти.

В ситуации кризиса обобщенного доверия оно фактически сведено до уровня доверия к отдельным персонифицированным институтам власти, то есть, по сути, до уровня межличностного доверия. Однако это межличностное доверие имеет совсем другое содержание, отличное от «особо личного доверия» как доверия индивида к своему ближайшему окружению, о котором он имеет априорную информацию, основанную на личном опыте. Доверие к отдельным персонифицированным институтам – это так называемое «персонифицированное доверие», особенностями которого являются: 1) удаленность на расстоянии субъекта и объекта доверия; 2) ситуативность и наличие информации как предмета доверия; 3) опосредованность взаимодействия субъекта и объекта доверия средствами массовой

[218] *Беляева Л.А.* Преодоление напряжений социального пространства – путь к консолидации общества // Философские науки. 2014. № 6. С. 20-21.

коммуникации.

Такого рода персонифицированное доверие как результат во многом формируется под влиянием социальных манипуляций и масс-медиа.

В современном информационном обществе значение коммуникационного поля возрастает. Доверие предстает одним из факторов, определяющих конструктивность коммуникации, особенно в политическом ее поле. Политическая коммуникация рассматривается как «непрерывный процесс создания, трансляции и оборота политической информации, структурирующий деятельность акторов посредством естественных и/или электронных коммуникационных каналов»[219].

Е.В Герасимова выделяет разнообразные формы политической коммуникации в современном информационном обществе: коммуникацию «лицом к лицу», медийную коммуникацию, сетевую коммуникацию. Формами коммуникации со стороны общества предстают «обращение», «протест», «угроза». В условиях политической модернизации пространство коммуникации власти и общества приобретает «децентрализованную сетевую форму. В российском сетевом пространстве политическая коммуникация представлена несколькими полями: индивидуально-личностным (индивидуальные сайты, странички, блоги политических и общественных лидеров); групповым (блогосообщества); институциональным (сайты, порталы органов власти). Основными трендами политической коммуникации становятся: неотсроченность (возможность заявить свою позицию и получить немедленный ответ); перенос коммуникации «лицом к лицу» в виртуальную плоскость (телемосты, виртуальные коммуникативные площадки); коммодификация

[219] *Бронников И.А.* Политическая коммуникация и современность [Электронный ресурс] // Юридические исследования. 2013. № 4. С. 66–88. Режим доступа: http://e-notabene.ru/lr/article_702.html. (дата обращения: 09.12.2014).

коммуникации (политические коммуникации выступают как особый товар, потребление которого предполагает особый акцент на имидже)»[220].

В индивидуальном и общественном сознании возникают имиджи как искусственные образы, созданные средствами массовой коммуникации с помощью рекламы, пиара, навязчивой пропаганды, психологического воздействия. Создание имиджей имеют свой целью формирование положительного отношения к тому или иному политику или явлению политической реальности, поэтому акцент делается не только на действительных, но и приписываемых, несуществующих их свойствах. Это создает почву для псевдодоверия. В ходе предвыборной кампании, апеллирующей не к разуму, а к чувствам, избиратели становятся объектом манипуляции именно посредством налаживания неосознанного, неосмысленного, неадекватного доверия.

Особый интерес представляет аспект доверия граждан к политическому лидеру как главному действующему лицу политики. Такое доверие формируется по-разному. Если в тоталитарном обществе такое доверие сходно с религиозной верой и не требует никаких рациональных обоснований, то в демократическом обществе лидер должен заслужить доверие. При этом важно то, чем он занимался в прошлом, его моральный облик, точка зрения по самому широкому кругу вопросов. Поэтому «многократно осмеянный в нашей пропаганде интерес к биографиям политических лидеров является отнюдь не только нескромностью и проявлением дурного вкуса, а нормальным стремлением уберечь себя от ошибки при принятии решения в выборе»[221].

---

[220] *Герасимова Е.В.* Пространство коммуникации власти и общества в условиях политической модернизации России: автореф. дисс… канд. социолог. наук: 22.00.05. / Герасимова Елена Васильевна; Поволжской академии государственной службы имени П.А. Столыпина.- Саратов, 2012. 23 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://cheloveknauka.com/prostranstvo-kommunikatsii-vlasti-i-obschestva-v-usloviyah-politicheskoy-modernizatsii-rossii. (дата обращения: 10.12.2014).

[221] *Гозман Л.Я.* Люди и власть: от тоталитаризма к демократии / Л.Я. Гозман, А.М. Эткинд // В человеческом измерении: научное издание/ ред.-сост. А. Г. Вишневский. М: Прогресс, 1989. С.378–392.

Таким образом, в социальных практиках политической коммуникации формирование доверия к политическим деятелям может происходить как эмоционально-чувственным путем, через внушение, обаяние, харизму политического деятеля (в том числе посредством создания имиджей), так и рациональным путем, через убеждение и принуждение, путем апеллирования к когнитивному компоненту доверия.

Объясняя факт наличия высокого доверия персонифицированным властным институтам, В.В. Ковалев связывает это еще с одним явлением – аксиологическими стереотипами как некими проблематизируемыми факторами устойчивости российского общества, формирование которых происходит за счет «актуализации потребности в социальном единстве, то есть на основе интегративной функции аксиологического стереотипа. Субъективным основанием для образования искусственного стереотипа является ситуация, когда стереотип предстает продуктом осмысления конкретного человека или группы лиц и когда этот продукт транслируется в сознание средствами массовой информации»[222].

В.В. Кривопусков полагает, что доверие есть трансформирующийся фактор, связанный с трансформацией российского общества и, в частности, типа человека в нем. Сохраняется традиционный тип доверия, характеризующийся тем, что «при высокой ценности межличностных отношений, родственных и дружеских связей наблюдается синдром всеобщего недоверия и устойчивое закрепление стереотипа «доверять никому нельзя»… . Однако при этом, высокому уровню институционального недоверия соответствует неадекватно высокий уровень персонифицированного (публичного) доверия»[223].

Это свидетельствует о наличии дихотомии доверия и недоверия.

---

[222] *Ковалев В.В.* Аксиологические стереотипы как фактор устойчивости российского общества: автореф.дис. … д-ра. социолог. наук: 22.00.06 / Ковалев Виталий Владимирович; Юж. федер. ун-т. Ростов н/Д, 2009. С. 18.

[223] *Кривопусков В.В.* Указ соч. С. 17.

Социологические исследования в России, проводимые на протяжении более 20 лет Левада-Центром, подтверждают дихотомический, т.е. двойственный характер явления доверия в российском обществе. С одной стороны, в наличии факт повседневного практического недоверия, высказываемого по отношению к окружающим (малознакомым) людям, и снижение его уровня. В 2010 г. 30% россиян считали, что большинству людей можно доверять, и 66% – что в отношениях с людьми нужно быть осторожными[224]. В 2013 г. на эти же вопросы положительно ответила только пятая часть россиян (19%); и 75 % были уверены, что в отношениях с людьми надо проявлять осторожность[225].

С другой стороны, факт повседневного практического недоверия сопровождается, или компенсируется, все возрастающим высоким декларативным доверием к особо значимым институтам, в частности персонифицированным властным. Фиксируются стабильно высокое доверие президенту (к примеру, в марте 2016г. – 82%) и премьер-министру Д. Медведеву (53%)[226].

В современной России доверие неравномерно распределено в социальных практиках микро- и макросоциального уровня. Существует внутренняя и внешняя социально-групповая, социально-слоевая, институциональная, региональная асимметрия и дихотомия ресурсов доверия как основания социального капитала. В силу этого в трансформационной структуре общества и социальных практиках имеются основания для воспроизводства и развития как доверия, так и недоверия.

Трансформационные и модернизационные процессы в России,

---

[224] Стоит ли доверять людям? (Пресс-выпуски Левада-центра. 19.05.2010.) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.levada.ru/press/2010051901.html. (дата обращения: 21.09.2015).

[225] Доверие в обществе. О социальном, межличностном доверии и готовности объединяться для совместных действий. [Электронный ресурс]. Режим доступа: fom.ru/TSennosti/11253. (дата обращения: 10.11.2015).

[226] Мартовские рейтинги одобрения и доверия (Пресс-выпуски Левада-Центра, 30.03.2016). [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.levada.ru/2016/03/30/martovskie-rejtingi-odobreniya-i-doveriya-4/. (дата обращения: 25.04.2016).

становление современного, научно-технического, инновационного типа общества невозможно без интериоризации в индивидуальном и массовом сознании доверия как одной из социокультурных ориентаций, конституирующих обновляющийся социум. Трансформация доверия и недоверия как социальных практик связана не только с изменениями в институциональной среде, но и охватывает также систему социальных субъектов и их ментальных установок. Экзогенные факторы оказывают влияние на доверие и недоверие как социальные практики опосредованно, через ментальные программы индивидов, которые можно рассматривать в качестве эндогенных факторов.

2.3. Эндогенные факторы трансформации доверия и недоверия как социальных практик российского общества

Эндогенные факторы, предопределяющие трансформацию доверия и недоверия как социальных практик, представляют собой обусловленный современной социокультурной ситуацией и связанный с индивидуальным и общественным сознанием комплекс ментальных поведенческих программ, когниций и ценностно-нормативной системы, присущий данному этапу развития российского общества и находящий выражение прежде всего в ментальных установках.

Если рассматривать общественное сознание россиян в целом, то здесь происходят кардинальные изменения. С.В. Алешин в связи с этим отмечает, что «этика доверия в современном российском обществе столь же противоречива, как и социокультурная ситуация, обозначенная неопределенностью общественного развития и хаотичностью ценностного пространства россиян, в

котором утеряно духовное начало как источник индивидуального и социального благополучия[227].

Специалисты констатируют в общественном сознании современной России такие негативные явления, как размытость, неопределенность и переменчивость общественных ориентаций и социального настроения. Ж.Т. Тощенко отмечает появление новой характеристики общественного сознания постсоветской России – «парадоксальность сознания (имеющая тенденцию к росту)». Поясняя данное явление, автор пишет о нем как удивительном социальном феномене, неосознанном самим человеком: «в одном и том же человеке одновременно уживаются противоположные, а иногда и взаимоисключающие друг друга оценки, установки, ориентиры, намерения». «Человек как бы бежит сам от себя и от общества одновременно в противоположных направлениях… . Парадокс, но проблема не может быть решена на основе одного утверждения, не считаясь с другим»[228]. Автор характеризует «перманентный раскол» общественного сознания (сознание практически расколото пополам, существуют две основные позиции, противостоящие и исключающие друг друга). В частности, констатируется раскол социума в равных пропорциях на тех, кто считает приемлемым настоящий социальный порядок и политический курс, и тех, кто настроен по отношению к ним негативно[229].

При этом симпатии к советскому социально-экономическому строю являются устойчивым трендом с середины 1990-х гг., несмотря на смену поколений. Более половины россиян в возрасте 18 лет и старше, по данным на

---

[227] *Алешин С.В.* Доверие как социокультурный феномен: автореф. дис. … канд. филос. наук. : 09.00.11 / Алёшин Сергей Васильевич; Краснодар. ун-т МВД России. Таганрог, 2012. С. 14.

[228] *Тощенко Ж.Т.* Парадоксальный человек: феномен общественного сознания и социальной практики // Вестник РАН. 2006. Т.76. № 8. С. 683–691; *Тощенко Ж.Т.* Новые явления в общественном сознании и социальной практике [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gup.ru/events/news/smi/toshenko/t14.pdf. (дата обращения: 28.09.2015);

[229] *Тощенко Ж.Т.* Антиномия – новая характеристика общественного сознания в современной России / Ж.Т. Тощенко // Социологические исследования. 2010. № 12. С. 3–18.

апрель 2016г., хотели бы возродить СССР[230]. Одна из причин недоверия нынешней политической власти состоит не только в разочаровании из-за отсутствия положительных результатов модернизационных изменений, но в и убеждении народа в том, что власть отражает и защищает интересы не общества в целом, а только небольшой его части, а именно - олигархических и элитных групп, в том числе государственной бюрократии.

В контексте трансформационных изменений современного российского социума значимо появление таких новых форм общественного сознания и поведения (социальной практики), как «травма и антиномия». Ж. Т. Тощенко предлагает несколько иную трактовку травмы, чем П. Штомпка: «травма выражается в расколе, раздвоении, противоречивости и деформированности общественного развития и выступает как промежуточный этап между эволюцией и революцией». Сущность антиномии общественного сознания и социальной практики выводится автором на основании постулатов И. Канта как «сосуществование взаимоисключающих позиций, противостоящих друг другу ориентаций, каждая из которых на достаточно убедительных основаниях претендует на истинность, на реализацию своего права на существование, на реализацию своих установок и, в конечном счете, на определение стратегии развития общества»[231].

Представляется, что именно в «парадоксальности», «перманентном расколе», «травме и антиномии» общественного сознания и социальных практик кроется одна из причин переноса недоверия, сложившегося в социальных практиках советского общества, в постсоветское социальное пространство, а также попыток адаптации этих практик, основанных на недоверии, для решения новых социальных задач.

В 90-е годы начинать экономические и политические реформы следовало, создав им прочную социальную основу. Но в условиях краха

---

[230] Распад СССР. Левада-центр: пресс-выпуски. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.levada.ru/2016/04/19/raspad-sssr/. (дата обращения: 25.04.2016).

[231] *Тощенко Ж.Т.* Травма и антиномия – новые черты общественного сознания и поведения в современной России // Социология. 2014. № 4. С. 45.

социалистической идеологии реформаторам «первой волны» не удалось «наладить контакт с обществом». Властные институты, уповая на рыночные отношения и ограничения вмешательства государства в жизнь общества, ожидали автоматического появления социального слоя способных организовать свою жизнь на новых началах энергичных и инициативных людей. Однако в условиях унаследованной советской уравнительной и патерналистской ментальности в обществе этого не произошло.

Трансформационные процессы начала 2000-х гг. осуществлялись в более благоприятных условиях экономической и политической стабильности и повышения жизненного уровня большинства граждан. Однако для дальнейшего продвижения вперед, по мнению специалистов, была необходима «глубинная трансформация ментальности российского общества, связанная с усвоением опыта европейской цивилизации модерна»[232].

Достигнуть единства менталитета в постсоветском обществе не удалось. Разделение общества на кластеры с новыми ментальностями отмечается в работах отечественных авторов, начиная примерно с середины 2000 гг. Установлено, что в настоящее время процесс разделения общества на две страты, различные не только по уровню дохода, но и по типу мышления, прогрессирует, что сокращает возможность достижения общенационального согласия[233].

Соответственно проблематизируется развитие доверия в институциональных практиках на макросоциальном уровне.

Наиболее характерный пример – признание наличия демократии в российском обществе. По данным Левада-центра, в 2009 г. 37% опрошенных

---

[232] *Баранов Н.А.* Политические отношения и политический процесс в современной России: курс лекций. В 3-х ч. СПб.: БГТУ, 2004. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.read.virmk.ru/b/BARANOV_PROCESS/22.htm. (дата обращения: 27.08.2015).

[233] Семё*нов В.Е.* Российская полиментальность и тенденции её развития // Социальные и ментальные тенденции современного российского общества (Человек и общество. Вып. XXXI): Сб. ученых записок / под ред. В.Е. Семенова. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2005. 323 с.; *Лебедева Н.М.* Культура как фактор общественного прогресса / Н.М. Лебедева, А.Н. Татарко. М.: ЗАО «Юстицинформ», 2009. С. 89-96, С. 165, С. 354.

утверждали, что демократия несомненно есть или отчасти существует, и 33% опрошенных отказывались признавать ее наличие; в 2014 г. положительный показатель несколько возрос и составил 46%, а отрицательный практически не изменился (32% дали ответ «демократия пока не утвердилась»)[234]; в 2016 г. положительный и отрицательный результаты вновь, как и в 2009 г., составили 37% и 33%, соответственно[235].

Доверие меняет свое имманентное содержание, испытывая влияние со стороны ценностных систем и процессов их трансформации.

Для современной нормативно-ценностной системы российского общества, претерпевающей преобразования, характерна антиномия как результат трансформации наиболее значимых смыслов бытия, представляющих собой сложные взаимодействия знаний, предписанных социальных норм, образов деятельности, разделяемых ценностей.

С одной стороны, эмпирические исследования подтверждают, что большинству российских граждан в той или иной степени удалось адаптироваться к новым социально-экономическим условиям. С другой стороны, оказалось, что в условиях высокой социальной дифференциации практически не сложились легитимные, единые, всеми признанные и соблюдаемые социальные нормы и ценностные стандарты. Как отмечает П.М. Козырева, «поскольку приспосабливаться пришлось не к тому идеализированному рынку, который существовал в представлениях отдельных групп и слоев, а к реальной рыночной экономике, со всеми её изъянами и недостатками, многократно усиленными трансформационным кризисом, приобретенные ими качества оказались тоже далеко не идеальными»[236].

---

[234] Россияне о демократии. Левада-центр: пресс-выпуски. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http:// www.levada.ru/03-04-2014/rossiyane-o-demokratii. (дата обращения: 10.10. 2014).

[235] Российская демократия. Левада-центр: пресс-выпуски. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.levada.ru/2016/01/14/rossijskaya-demokratiya/. (дата обращения: 25.03.2016).

[236] *Козырева П.М.* Доверие в российском обществе: противоречивые тенденции // Философские науки. 2012. № 4. С. 67.

В условиях постсоветского общества в противовес востребованности таких личностных качеств, как деловитость, трудолюбие, ответственность, честность, порядочность, получили распространение ценности индивидуализма, эгоизма, корысти, быстрой наживы. Когда социальный цинизм проник практически во все слои общества, на все сферы общества распространились связанные с недоверием социальные практики мошенничества, обмана, жульничества. Более половины россиян стали более циничными (это отметили 54% респондентов), менее честными (66%) и бескорыстными (67%); почти две третьих опрошенных полагают, что из опасений обмана нельзя заключать сделки в устной форме; 58% считают, что нельзя верить тому, что им рассказывают окружающие; 61% убеждены, что в случае потери денег и документов нашедшие их не вернут; только 53% уверены, что прохожие помогут сразу же в случае, если вдруг они сломают ногу на улице[237].

Ослабели такие личностные качества и установки, как искренность, честность, доброжелательность, бескорыстие, готовность помогать друг другу, что свидетельствует о размывании традиционных ценностей, которые, в свою очередь, являются и основаниями доверия. Все вышеназванное дискредитировало доверие в социальных практиках вместо ожидаемого его роста.

Ситуация с ценностями выглядит не столько катастрофической и безнадежной, сколько двойственной. Среди групп ценностей в современном российском обществе ряд авторов отмечает преобладание целедостиженческих инструментальных ценностей над интегрирующими терминальными. При этом сами инструментальные ценности представляют собой эклектичный набор прямо противоположных друг другу ценностей, которые стали как бы равнозначными. В этом наборе все же лидируют ценности достижения жизненного успеха и благополучия на основе признания очень важными таких

---

[237] *Козырева П.М.* Доверие в российском обществе: противоречивые тенденции // Философские науки. 2012. № 4. С. 69.

моментов, как связи с «нужными людьми»; умение приспособиться; забота прежде всего о себе. Трансформируясь, ценностные ориентации, таким образом, представляют собой противоречивую, антиномичную совокупность коллективистских и индивидуалистских ценностей, что осложняет социокультурную целостность и возможности достижения стабильности и динамичности развития[238].

Наиболее явно ценностная неоднородность современного российского социума просматривается на примере отдельных групп населения. Так, по результатам Всероссийского исследования, проведенного ИС РАН в феврале 2014 г., российский средний класс по своим ценностным ориентациям демонстрирует ту самую ценностную неоднородность, которая свойственна российскому обществу в целом, разделяясь на две почти равные группы: одна ставит достижение успеха важнее моральных норм, а другая считает, что нравственные принципы нельзя приносить в жертву[239]. Ценности и установки, которыми руководствуется российский средний класс в повседневных практиках, в значительной степени соответствуют ценностям модерна, характерным для западных обществ, чем традиционалистским ценностям. Среди таковых – нонконформизм, выбор общества равенства возможностей в противовес обществу равенства доходов, инициативность, предприимчивость, самостоятельность, рациональное планирование совей жизни, внутренний локус-контроль (принятие ответственности за свою жизнь на себя).

Однако эти ценности, по мнению социологов, не работают в российских институциональных условиях, не обеспечивающих наличия в стране одинаковых для всех справедливых норм и правил, контроля за их выполнением, согласования интересов отдельных социальных групп. Все это

---

[238] *Возьмитель А.А.* Образ жизни в России: динамика изменений. / А.А. Возьмитель, Г.И. Осадчая // Социологические исследования. 2010. № 1. С. 17–27; *Лапин Н.И.* Социокультурные факторы российской стагнации и модернизации // Социологические исследования. 2011. № 4. С. 3–17; *Минюшев Ф.И.* Социальное отчуждение: опыт нового прочтения // Социологические исследования. 2011. № 4. С. 3–13; *Тощенко Ж.Т.* Указ соч.

[239] *Горшков М.К.* Средний класс как отражение экономической и социокультурной модели современного развития России // Социс. 2015. № 1. С. 39–41.

является отражением существующего в российском обществе в целом запроса на социально-ориентированный «мягкий консерватизм», основанный на принципах приоритета социальной справедливости, равных прав и возможностей самовыражения для каждого, а также сильного активного государства, которое как раз и должно обеспечить надлежащие институциональные условия для выполнения данного социального запроса[240].

Если рассматривать этническую составляющую доверия и недоверия в социальных практиках, то здесь ситуация также двойственная. Действуют две противоположных тенденции. С одной стороны, для решения задач общественной консолидации и интеграции российского общества на основе ослабления и преодоления религиозной, национальной, политической нетерпимости и подозрительности в настоящий момент остро требуются укрепление атмосферы доверия и расширения социальных практик, с ним связанных. С другой стороны, те же задачи в качестве решения полагают усиление нетерпимости и пресечения попыток религиозного экстремизма, хаоса, преступности, терроризма и других подобных негативных явлений, усиливающихся по причине значительного притока мигрантов из стран бывших республик СССР и других государств. В результате в обществе формируются как узлы доверия, так и недоверия, в основе которого лежат предубеждения и этнические стереотипы. По данным «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения» (RLMS-HSE), если у россиян в целом нет этнических претензий и стойкой предубежденности против переселенцев русской национальности, то этого нельзя сказать относительно мигрантов других национальностей (здесь по степени неприятия лидируют иммигранты из республик Средней Азии и Закавказья, чей неквалифицированный и низкооплачиваемый труд, занятость в теневом и криминальном бизнесе, зависимость от локальных коррумпированных институтов правопорядка

[240] *Горшков М.К.* Средний класс как отражение экономической и социокультурной модели современного развития России // Социс. 2015. № 1. С. 39–41; *Мареева С.В*. Ценностные ориентации и представления среднего класса о желаемом векторе развития страны // Социологические исследования. 2015. № 1. С. 55–63.

являются одной из причин напряженности социального пространства целых регионов)[241].

В.В. Ковалев характеризует состояние ценностной системы современной России как «аксиологическую асимметрию», которая представляет собой одновременное сочетание у одних и тех же людей полярных ценностей, что проявляется в зависимости от конкретных жизненных ситуаций[242].

По данным Левада-Центра, в 2012 г. мнения россиян о такой ценности, как свобода, разделились почти пополам: 41% опрошенных согласились с тем, что «люди склонны к тому, чтобы злоупотреблять предоставленной им свободой, а государство должно предупреждать такие попытки, вводя определенные рамки и ограничения в каждой жизненной сфере», тогда как 47% респондентов считают, что «люди в основном используют свободы во благо себе и обществу, а государство должно лишь предлагать некие общие рамки»[243].

Такая же непоследовательность, противоречивость, двойственность выявляются в отношениях россиян к коррупции: в то время как свое собственное коррупционное поведение воспринимается и оценивается как вынужденный ответ на объективные обстоятельства и поэтому не имеет негативной оценки, аналогичное поведение других людей рассматривается как коррупционное и осуждается. В качестве одной из причин повседневных коррупционных практик также выступает сформировавшаяся в советские времена традиция «благодарить» представителей некоторых профессий, например, врачей, добровольно, без всякого принуждения – просто потому, что

---

[241] Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (RLMS-HSE), проводимый Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ЗАО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии РАН. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms; http://www.hse.ru/rlms. (дата обращения: 10.01.2016).

[242] *Ковалев В.В.* Указ соч.

[243] Как относятся россияне к ценностям свободы. Публикации прессы. 28.06.2012. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.levada.ru/28-06-2012/kak-otnosyatsya-rossiyane-k-tsennostyam-svobody. (дата обращения: 31.10.2014).

так принято. Как результат, «современная коррупция выросла из богатого контекста околокоррупционных отношений», коррупция в стране образует давно укорененную систему социальных отношений, теснейшим образом переплетенную с другими социальными отношениями[244].

Распространение коррупции можно также рассматривать как одно из проявлений архаизации социальных практик, что означает стихийное обращение к повседневным «простым» неформальным практикам, почерпнутым из прошлого, упрощенное поведение как сознательный отказ от освоения новых, более сложных формальных институционализированных социальных практик.

Доверие и недоверие, таким образом, приобретают такие характеристики, как размытость, фрагментарность и ситуативность (в каждой конкретной ситуации не может быть абсолютизации одних и тех же способов ее решения, решение принимается по ситуации и зависит в каждый данный момент времени от сложившихся обстоятельств).

Проблемную ситуацию относительно преобладающих в общественном сознании граждан постсоветского пространства ценностей констатируют не только отечественные, но и зарубежные исследователи, свидетельствуя об обострении проблемы аксиологической безопасности, когда «…современный мир оказался перед лицом почти полного разрушения системы трансляции традиционных ценностей. Угасание традиционных институтов семейно-родового, церковного и культурно-государственного воспитания не могло не сказаться на благополучии людей»[245]. Так, Ф. Фукуяма в книге «Великий разрыв» представил ряд исчерпывающих свидетельств растущего недоверия в

---

[244] *Журавлев А.Л, Юревич А.В*. Психологические факторы коррупции // Социологические исследования. 2014. № 7. С. 63–71.

[245] *Сельчёнок К.В.* Аксиологическая безопасность и методы ее обеспечения. Научно-исследовательский проект Международной академии информационных технологий. Минск, 2000. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.aquarun.ru/ped/axib.html. (дата обращения: 18.04.2012).

конце 90-х гг. Среди них – рост показателей преступности, ослабление института семьи, недоверие к ученым, врачам, полиции, чиновникам[246].

Для такого общества актуальность приобретают проблемы социальной устойчивости, интеграции и идентификации. Создается угроза кризиса коллективной, национальной и гражданской идентичности. Поскольку нет общей идеологии, общих целей, общих интересов, то граждан объединяет немногое[247]. Между тем формирование именно гражданской идентичности на основе общих ценностей, гражданской ответственности и солидарности, патриотизма, уважения к закону, причастности к судьбе России является необходимым условием сохранения территориальной целостности и единства многонациональной страны. Что же касается понятия «национальной и этнической идентичности», то, как пишет М.К. Горшков, оно «выражает часть общего процесса самоидентификации людей», тогда как само «формирование идентичности предполагает такую степень субъективного восприятия традиций, обычаев и норм, при которой действующий индивид не отделяет себя от той или иной социальной группы или общности, воспринимая все происходящее как имеющие отношение не только к нему лично, но и к определенной социальной группе или общности, то есть к определенному «Мы» [248].

Существуют также особенности российского менталитета, оказывающие влияние на формирование трансформационной структуры социальных практик в современной России. Во-первых, это неоднозначность ментальных свойств, «неординарность, непредсказуемость, замешанные на вечной иррациональной таинственности русской натуры открытость миру, направленность на

---

[246] *Fukuyama F.* The Great Disruption: human nature for the reconstruction of social order / F. Fukuyama. London: Profile Books, 1999. 368 p. P. 49–52.

[247] Российская идентичность в социологическом измерении: Аналитический доклад. Часть 3. (Историческое самосознание и национальный менталитет россиян. Социокультурные аспекты европейской идентичности россиян) // Политические исследования. 2008. № 3. С. 9.

[248] *Горшков М.К.* Роль государства в сохранении и развитии национальной и гражданской идентичности и укрепления доверия в контексте глобальных процессов // Гуманитарий Юга России. 2013. № 3. С.11–25.

многостороннее сотрудничество с Востоком и Западом, единение людей перед лицом общей беды (на концептуальном уровне – это известный тезис о всеединстве и соборности у В. Соловьева и его последователей)»[249]. Основополагающими константами ментальных свойств, играющих устанавливающую роль в формировании российского менталитета, являются, по мнению исследователей, «соборность», «духовность», ориентирующие человека на цельность и полноту бытия, смысложизненность, патернализм, жертвенность, коллективизм/общинность (приоритет «Мы» над «Я»), стремление к свободе и независимости, человечность (отношение к человеку как промыслу Божьему), душевность, добродетельность, державность, устремленность к социальному идеалу. Основной характеристикой человеческого бытия в российском менталитете является духовность как психологическая особенность характера русского человека, метафизический (и онтологический) признак образа жизни[250].

Во-вторых, эти ментальные особенности, безусловно, составляют определенный потенциал российского общества, в том числе в плане развития доверия в социальных практиках, но в то же время осложняют достижение целей и задач модернизации и способствуют росту недоверия в целом. Так, по мнению некоторых авторов, традиционные русские ценности (в том числе доброта, открытость души, доверчивость) во многом привлекательны, но в целом малопродуктивны, в частности, для развития рыночной экономики[251].

А. Ахиезер еще в 90-е гг. писал, что российское общество «вышло за рамки традиционности, но так пока и не смогло перешагнуть границы

---

[249] *Бирюкова Э.А.* Поскризисная смена философских парадигм в контексте российских реалий // Посткризисное развитие современного общества: взгляд в будущее (экономические, социальные, философские, правовые аспекты): Материалы международной научно-практической конференции (7 октября 2011г.). В 3-х ч. Ч.1./ отв.ред. В.И. Долгий. Саратов: ИЦ «Наука», 2011. С.64–65.

[250] *Емелькина И.В.* Российский менталитет: сущность, объем понятия и социальная роль: дис. … д-ра филос. наук: 09.00.11. / Емелькина Ирина Владимировна; М., 2011. 321с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.dissercat.com/content/rossiiskii-mentalitet-sushchnost-obem-ponyatiya-i-sotsialnaya-rol#ixzz3nRRJyjU1. (дата обращения: 30.09.2015).

[251] *Ясин Е.Г.* Модернизация экономики и система ценностей // Вопросы экономики. 2003. № 4. С. 4–5.

либеральной цивилизации», поэтому современные черты сочетаются с традиционными, причем, по мнению Т.И. Заславской, «трудно сказать, какие из них доминируют»[252].

Современные российские реалии, а также доминирующие общественные установки противоречат традиционным нравственным ценностям и нормам российского цивилизационного проекта, способствуют его размыванию и, соответственно, меняют социальные практики. Здесь снова фиксируются противоречия доверия и недоверия. С одной стороны, доверие выступает фактором социальной стабильности и единства общества. С другой стороны, в таких своих основаниях, как доверчивость и доверительность на основе нравственных добродетелей, приходит в противоречие с укрепляющимися рационалистическими началами доверия, его деловой составляющей, что осложняет развитие доверия и демонстрирует его связь с недоверием в социальных практиках.

Доверие и недоверие как ментальные установки являются когнитивным медиатором между институциональной средой и социальными практиками. Под влиянием эндогенных факторов доверие и недоверие в социальных практиках российского общества приобретают следующие проблематизируемые свойства: неоднозначная (вариативная) социально-смысловая наполненность; ассиметричность; размытость компонент и возможность их конструирования и целенаправленной корректировки за счет экзогенных и эндогенных факторов. Воздействие этих факторов в общем и целом подтверждает вывод о реальном росте недоверия, которое достаточно стремительно вытесняет доверие в социальных практиках, приобретает нормативные черты и является полноценным элементом трансформирующейся социальной системы российского общества. Недоверие, являясь существенным элементом индивидуального и массового сознания россиян, влияющим на

[252] *Ахиезер А.С.* Российский либерализм перед лицом кризиса // Общественные науки и современность. 1993. № 1. С. 12; *Заславская Т.И.* Современное российское общество: Социальный механизм трансформации. Москва. Изд-во «Дело», Академия народного хозяйства при Правительстве Российской Федерации. 2004. С. 88.

поведенческие практики, обнаруживается как в неформальных практиках межличностного взаимодействия, так и институционализированных социальных практиках, причем в большей мере это касается последних.

Результатом трансформационных процессов являются антиномии общественного сознания и социальных практик российского общества, частью которых являются доверие и недоверие. В данной связи может быть сформулировано определение понятия антиномии доверия и недоверия. В качестве основания для формулировки определения принимаются современные исследования таких авторов, как А.И. Волков, М.К. Горшков, Ю.А. Красин, Г.В. Осипов, Н.Е. Тихонова, Ж.Т. Тощенко и др., которые видят значение антиномий в том, что они стали определяющей характеристикой общественного сознания, социальной структуры и ценностно-нормативной системы современного российского социума, поэтому надо исследовать их природу, вес и влияние, пути их согласования[253].

Антиномия доверия и недоверия может быть определена как реально существующая коллизия, в которой доверие и недоверие, с одной стороны, противоречат друг другу, с другой стороны, находятся в синкретическом единстве в конкретных социальных условиях и ситуациях.

***

В научном дискурсе проблематика трансформации российского общества, его трансформационной структуры, трансформации социальных практик обсуждается с позиций разных исследовательских подходов. В рамках

[253] *Волков А.И.* Идеи правят миром // Экономика и общественная среда: неосознанное взаимовлияние. Научные записки и очерки. / Рук. исслед. проекта, науч. ред. О.Т. Богомолов. М.: Институт экономических стратегий, 2008. С. 56–57; Изменяющаяся Россия в зеркале социологии / Под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой. М.: Летний сад, 2004. 280 с.; *Красин Ю.А.* Политическое самоопределение России: проблемы выбора // Политические исследования. 2003. № 1. С. 124–133; *Осипов Г.В.* Социология и социальное мифотворчество. М.: НОРМА: ИНФРА-М, 2002. 615 с.; *Тощенко Ж.Т.* Указ соч.

социокультурного подхода трансформация понимается как преобразование типа антропосоциетального соответствия или конкретно-исторической его формы, как комплексный процесс, начинающийся с социокультурного кризиса, охватывающий все основные структуры общества и завершающийся установлением нового социокультурного баланса. В рамках деятельностного подхода имеются два основных варианта. Сторонники первого – объективистского (бессубъектного) варианта наибольшую роль отводят устойчивым базовым институциональным структурам – экономическим, политическим и идеологическим, образующим «институциональную матрицу» трансформаций российского общества. Во втором – структурно-деятельностном субъективистском варианте ход и перспективы трансформации непосредственно связываются с деятельностью, интересами и ресурсными возможностями акторов разных уровней широкого социетального спектра, действующих в условиях не вполне сформированной (нежесткой) институциональной среды и структурирующих гражданское общество. В данном подходе трансформационная структура общества понимается как особая проекция социальной структуры и представляет собой систему социальных субъектов, взаимодействие которых является движущей силой преобразования общества, способствует или препятствует его модернизации. В рамках синтеза различных подходов трансформационную структуру общества можно трактовать как включающую в себя, с одной стороны, устойчивые базовые институциональные структуры, с другой стороны, систему социальных субъектов, структурирующих гражданское общество.

Социальные практики, являясь репертуарами социальных действий и взаимодействий, выступают частью механизма социальной трансформации в условиях нелинейной социокультурной динамики сложного общества и напряжения социального пространства. В силу этого в трансформационной социальной структуре имеются основания для воспроизводства как доверия, так и недоверия.

Таким образом, трансформация доверия и недоверия как социальных практик может рассматриваться как преобразование доверия и недоверия как ментальных установок, обуславливающих доверие и недоверие как социальные практики, которые являются частью трансформационной структуры общества. Трансформация доверия и недоверия как социальных практик связана как с экзогенными (изменениями в институциональной среде), так и эндогенными (охватом системы ментальных установок субъектов) факторами.

К числу экзогенных факторов трансформации доверия и недоверия как социальных практик в российском обществе относится многообразие социально-политических, социально-экономических, социокультурных условий, уровень социального неравенства по целому ряду значимых социальных показателей, степень полезности и эффективности социальных институтов, воздействие СМИ. Эти факторы представляют собой составную часть объективных социальных условий, идущих от состояния российского социума, характеризующегося стихийностью, слабой управляемостью и предсказуемостью конечных результатов. Ключевым фактором, влияющим на формирование и изменение доверия и недоверия как социальных практик в российском обществе, является высокий уровень социального неравенства. Неравенство, усугубляясь возрастающей социально-экономической дифференциацией, разрушает основания гражданской солидарности, нравственные устои общественного единения и национального согласия, порождает социальную апатию, пассивность, интолерантность, конфронтационность, резкий разрыв между обществом и властью. В условиях разрыва доминируют архаичные неформальные практики, альтернативно замещающие имеющиеся институциональные практики. Соответственно, закрепляются неформальные составляющие доверия в ущерб формальным институциональным. Недоверие выступает как существенный элемент индивидуального и массового сознания россиян, влияющий на поведенческие практики, обнаруживается как в неформальных практиках межличностного

взаимодействия, так и институционализированных социальных практиках, причем в большей мере это касается последних.

Общей закономерностью является наличие обратной зависимости между радиусом и показателем уровня доверия – чем меньше радиус, тем выше уровень доверия, и чем больше радиус, т. е. дальше от индивида объект, тем выше уровень недоверия к нему. В российском обществе виды доверия по степени возрастания его уровня располагаются в следующей последовательности: институциональное – общественное (социальное) – локальное – межличностное доверие. В сравнении, самым высоким является уровень межличностного («особо личного» – ближайшему окружению родственников и друзей) доверия; низким – уровень институционального доверия (судьи, чиновники, полиция и др.); промежуточными – уровни общественного (коллеги по работе, соседи, друзья и др. представители регулярных коммуникативных отношений за пределами ближайшего окружения) и локального (жители своего города, района) доверия.

Высокий для российских условий, но недостаточный по европейским меркам уровень межличностного доверия объясняется несколькими причинами: во-первых, «травмой трансформации» как комплексом шоковых дисфункциональных последствий коренных изменений 90-х гг.; во-вторых, воздействием реальных и мифологизированных образов достижения стремительного успеха, основанного на нарушении этических и правовых норм, когда практики доверия стали рассматриваться либо как слишком большой риск, либо как препятствие; в-третьих, неформальным характером большинства социальных сетей. Низкий уровень институционального доверия также объясняется комплексом взаимосвязанных причин, среди которых: 1) неэффективность и забюрократизированность многих действующих социальных институтов, соответственно – альтернативная замена неэффективных институциональных более эффективными неформальными практиками, что закрепляет неформальные составляющие доверия в ущерб формальным институциональным; 2) рост коррупции и правовой

безнаказанности нарушителей законов, облеченных властью; 4) архаизация, то есть стихийное обращение к повседневным «простым» неформальным практикам, почерпнутым из прошлого, и сознательный отказ от новых, более сложных формальных институционализированных социальных практик как обратная реакция на усложнение общества; 5) персонификация социальных и политических феноменов и властных институтов в массовом сознании. Соответственно – неадекватно высок и имеет тенденцию к росту уровень персонифицированного доверия.

Экзогенные факторы оказывают влияние на доверие и недоверие как социальные практики опосредованно, через ментальные программы индивидов, которые можно рассматривать в качестве эндогенных факторов.

Эндогенные факторы, предопределяющие трансформацию доверия и недоверия как социальных практик в российском обществе, представляют собой обусловленный современной социокультурной ситуацией и связанный с индивидуальным и общественным сознанием комплекс ментальных поведенческих программ, когниций, ценностей, норм, находящий выражение прежде всего в ментальных установках. Доверие и недоверие как ментальные установки являются когнитивным медиатором между институциональной средой и социальными практиками.

Общественное сознание современной России характеризует социальный запрос на социально-ориентированный «мягкий консерватизм», основанный на высших ценностях социальной справедливости, равных правах и возможностях самовыражения для каждого, а также на сильном активном государстве, которое должно обеспечить институциональные условия для выполнения данного запроса. Поскольку эти принципы не работают в российских институциональных и социальных условиях, то возникают размытость, неоднородность, неопределенность и переменчивость общественных ориентаций и социального настроения, «перманентный раскол» общества в равных пропорциях на тех, кто считает приемлемым настоящий социальный порядок и политический курс, и тех, кто настроен по отношению к ним

негативно. Все это сокращает перспективы достижения общенационального согласия и, соответственно, проблематизирует развитие институционального доверия на макросоциальном уровне. Трансформирующаяся нормативно-ценностная система российского общества характеризуется антиномией, выражающейся в том, что вместе с востребованностью традиционных ценностей (искренности, честности, доброжелательности, бескорыстия, готовности помогать друг другу), выступающих, в том числе, основаниями доверия, получили распространение полярные им ценности, такие как индивидуализм, эгоизм, корысть, стремление к быстрой наживе и построенные на «псевдодоверии» социальные практики мошенничества, обмана, жульничества. Характерно преобладание инструментальных над интегрирующими терминальными ценностями, а также эклектичность набора коллективистских и индивидуалистских ценностей инструментального характера. Такое свойство ценностной системы, как асимметрия, характеризует сочетание у одних и тех же людей прямо противоположных друг другу, но как бы равнозначных ценностей, что проявляется в зависимости от конкретных жизненных ситуаций и обстоятельств.

Духовность и высокая значимость для россиян макроидентичностей как основополагающие константы российского менталитета, с одной стороны, составляют определенный потенциал российского общества, в том числе в плане развития доверия, а с другой – осложняют достижение целей и задач модернизации. Современные российские реалии, а также доминирующие общественные установки противоречат традиционным нравственным ценностям и нормам российского цивилизационного проекта, способствуют его размыванию и, соответственно, меняют социальные практики. Подрыв традиционных ментальных оснований и размывание доверия к российскому цивилизационному проекту порождают неверие в возможность реализации в России в ближайшие десятилетия даже базовых принципов социальной справедливости. Данное обстоятельство, в свою очередь, актуализирует для большинства населения рост ценностей микроуровня, а в условиях негативных

социально-политических и социально-экономических факторов сегодняшнего времени также доминирование в числе ценностей микроуровня простейших, базовых для стабильного выживания потребностей, которые ложатся в основу ценностно-нормативной системы.

Доверие и недоверие в данных условиях приобретают такие характеристики, как неоднозначная социально-смысловая наполненность, размытость, фрагментарность и ситуативность. Результатом трансформационных процессов являются «антиномии общественного сознания» (Ж.Т. Тощенко). Их составная часть – антиномия доверия и недоверия. В авторском определении, антиномия доверия и недоверия есть реально существующая коллизия, в которой доверие и недоверие, с одной стороны, противоречат друг другу, а с другой – находятся в синкретическом единстве в конкретных социальных условиях и ситуациях.

ГЛАВА 3.
ДОВЕРИЕ И НЕДОВЕРИЕ КАК МЕНТАЛЬНЫЕ УСТАНОВКИ: СПЕЦИФИКА ТРАНСФОРМАЦИИ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

3.1. Теоретико-методологические проблемы изучения доверия и недоверия как ментальных установок

В настоящем исследовании доверие и недоверие как ментальные установки рассматриваются как когнитивный медиатор между институциональной средой и социальными практиками. Теоретическим основанием, позволяющим концептуализировать доверие и недоверие как ментальные установки, является синтез концептуальных идей и подходов к установке, сформулированных в социальной психологии и социологических теориях личности.

В научном дискурсе психологии установка рассматривается как бессознательный феномен, готовность сознания к определенной реакции[254]. Специалисты определяют трехкомпонентную структуру установки, которая включает: когнитивный (знаниевый) компонент – осознание объекта социальной установки (на что направлена установка); эмоциональный (аффективный) компонент – оценка объекта установки на уровне симпатии и антипатии; поведенческий (конативный) компонент – последовательность поведения по отношению к объекту установки. Каждый из компонентов образует «относительно самостоятельные подсистемы регуляции активности субъекта»[255]. Если эти компоненты согласованы между собой, то установка будет выполнять регулирующую функцию. Установка предвосхищает любые акты субъекта, в том числе и психический, она оказывается и первым шагом к

---

[254] *Узнадзе Д.Н.* Психология установки. СПб.: Питер, 2001. 416 с.; *Асмолов А.Г., Ковальчук М.А.* О соотношении понятия установки в общей и социальной психологии // Теоретические и методологические проблемы социальной психологии / Под ред. Г.М. Андреевой, Н.Н. Богомоловой. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1977. С. 143–163.

[255] Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности / Под. ред. В.А. Ядова. Л.: Наука, 1979. С. 24.

действию, задающим направление реакциям индивида относительно тех или иных объектов, с которыми он взаимодействует.

В результате активного освоения личностью всей системы социальных связей возникает социальная установка. В отличие от кратковременных эмоциональных реакций, социальная установка достаточно долго сохраняется. Формирование социальных установок отвечает на вопрос: как усвоенный социальный опыт преломлён личностью и проявляет себя в конкретных ее действиях? Социальная установка означает обусловленную ценностными ориентациями готовность человека действовать определенным образом в определенных ситуациях. Социальная установка объясняет, почему люди в конкретных ситуациях действуют так, а не иначе.

В западной социальной психологии и социологии для обозначения социальных установок используется термин «аттитюд». Понятие аттитюда определили основатели диспозиционной теории личности У. Томас и Ф. Знанецкий – это «психологическое переживание индивидом ценности, значения, смысла социального объекта», или «состояние сознания индивида относительно некоторой социальной ценности»[256]. Аттитюд представляет собой осознанную «готовность», тогда как установка – неосознанная «предрасположенность», носит неосознанный характер. Актуальные аттитюды дифференцируются на две категории: ситуационные **(**установки на ситуацию), формируемые преимущественно прошлым опытом и ситуацией, и объективные **(**установки на объект), где зафиксирован предмет потребности. По отношению к одним и тем же явлениям у одних людей могут преобладать установки на ситуацию, у других – на объект, и это различие, отражающее структуру и иерархию потребностей, оказывает существенное влияние на их сознание и поведение. Установки и аттитюды связаны с неосознанными и осознанными потребностями и возникающими на их основе интересами.

[256] *Znaniecki F.* The Polish Reasant in Europe and America (With W. I. Towas), vols. 1-5. Boston, 1918. P. 279.

В отечественной социологии в рамках концепции диспозиционной регуляции (саморегуляции) социального поведения В.А. Ядова система предрасположенностей (установок) личности к социальному поведению в определенных ситуациях и условиях обозначается термином «диспозиция». Личностный выбор поведения реализуется в рамках той или диспозиционной установки. Структуру диспозиций представляют установки различного уровня – «низшие», связанные с витальными потребностями, и «высшие» – ценностные ориентаций личности[257].

Концепции социализации личности связывают поведение индивида с социальной средой, где существует механизм поддержания общественного порядка посредством нормативного регулирования. С точки зрения теорий социализации, установка не вырабатывается и не отбирается индивидом в процессе самостоятельной психической активности, но усваивается в готовом виде из общественного сознания через процессы социализации и коммуникации. Установка укрепляется вначале в сознании субъекта, приобретает вербальное выражение и затем укореняется в аффективной и бессознательной сферах психики.

Особую важность в этом процессе имеет стадия первичной социализации, охватывающая детство и ранний подростковый период, когда происходит некритическое усвоение социального опыта. Здесь авторитетным считается мнение Э. Эриксона, предложившего известную периодизацию детского развития. Наиважнейшей Эриксон считал самую раннюю стадию онтогенетического развития личности – период от рождения до двух лет, когда из опыта общения с самым близким окружением, и в первую очередь с матерью, в сознании ребенка формируется базовое (базальное) доверие к миру, развивающееся в процессе жизни[258]. Еще один период – от пяти до шести лет –

---

[257] *Ядов В.А.* О диспозиционной регуляции социального поведения личности // Методологические проблемы социальной психологии. Отв. ред. Е. В. Шорохова. М.: Наука, 1975. С. 89–105.

[258] *Эриксон Э.* Идентичность, юность и кризис / пер. с англ.; общ. ред. и предисл. А. В. Толстых. М: Флинта, МПСИ, Прогресс, 2006. 344 с.

является переломным в изменении доверия ребенка дошкольного возраста. Дети шести лет в общении с незнакомыми взрослыми в большей степени, по сравнению с другими возрастными группами, ориентированы на собственную личность, и эти данные имеют экспериментальное подтверждение[259].

На формирование установки оказывают влияние, во-первых, родители как агенты первичной социализации и социального контроля и, во-вторых, другие агенты – авторитетные личности и средства массовой коммуникации. На этапе первичной социализации, на уровне первичных групп, семейного воспитания и ближайшего социального окружения используются в основном неформальные способы социального контроля, побуждающие индивидов к интернализации (интериоризации) существующих социальных норм и ценностей и способствующие тем самым усвоению требований общества.

Для формирования установки большое значение имеет сходство установки родителей и детей по отношению к социально значимым объектам. Начиная с дошкольного возраста у детей формируется личностная доверительность в общении со взрослыми. Основанием для этого является переход к внеситуативно-личностной форме общения. Основываясь на понятии «жизненный мир» Э. Гуссерля, А. Шюц определяет это понятие как мир повседневной жизни, который «изначально является также и социокультурным миром, в котором я связан множеством отношений с другими людьми, более или менее мне знакомыми», и выделяет особый вид доверия – доверительность (или установку на доверие)[260].

В социальной психологии термин «доверительность» распространен в теории общения. Доверительность здесь понимается как специфическая

---

[259] *Сидоренков А.В.* Доверие дошкольников к незнакомым взрослым // Вопросы психологии. 2001. № 2. С. 37–47.

[260] *Шюц А.* Формирование понятия и теории в социальных науках / Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1994. С. 51–68.

характеристика общения с окружающими людьми, формирующаяся в ранней юности и связанная с развитием самосознания личности[261].

В специальных социально-психологических исследованиях связываются воедино такие важные характеристики отношения ребенка со взрослым, как доверие, подражательность, чувствительность к поощрениям и наказаниям, способствующие успешному усвоению детьми новых знаний[262]. Доверие к близкому взрослому (доверительность) основывается на отношении к нему, как к идеалу. Такая форма доверия не всегда связана с реальной психологической близостью и не обязательно реализуется как глубокое самораскрытие, однако она актуализируется в ситуации неопределенности, затруднительности самостоятельного решения, то есть в какой-то проблемной ситуации. В общении же подростка со сверстниками появляется «исповедальность» как вариант доверительного интимно-личностного общения, предполагающий глубокое внутреннее самораскрытие – одну из глубинных форм проявления доверия.

В одном из специальных исследований доверительное общение определяется как общение, в котором «один человек в процессе общения с другими людьми доверяет им какую-либо конфиденциальную информацию, мысли, чувства, переживания, раскрывающие те или иные стороны внутреннего мира его личности»[263]. Эмпирически изучая это явление, автор отмечает, что доверительность предстает средством познания человеком самого себя и является важнейшим фактором формирования личности.

В зарубежных исследованиях специалистами выделяются два основных направления: в первом доверительность рассматривается как раскрытие

---

[261] *Бодалев А.А.* Общение и формирование личности школьника: опыт экспериментального психологического исследования / А.А. Бодалев, Р.Л. Кричевский, Е.В. Новикова и др. / Под ред. А.А. Бодалева, Р.Л. Кричевского; НИИ общ. педагогики АПН СССР. М.: Педагогика, 1987. 149 с.

[262] *Смирнова Е.О.* Влияние формы общения со взрослыми на эффективность обучения дошкольников // Вопросы психологии. 1980. № 5. С. 105–111.

[263] *Сафонов В.С.* О психологии доверительного общения // Проблема общения в психологии: сборник научных трудов / Отв. ред. Б. Ф. Ломов. Москва: МГУ, 1981.С. 264–272.

действительного «Я», включающее уязвимые, негативные стороны личности. Во втором доверительность определяется независимо от исходных личностных качеств и характеристик как продукт ситуации и специфики взаимоотношений, Недоверие основано на беспокойстве, которое является состоянием нездорового или неэффективного поведения в общении[264].

Семейная социализация играет огромную роль в формировании доверия как установки, и в первую очередь с точки зрения эмоционального ее компонента. К. Ротенберг, ссылаясь на Э. Эриксона, пишет, что «если родители выполняют роль надежных и заботливых опекунов, их дети будут воспринимать мир как честный и заслуживающий доверия, и таким образом, примут доверительную ориентацию по отношению к людям»[265].

Кросс-национальный анализ социального доверия, проведенный исследователями в восьми странах – США, России, Финляндии, Германии, Чехии, Турции, Японии и Тайване, также подтвердил истинность обратного утверждения – семейная социализация недоверия значительно влияет на недоверие в зрелом возрасте. Таким образом, выявляется закономерность между доверием/недоверием, прививаемым в детстве, и доверием/недоверием в зрелом возрасте[266].

По мере взросления ребенка доверие увеличивается, поскольку растет значимость когнитивного (рационального) компонента доверия и недоверия. Индивид обретает совокупность представлений и знаний, обеспечивающих понимание действительности. Специалисты считают когнитивный компонент важным элементом формирования доверия, прежде всего, на уровне межличностного взаимодействия. К основаниям доверия здесь относится знание партнера, нравственных его качеств. Поэтому доверие предстает, во-первых, как уверенность в хороших побуждениях партнера, в том, что он не

---

[264] *Горянина В.А.* Психология общения. М: Академия, 2002. С. 347–348.

[265] *Rotenberg K.L.* The Socialization of Trust: Parents' and Children's Interpersonal Trust // International Journal of Behavioral Development. 1995. № 18. P. 714.

[266] *Сасаки М.* Семейная социализация и опыт предательства: кросс-национальный анализ доверия // Социологические исследования. 2014. № 2. С. 10–23.

причинит вреда; во-вторых, имеет место «внушение доверия», когда партнеры открываются для взаимодействия, не имея достаточно полного знания друг о друге[267].

Таким образом, доверие, формируясь на этапе первичной социализации в раннем детском возрасте в качестве установки, то есть неосознанной предрасположенности и осознанной готовности субъекта к действию, на завершающем этапе первичной социализации диффузирует в доверие и недоверие, превращаясь в ментальную установку, обуславливающую социальные практики.

По мере взросления индивида ключевым элементом признается баланс между доверием и недоверием, и этот «баланс является одним из нормативных кризисов, который необходимо разрешить в течение жизни и который играет важную роль в том, как преодолевается кризис позднего развития, особенно в ходе раскрытия идентичности в подростковом возрасте»[268].

Доверие и недоверие как ментальная установка в своей структуре имеет, во-первых, уровень неосознанных предрасположенностей и ожиданий, связанных с определенным способом восприятия мира, во-вторых, осознанный уровень, как состояние сознания, возникающее на основе рефлексии определенного опыта социальных взаимодействий и означающее готовность субъекта осуществлять некоторые действия в конкретных ситуациях социальных практик.

В философии под ментальностью (менталитетом) – от лат. mens – ум, мышление, образ мыслей, душевный склад – понимается «глубинный уровень коллективного и индивидуального сознания, включающий и бессознательное; относительно устойчивая совокупность установок и предрасположенностей

---

[267] *Платонов К.К.* Личность как объект социальной психологии / Методологические проблемы социальной психологии: под ред. Е.В. Шороховой. М.: Наука, 1975. С. 72–88.

[268] *Smetana J.G.* The role of trust in adolescent-parent relationships: To trust you is to tell you // Rotenberg K.L. (Ed.) Trust and trustworthiness during childhood and adolescence. Cambridge, England: Cambridge University Press, 2010. P. 223–246.

индивида или социальной группы воспринимать мир определенным образом»[269].

Как отметил отечественный философ И.А. Ильин, доверие предполагает «духовную вменяемость человека, т.е. способность отличать «лучшее» от «худшего», измерять этими мерилами свои состояния и поступки, вбирать лучшее и определять свое поведение состоявшимся выбором и решением… . Доверяющий признает, что доверяемый не только один раз и, может быть, случайно определил себя к «добру», но что он способен к этому постоянно, что этот выбор и это решение свойственны ему по существу и устойчиво, ибо таково его основное воленаправление»[270].

В культурологии и социальной психологии понятия «менталитет» и «ментальность», как правило, разводятся как общее и частное. Менталитет понимается как общая социокультурная категория, тогда как ментальность относится к конкретным историческим периодам в развитии общества и социальным стратам[271]; или менталитет трактуется в виде системы внутренних, социально-психологических установок общества, а ментальность как глубинный уровень индивидуального сознания и устойчивая система жизненных установок отдельной личности[272].

Социально-философский ракурс выводит рассмотрение менталитета за рамки психологического и культурологического понимания его как сугубо духовного феномена, как бы надстроечного по отношению к социальному бытию и историческому развитию, и основывается на исследовании его сущности и роли в жизни общества. Тем самым акцент делается на двуединой

---

[269] *Визгин В.П.* Ментальность / Интернет-версия издания: Новая философская энциклопедия: в 4т./ Ин-т философии РАН; Нац. обществ.-науч. фонд; Предс. научно-ред. совета В.С. Степин. 2-е изд., испр. и допол. М.: Мысль, 2010. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://iph.ras.ru/elib/1852.html. (дата обращения: 25.04.2016).

[270] *Ильин И.А.* О сущности правосознания. М.: Изд-во «Рарогъ», 1993. С. 43.

[271] *Пушкарев Л.Н.* Что такое менталитет?: Историографические заметки // Отечественная история. 1995. № 3. С. 158–166.

[272] *Полежаев Д. В.* Психология социальной установки в контексте исследования ментальных феноменов [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://borytko.nm.ru/papers/subject3/polezhaev.htm. (дата обращения: 03.05.2016).

природе менталитета, включающей духовно-психологический и социальный, ценностно-смысловой его компоненты. В данном ракурсе менталитет – это «сформировавшийся на базе социального и духовного опыта предыдущих поколений устойчивый комплекс основополагающих представлений и проявлений субъектов социума, ориентирующий и во многом детерминирующий общественное и индивидуальное сознание и поведение…», образ жизни отдельного индивида, социальной общности и общества в целом, стереотипы поведения и деятельности[273].

В этом контексте Р.А. Лубский определяет, к примеру, политический менталитет как «совокупность обыденных (повседневных) осознанных и неосознанных представлений, ценностей и аттитюдов (установок), характерных для той или иной социальной общности», тогда как «представления, ценности и аттитюды (установки) на осознанном и неосознанном уровнях зачастую представляют собой бинарные оппозиции», обусловленные тем, что неосознанные структуры менталитета менее подвержены изменениям и являются наиболее устойчивыми образованиями, тогда как осознанные структуры более динамичны и подвержены трансформационным изменениям[274].

Доверие и недоверие как ментальные установки, обуславливая социальные практики, определяют стратегию поведения индивидов и социальных групп на микро- и макроуровне социального взаимодействия.

На микросоциальном уровне в межличностных взаимодействиях важную роль приобретает, в первую очередь, эмоциональный компонент в структуре доверия и недоверия. Необходимо эффективное управление эмоциональной

---

[273] *Емелькина И.В.* Российский менталитет: сущность, объем понятия и социальная роль: дис. … д-ра филос. наук: 09.00.11. / Емелькина Ирина Владимировна; М., 2011. 321с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.dissercat.com/content/rossiiskii-mentalitet-sushchnost-obem-ponyatiya-i-sotsialnaya-rol#ixzz3nRRJyjU1. (дата обращения: 30.09.2015).

[274] *Лубский Р.А.* Политический менталитет: методологические проблемы изучения и российские реалии: дис. …канд. филос. наук: 09.00.10 / Лубский Роман Анатольевич; Ростов н/Д, 1999. 206 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.dissercat.com/content/politicheskii-mentalitet-metodologicheskie-problemy-izucheniya-i-rossiiskie-realii#ixzz3hOJCXka2. (дата обращения: 30.09.2015).

составляющей с целью создания положительного впечатления о себе, тем самым, преодолевая и/или минимизируя недоверие. На микросоциальном уровне формирование и поддержание доверия возможно при условии сочетания совокупности факторов – эмоциональных, рациональных и эмоционально-рациональных. Положительная эмоциональная регуляция межличностных доверительных отношений достигается с помощью таких психологических факторов, как аттракция (формирование привлекательности, предпочтения, положительного эмоционального отношения); ассертивность (самодостаточность, самоутверждение без бахвальства или ложной скромности); а также фасцинация (специально организованное вербальное воздействие на поведение с целью формирования доверия и повышения эффективности воздействия «с помощью тембра голоса, контакта глаз, улыбки, доброжелательного взгляда, слов, ласкающих слух, и т.д.»[275]). К числу рациональных социально-психологических факторов, позитивно влияющих на формирование доверия, может быть отнесена психологическая предрасположенность к конформизму и коллективизму. К неблагоприятным эмоционально-психическим состояниям, осложняющим доверительное взаимодействие, относится фрустрация как негативное психическое состояние, возникающее по причине невозможности удовлетворить свои потребности, что проявляется в переживании отрицательных эмоций разочарования, раздражительности и отчаяния.

По мере взросления индивида круг агентов и институтов социализации расширяется, усиливается влияние средств массовых коммуникаций, в первую очередь Интернета как открытой информационной среды. Личность в современном общества формируется, социализируется и действует в открытом информационном пространстве, создаваемом масс-медиа. Поэтому представляется необходимым исследовать значение средств массовой

---

[275] *Панфилова А.В.* Управление впечатлениями о себе: аттракция, ассертивность, фасцинация. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.elitarium.ru/2009/03/18/upravlenie_vpechatlenijami_o_sebe.html. (дата обращения: 28.10.2010).

коммуникации в формировании и изменении доверия и недоверия как ментальных установок.

Коммуникативный аспект доверия получил наибольшее освещение в рамках одной из влиятельных западных теорий коммуникативного действия Ю. Хабермаса. Эта теория задумывалась как синтез классической концепции рациональности социального действия и концепции интеракции. Основой теории является понятие «жизненный мир», означающее коллективный процесс интерпретаций тех или иных ситуаций, в которых оказываются люди. Сами же ситуации являются фрагментами «жизненного мира»[276]. Отношения доверия и недоверия оказываются размещенными в интерсубъективном пространстве жизненного мира, в условиях социальной коммуникации. Как пишет Н.Ю. Тишкова, здесь «человек выбирает определенную стратегию доверительных отношений, на основании которой выстраивает свое пространство проживания». В этой стратегии «доверие становится возможно как миф (фигура) и как имя, значение которого не является строго фиксируемым и может пересматриваться в целях социального согласия.... Это согласие относительно ситуации и ожидаемых следствий, основанное скорее на убеждении, чем на принуждении. Оно предполагает координацию тех усилий людей, которые направлены именно на взаимопонимание» [277].

Содержание доверие и недоверия в коммуникативных практиках может быть интерпретировано через понятие коммуникативного доверия, выступающего в качестве составного элемента коммуникативного сознания. Понятие «коммуникативное сознание» нашло применение в психолингвистике, коммуникативной и когнитивной лингвистике в связи с необходимостью исследования психических механизмов речи. И.А. Стернин определяет коммуникативное сознание как «совокупность коммуникативных знаний и

---

[276] *Habermas J.* Theorie des kommunikativen Handels, Bd 1–2. Fr./M., 1981.

[277] *Тишкова Н.Ю.* Доверие как феномен жизненного мир: дис. … канд. философ.наук : 09.00.13 / Тишкова Наталья Юрьевна; Владивосток, 2002. 167 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www. www.dissercat.com/content/doverie-kak-fenomen-zhiznennogo-mira (дата обращения: 22.10.2014).

коммуникативных механизмов, которые обеспечивают весь комплекс коммуникативной деятельности человека. Это коммуникативные установки сознания, совокупность ментальных коммуникативных категорий, а также набор принятых в обществе норм и правил коммуникации… »[278].

В качестве составных частей коммуникативного сознания автор называет коммуникативные категории и коммуникативные концепты, среди них – собственно категория общение, вежливость, грубость, коммуникабельность, коммуникативная неприкосновенность, коммуникативная ответственность, эмоциональность, коммуникативная оценочность, коммуникативный оптимизм/пессимизм, и др. В число коммуникативных категорий попадает и коммуникативное доверие. Коммуникативные категории выполняют ряд функций, таких как функция упорядочения сведений о нормах и правилах общения, функция обеспечение и организации речевого общения индивида в обществе, в рамках родной коммуникативной культуры. Это упорядочение осуществляется нежестко, вероятностно, когда категории пересекаются друг с другом.

Представляется, что коммуникативное доверие и недоверие выполняют ряд функций, связанных с формированием коммуникативного сознания и достижением эффективности социальной коммуникации.

В современном обществе средства массовой информации становятся главным рычагом, инструментом воздействия на население путем распространения информации, «мягко» воздействующей на общественное сознание и формирующей общественное мнение. В этом плане оказалась не утрачена, а многократно возросла актуальность сделанного еще в 70-е годы XX века утверждения известного специалиста по средствам массовой информации А. Моля о СМИ: «Они фактически контролируют всю нашу культуру, пропуская ее через свои фильтры, выделяют отдельные элементы из общей

---

[278] *Стернин И.А.* Коммуникативное и когнитивное сознание // С любовью к языку. Сб. науч.трудов. М. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2002. 490 с. С. 44–51. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.philology.ru/linguistics1/sternin-02a.htm. (дата обращения: 11.12.2014).

массы культурных явлений и придают им особый вес, повышают ценность одной идеи, обесценивают другую, поляризуют, таким образом, всё поле культуры. То, что не попало в каналы массовой коммуникации, в наше время почти не оказывает влияние на развитие общества»[279].

Современные средства массовой коммуникации и бурное развитие информационных технологий в обществе массового потребления породили «новую волну аттрактивности (привлекательности) – обольщение интерактивностью, персональной вовлеченностью в производство информационного продукта, собственной значимостью в Интернет-пространстве. Параллельно с этим активизируется аттракция новыми возможностями самовыражения через сетевые сообщества»[280]. В обществе всеобщего потребления и массовых коммуникаций это создает новые возможности для моделирования доверия и недоверия как установок через механизмы аттракции и фасцинации. Средства массовой коммуникации активно участвуют в процессе социализации индивида через механизм аттрактивности как «обольщения». В философии постмодернизма категория «обольщения» Ж. Липовецкого, категория «соблазна» Ж. Бодрийяра[281] построены на использовании «мягкой силы» как механизмов привлекательности, гибкости предложений, соответствующих любым, даже самым искушённым желаниям индивида; на соблазне богатством выбора из изобилия потребительских благ и услуг, стимуляции все новых и новых запросов потребителя, что позволяет моделировать эффективные дискурсы и манипулировать фиктивными образами реальности[282]. Тем самым в контексте использования «мягкой силы» появляются возможности эффективного управления доверием и недоверием как ментальными установками.

---

[279] *Моль А.* Социодинамика культуры. М.: Прогресс, 1973. С. 120.

[280] *Якоба И.А.* «Мягкая сила» в современной политике и дискурсивной технологии // Социологические исследования. 2014. № 12. С. 65–73.

[281] *Липовецки Ж.* Эра пустоты. Эссе о современном индивидуализме / Пер. с фр. В.В. Кузнецова. СПб.: Владимир Даль, 2001. 331 с.; *Бодрийяр Ж.* Соблазн / Пер. с фр. А. Гараджи. М.: Ad Marginem, 2000. 320 с.

[282] *Якоба И.А.* Указ соч. С. 72.

Исследуя влияние средств массовой коммуникации на формирование и изменение доверия и недоверия как ментальных установок, необходимо рассмотреть такие формы коммуникации, как социальный диалог и глобальную коммуникацию. Поскольку именно диалог выступает способом построения различных, в том числе сложных коммуникативных систем социальных связей и взаимодействий между различными субъектами, осмысление сущности социальной коммуникации невозможно без понимания роли социального диалога. «Быть – значит общаться диалогически. Когда диалог кончается, все кончается»[283].

Исследуя значение диалога, В.И. Курбатов пишет, что социальный диалог содержит в себе мощный потенциал социального сплочения, солидаризации и социализации, поскольку этот диалог «есть суть социокультурного коммуникативного взаимодействия», тогда как в особой коммуникативной социокультурной среде «сплавляются различные формы коммуникативного взаимодействия и кристаллизуется новое социальное качество – коммуникативная идентичность». Это качество способствует развитию коммуникативной личности, обладающей компетенциями социального коммуникатора. Поэтому «порождаемый социальным диалогом коммуникативный социум является специфическим видом социальности – коммуникативной социальности»[284].

Установление и применение критериев эффективности диалога является актуальной и достаточно сложной проблемой. Разные авторы называют обязательными условиями диалога как эффективной коммуникации наличие позитивного образа партнера по диалогу, открытости, активности и ответственности участников, самокритики, совместного конструирования реальностей и др. Отметим, что эти условия предопределены феноменом человеческого общения, исходное условие которого – доверие.

---

[283] *Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Достоевского. М.: Художественная литература, 1972. С. 29.

[284] *Курбатов В.И.* Социальный диалог: концептуальный анализ // Гуманитарий Юга России. 2014. № 1. С. 103–112.

Доверие как ментальная установка, связывая людей между собой, создает условия для того, чтобы люди услышали друг друга. Один из создателей концепции диалога М.М. Бахтин выделял три его аспекта: с точки зрения участника (проблема самоидентификации), с точки зрения процесса (проблема перевода) и с внешней точки зрения (коммуникация)[285]. Х. Гадамер считал главной функцией диалога достижение понимания между собеседниками[286]. Продолжение мотива достижения понимания обнаруживается у Д. Уолтона в концепции личности как участника диалога[287]. Концепция личности данного автора включает нравственные, социальные и когнитивные аспекты. Личность в этом смысле определяется как участник аргументации, способный приводить связные и логически непротиворечивые доводы и имеющий определенные взгляды и обязательства, определяемые его ролью во взаимоотношениях с другими людьми. Предполагается, что в диалоге она взаимодействует с другой личностью, поэтому может рассматриваться как достойный доверия источник, нравственные качества и когнитивные способности которого подкрепляют его аргумент. Все это, по мнению исследователей, предполагает наличие у говорящего определенных качеств, таких, как правдивость и рассудительность, что, безусловно, влияет на степень доверия, испытываемого к нему окружающими[288].

Вышеперечисленные качества личности – суть характеристики доверия. Доверие к передающему знания субъекту, информации, окружающему миру есть самое важное условие формирования и развития социокультурной коммуникации. За доверием наступает очередь понимания, признания, восприятия, которые есть не что иное, как форма культурного дистанцирования

---

[285] *Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Достоевского… С. 28–35.

[286] *Gadamer H.-G.* Die Unfähigkeit zum Gespräch: (Rundfunkvortrag für das Studio Heidelberg des SDR)/ H.-G Gadamer // Universitas. 1971. Bd. 26: 1295-1304. Repr. Tübingen: Mohr (Siebeck), 1986. P. 211.

[287] Уолтон Д. Аргументы ad hominem /Д.Уолтон; пер. с англ. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2002. 351 с.

[288] *Климов И.А.* Выписки из книги Д. Уолтона «Аргументы ad hominem»/ И. Климов // Социальная реальность. 2006. № 10. С. 122–139.

людей, что обусловлено разными обстоятельствами: различным уровнем интеллекта, разным менталитетом, типами сознания и т.п. Преодоление этой дистанции, разобщенности, отрешенности, а тем более отчуждения связано с наличием доверия.

Авторы полагают, что в структуре менталитета «непременно содержится информационный компонент, обеспечивающий удовлетворение базовой потребности индивида в общении, нормальном функционировании всей информационной системы человека»[289]. Именно доверие способно объединять людей с разным уровнем интеллекта или разным менталитетом потому, что апеллирует не столько к разуму, рассудку, показывая выгоды и преимущества, сколько к сердцу и к душе, обещая им помощь и сочувствие. Эти универсальные моменты общения вытекают из доверия как установки, составляя его когнитивный, эмоциональный и поведенческий компоненты.

Мотив доверия в социокультурной коммуникации обнаруживается в теоретических размышлениях относительно появившейся новой – виртуальной формы диалога, которая формирует виртуальный уровень доверия. В виртуальном диалоге пользователям Интернета предлагается возможность включиться в чат – разговорную речь, которая реализуется в виде «печатных «знаков» на экране компьютера. Происходит процесс, обратный тому, о котором мечтал Бахтин: рождается не живой диалог вместо «мертвого текста», а письменный диалогический текст вместо действительно живого разговора. В.Г. Щукин делает вывод, что замена действительной жизни виртуальной – это не что иное, как еще одна разновидность «побега от свободы» (а главное, от ответственности)[290]. В случае, когда социальное взаимодействие перестает происходить в форме личного общения, лицом к лицу, а заменяется виртуальным общением, уместно говорить об «отчуждении от реальности и

---

[289] *Кириллова Н.Б.* Медиасреда российской модернизации. М.: Академический проект, 2005. С. 332.

[290] *Щукин В.Г.* О диалоге и его альтернативах. Вариации на тему М.М. Бахтина // Вопросы философии. 2006. № 7. С. 32–44.

социальном отчуждении», которое проявляется в том, что социальное взаимодействие «переходит в разряд симуляции»[291]. Это означает, что современное информационное общество, создавая сетевые сообщества, гигантские банки данных, навязывая одни и те же потребительские стандарты, не только объединяет людей посредством роста возможностей для коммуникации, но и разъединяет.

Отчуждение от реальности и социальное отчуждение размывают коммуникативную идентичность как новое социальное качество личности, появившееся в коммуникативном обществе. Осложняются процессы социализации такой личности, обладающей компетенциями социального коммуникатора. Соответственно осложняется и формирование доверия как ментальной установки коммуникативной личности.

Исследователи современного сетевого сообщества акцентируют внимание на характеристиках доверия и недоверия в виртуальном пространстве: «… слова часто обманывают: пишется одно, а делается другое. Доверие к людям в Сети нуждается в становлении и проверке действием. При явном общении людей доверие чувствуется почти сразу, при виртуальном – нет[292]. Дело в том, что информационное общество и современное коммуникационное пространство сами создают правила и способы общения. Расширяется «псевдокультурное» поле общения, диалог, который осуществляется по принципу познания наиболее доступных, совпадающих или почти совпадающих смысловых структур, создающихся на основе общих стереотипов, оценок, параметров требуемого поведения. Виртуальный мир – это иррациональность и подчеркнутое отсутствие точности,

---

[291] *Комбаров В.Ю.* Отчуждение как социальный феномен современности: концептуальные подходы и эмпирические референты: дис. … канд. социол. наук: 22.00.04 / Комбаров Вячеслав Юрьевич; Ин-т экономики и организации пром. пр-ва СО РАН. Новосибирск, 2011. 186 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.dissercat.com/content/otchuzhdenie-kak-sotsialnyi-fenomen-sovremennosti-kontseptualnye-podkhody-i-empiricheskie re#ixzz3oc3b7k3a. (дата обращения: 07.10.2015).

[292] *Райков А.Н.* Виртуальное пространство доверия // Информационное общество. 2006. № 5/6. С. 124–129.

последовательности и законченности, что обостряет проблему смысла в общении. Парадокс состоит в том, что смысл общения в общении и состоит: «Происходит общение ради общения… Общение без насыщения смыслами. Гипотетично, в будущем – это общение со своим зеркальным отображением, причем по заданным стереотипам коммуникации»[293].

Доверие и недоверие как ментальные установки работают также на макросоциальном уровне. Характеризуя факторы целостности общества, Е.М. Бобкова акцентирует внимание на когнитивном компоненте доверия, определяя доверие (или недоверие) как интегральную характеристику взаимодействия субъектов на основе собственных знаний о разнообразной и постоянно усложняющейся социальной реальности, служащую важнейшим ориентиром во взаимоотношениях между людьми и институтами[294]. Индивид вынужден оценивать свои возможности для удовлетворения потребностей и интересов путем выработки оптимистической или пессимистической установки на доверие или недоверие к другим людям или социальным институтам. Характер социально-психологической установки определяет, соответственно, и степень добровольного участия человека в социальном взаимодействии – как по вертикали (власть – подчинение), так и по горизонтали сотрудничества в гражданском обществе.

Таким образом, на макросоциальном уровне открываются возможности для анализа, кроме когнитивного, других – эмоционального и поведенческого/ деятельностного компонентов доверия и недоверия.

Ставя во главу угла всего деньги и живя в современном ритме, люди перестают общаться по-человечески. Погоня за материальным благополучием приводит к выхолащиванию душевности, духовности, к девальвации таких

---

[293] Современное коммуникационное пространство как фактор трансформации культуры и философии / Доклад декана философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова В.В. Миронова на IV Российском философском конгрессе «Философия и будущее цивилизации» 24 мая 2005 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.philos.msu.ru/congress/rector/mironov.htm. (дата обращения: 28.06.2011).

[294] *Бобкова Е.М.* Доверие как фактор целостности общества // Социологические исследования. 2014. № 10. С. 71.

нравственных понятий, как дружба, любовь, чуткость, сострадание, сопереживание. Навыки межчеловеческого общения оказались не в числе «товаров» первой необходимости. Между тем ориентиры ценностно-нормативной системы общества представляют пять социальных характеристик, без которых невозможно доверие: порядочность, компетентность, последовательность, лояльность и открытость[295]. Под порядочностью понимается честность и правдивость. Когда мы пытаемся оценить, можно ли доверять тому или иному человеку, то, прежде всего, ориентируемся на его честность. Если наш партнер не производит впечатления честного человека, то другие характеристики доверия лишены смысла. Понятие компетентности означает владение в достаточной мере предметом взаимодействия. Мы должны быть уверены в том, что компетентность собеседника действительно такова, какой он пытается представить ее в глазах других людей. Под последовательностью понимается надежность, предсказуемость и способность к здравому суждению. Когда слова расходятся с делом, это снижает доверие к человеку. Лояльность – это готовность защищать и отстаивать интересы другого человека. Доверительные отношения основаны на том, что ни одна из сторон не станет действовать, исходя исключительно из меркантильных и конъюнктурных соображений. Наконец, последняя характеристика доверия – открытость, как готовность общаться, пустить партнера в свой социальный мир, выражать свое личное мнение, отношение и оценки. Душевная открытость – основа искренности, откровенности как готовности поделиться своими глубокими чувствами, страхами и надеждами.

Однако при более глубоком осмыслении вышеперечисленных категорий можно обнаружить, что простой совокупности этих признаков еще не достаточно для возникновения доверия. Имеют значение полнота и иерархия этих признаков, что опосредуется социальным контекстом бытия человека, его включенностью в социальное взаимодействие и различные социальные группы.

---

[295] Лидерство и доверие. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.williamspublishing.com/PDF/5-8459-0883-3/part.PDF. (дата обращения: 08.09.2015).

Тогда этическая природа признаков не исчерпывает проблему доверия и недоверия, а затрагивает аспект групповой доверительной солидарности и межгрупповой коммуникации.

Таким образом, потенциал доверия как ментальной установки на макро- и микросоциальном уровне состоит в том, что она выступает в качестве неинституционального фактора поддержания и развития социального взаимодействия.

Поскольку консолидация общества невозможна без такого основания, как доверие между людьми, то объединение происходит на уровне обыденной жизни и постоянных коммуникативных связей. В социально-психологическом контексте ослабление социальной интеграции может провоцировать критическое значение недоверия как ментальной установки. В российских условиях эта установка не выливается в массовые акции, а остается на уровне личного самоощущения, влияющего на индивидуальное поведение. Доверие и недоверие как ментальные установки во многом определяются тем социально-экономическим положением, которое занимает человек в обществе. Индивиды, занимающие нижние статусные позиции, чувствуют себя маргиналами. Чем хуже положение индивида, тем более негативно он оценивает деятельность власти и тем меньше доверяет ей.

С другой стороны, власти в России не доверяют даже те, кто занимает самые высокие позиции в социальной иерархии. Представители властной элиты переводят за границу свои активы, отправляют туда своих детей учиться, покупают там недвижимость и т.д. Образованные и активные, не находя достойного применения своим способностям и знаниям, также стремятся покинуть Россию.

Происходит снижение доверия и доминирует базисное недоверие, которое проявляется в разных формах отчуждения**.** Понятие «отчуждение» обозначает отношение человека и созданной им реальности в форме ее превращения в самостоятельную, отдельную от человека, в результате чего люди становятся чуждыми миру, в котором живут. В социальной философии и

в социологии отчуждение понимается в широком смысле как общественное отношение, социокультурная связь между субъектами, как инобытие свободы, ее противоположность[296].

По оценкам исследователей, отчуждение в российском обществе представляет собой комплексный социальный феномен, включающий различные формы отчуждения. Они сохранились с советских времен, где отчуждение носило тотальный характер (отчуждение от власти, собственности, результатов труда, правдивой информации об истории и современных событиях, личной безопасности, личной активности, рационального смысла жизни). Результатом стало «самоотчуждение советского общества от развития», возникла его стагнация, затем кризис, который завершился распадом СССР[297]. В постсоветской реальности эти формы не были устранены, как ожидалось в результате реформ, а наоборот, «были усилены новыми, западными видами отчуждения, которые явились результатом внедрения рыночных отношений и формирования общества потребления в России (отчуждение от духовности), медиатизации социального тела и формирования гиперреальности (отчуждение от реальности и социальности)»[298].

Таким образом, следует рассматривать двухстороннюю связь между отчуждением и доверием и недоверием. С одной стороны, отчуждение выступает как социокультурная причина существования недоверия как ментальной установки. С другой стороны, причиной отчуждения во всех его видах и формах выступает деформация доверия и недоверия как ментальных

---

[296] *Лапин Н.И.* Отчуждение // Новая философская энциклопедия: В 4-х т. Т. 3. М.: Мысль, 2001. С. 181–182.

[297] *Лапин Н.И.* От отчуждения к свободе / В кн. Философское сознание: драматизм обновления // Отв. ред. Н.И. Лапин; сост. Е.Н. Шульга. М.: Политиздат, 1991. С. 382–409; *Лапин Н.И.* Кризис отчужденного бытия и проблема социокультурной реформации // Вопросы философии. 1992. № 12. С. 29–41.

[298] *Комбаров В.Ю.* Отчуждение как социальный феномен современности: концептуальные подходы и эмпирические референты: дис. … канд. социол. наук: 22.00.04 / Комбаров Вячеслав Юрьевич; Ин-т экономики и организации пром. пр-ва СО РАН. Новосибирск, 2011. 186 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.dissercat.com/content/otchuzhdenie-kak-sotsialnyi-fenomen-sovremennosti-kontseptualnye-podkhody-i-empiricheskie-re#ixzz3oC3B7k3A. (дата обращения: 07.10.2015).

установок, обуславливающих социальные практики, во-первых, перенесенные из советской в постсоветскую социальную реальность и адаптированные к ней, во-вторых, обусловленные проблемными факторами трансформационных изменений в современном российском обществе.

В связи с этим, проблема формирования и трансформации доверия и недоверия как ментальных установок российского общества заслуживает отдельного рассмотрения.

3.2. Трансформация доверия и недоверия как ментальных установок: от советского к постсоветскому обществу

Истоки формирования доверия и недоверия как ментальных установок в современном российском обществе закладывались в советском прошлом. Можно выделить детерминанты экономического, геополитического, идеологического, психологического и социокультурного характера. Это разделение весьма условно, поскольку детерминанты формировались и действовали в неразрывной связи и тесном взаимодействии друг с другом.

Взаимосвязанными являются, в частности, экономические и геополитические детерминанты. СССР за все время своего существования не смог доказать преимущества социалистической системы хозяйствования перед капиталистической и занять лидирующие позиции в мировой экономике. Наличие этого факта, по мнению некоторых специалистов, связано не только с советской эпохой, а имеет более глубокие исторические корни, поскольку «мы пытались на нерешенные задачи капиталистической стадии надеть формы социалистического строя». Во второй половине XIX – начале XX вв. быстро развивающийся российский капитализм взялся за решение задач индустриализации, повышения грамотности и уровня жизни населения, «однако это решение оказалось прерванным» начавшейся первой мировой войной и революциями[299].

---

[299] *Колганов А.И.* Позиции СССР в мировой экономике и проблема доверия к советскому строю (субъективные заметки) // Философские науки. 2012. № 1. С. 71.

Возникшей после октября 1917 г. советской системе оказалось не под силу решить одновременно две группы задач: во-первых, нерешенные дореволюционным российским капитализмом задачи; во-вторых, задачи социалистического преобразования общества. Одна из причин – отсутствие необходимой материально-технической базы. На протяжении советской истории сохранялась закономерность внешнеторговых связей, основанная на преобладании вывоза сырья в обмен на оборудование. Это объясняется, с одной стороны, геополитическим фактором, определяющим существование двух мировых систем, противостояние с блоком НАТО, особое положение СССР в системе мировых политических отношений и его лидерство в мировой системе социализма, необходимость ориентации высокотехнологичного производства на военные цели, а также отчасти на рынок социалистических стран Восточной Европы. С другой стороны, данный факт объясняется недостатками командно-административной экономической системы социализма, в числе которых – плановая экономика, сформированная под давлением необходимости форсированной индустриализации; преобладание экстенсивных факторов экономического роста; игнорирование необходимости производства товаров народного потребления, требований повышения эффективности и качества и т.д.

В годы «хрущевской оттепели» советская общественная система не была усовершенствована, новые социальные средства достижения цели строительства материально-технической базы коммунизма не были найдены. Были только ослаблены репрессивно-тоталитарные механизмы власти, а также контроль над партийно-хозяйственной бюрократией. В результате, «если «сталинский проект ускоренной индустриализации, основанный на вполне понятном соображении, что нам надо за 10–15 лет пробежать расстояние, отделяющее нас от развитых держав, иначе нас сомнут, пользовался доверием даже со стороны тех, кто не разделял интересы социализма», то «выдвинутый XXII съездом КПСС проект движения к коммунизму встретил скептическое

отношение даже со стороны части тех людей, кто разделял коммунистические идеалы»[300].

Несмотря на прорыв в некоторых отраслях экономики и успехи реализации отдельных социально-экономических проектов, в целом СССР не смог достичь планки западных стран ни в сфере производительности труда, ни в уровне жизни. В итоге к 70-м годам XX века вера в социалистические и коммунистические идеалы стала формальной и напускной, в том числе в странах мировой системы социализма. Растущее недоверие к советскому строю также подкреплялось явным расхождением между образом жизни советской номенклатуры и основной массы населения в условиях декларируемых лозунгов социального равенства и справедливости, практик подавления личной инициативы и социального творчества.

Среди факторов идеологического характера, формирующих доверие и недоверие как ментальные установки социальных практик, следует назвать такие ведущие идеологемы советских времен, как «советский патриотизм» и «образ врага». Советский патриотизм активно использовался советской политической пропагандой как идеологическая детерминанта, формирующая установку на доверие к советскому социалистическому строю. Образ врага, соответственно, использовался как антипод, для формирования установки на недоверие ко всему западному, капиталистическому.

Патриотизм в наиболее общем понимании – это любовь к родине и служение ей. Советский философ Н.И. Губанов, автор монографии о советском патриотизме, писал об исторических основаниях патриотических чувства любого народа как «наиболее сильных и устойчивых побуждениях», сформировавшихся в борьбе «с многочисленными иноземными врагами». Советский патриотизм как «беззаветная преданность социалистической Родине» – это «патриотизм высшего типа с присущими ему новыми особенностями и чертами», имеющий следующие основания: экономическое –

[300] *Колганов А.И.* Указ соч. С. 69–70.

«социалистический способ производства», политическое – «подлинно народный государственный строй», идеологическое – «великое учение марксизма-ленинизма». Автор определял значение советского патриотизма и его огромную роль в строительстве коммунизма наряду с морально-политическим единством советского общества и дружбой народов СССР как силы, во-первых, объединяющей советский народ; во-вторых, побуждающей советского человека отдавать всего себя во имя дальнейшего процветания страны[301]. Соответственно, советский патриотизм имел несколько аспектов: политический аспект подразумевал гордость за свою страну и безусловную лояльность государству в лице руководителей; экономический аспект выражался в ударном труде в условиях уравнительного распределения и потребления; символический аспект состоял в том, что патриотизм играл роль идеологического символа как главного элемента политического сознания советского гражданина. Советский патриотизм окончательно сформировался в первое послевоенного десятилетие и явился, с одной стороны, закономерным следствием естественного патриотизма миллионов людей, которые сражались с оружием в руках в годы Великой Отечественной войны; с другой стороны – следствием геополитического фактора, а именно – формирования двух мировых систем и произошедших вследствие этого изменений в стратегии и тактике политической пропаганды.

Антитезой «советскому патриотизму» выступал «образ врага». Современный историк А.В. Фатеев определяет «образ врага» как «идеологическое выражение общественного антагонизма, динамический символ враждебных государству и гражданину сил, инструмент политики правящей группы общества»[302] и считает его важнейшим элементом советской политической пропаганды и психологической войны с мировой системой

[301] *Губанов Н.И.* Советский патриотизм – великая сила в борьбе за коммунизм. М.: Знание, 1955. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.biografia.ru/arhiv/sovpat01.html. (дата обращения: 18.10.2015).

[302] *Фатеев А.В.* Образ врага в советской пропаганде. 1945–1954 гг. М: ИРИ РАН, 1999. 261 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://psyfactor.org/lib/fateev0.htm. (дата обращения: 18.10.2015).

капитализма. Под «политической пропагандой» понимается «систематическое внедрение в массовое сознание при помощи средств массовой информации идей и символов для достижения намеченного политического результата». В свою очередь, психологическая война была важным составным компонентом «холодной войны» как глобального и тотального противостояния ядерных супердержав и их блоков. Автор выделяет исторические этапы формирования «образа врага». Если после окончания войны, в 1945 – первой половине 1947 гг., СССР и США формально были союзниками, то со второй половины 1947 года они превратились в непримиримых противников, ведущих психологическую войну, важным элементом которой являлся «образ врага». В следующий короткий период, с весны 1953 г. и до конца 1954 г., во время разрядки международной напряженности, образ врага претерпел изменения, а затем обрел то содержание и формы, которые сохранились вплоть до начала перестройки, то есть середины 80-х гг.[303].

Для того чтобы определять массовое и индивидуальное сознание и поведение советских людей, содержание пропаганды должно было максимально охватывать все потоки и источники информации. Важная характеристика «образа врага» – это мифогенность, связанная с иллюзорностью, эмоциональной наполненностью, антитезой рассудку, насущностью, практичностью, аффективностью и жизнеспособностью. Советские средства массовой информации использовали такие средства формирования доверия к советскому строю, как отрицательная трактовка различных сторон общественного бытия и сознания Запада и противопоставление им мифа о светлой советской действительности и деятельности прогрессивных социалистических сил в Западной и Восточной Европе и США. Для действенной организации пропаганды были созданы все условия: монополия государства на средства массовой информации и саму информацию; доверие граждан к властям и традиционное недоверие к Западу;

[303] Там же.

доверие к советским СМИ, в частности газетам; низкий уровень политической культуры и грамотности части населения[304].

Важнейшей предпосылкой идеологемы «образ врага» являлась основанная на отчуждении психологическая антитеза «свой-чужой»[305].

Дихотомия «свой-чужой» относится к числу психологических и социокультурных детерминант формирования доверия и недоверия как ментальных установок. В вопросах источника и основания доверия и недоверия неизбежно затрагиваются вопросы идентичности в рамках этой дихотомии.

В культурологии идентификация «своих» и «чужих» трактуется с точки зрения упрощения микросоциальных практик в рамках массовой культуры, которая тиражирует стандартизированные схемы социальных ролей, предлагает массовой аудитории доступные и упрощенные шаблоны, по которым можно действовать и эффективно достигать легитимных целей. Это достигается «через банализацию и упрощение объяснительных причин и обстоятельств, сводимых обычно к хорошо узнаваемым различиям в рамках «свои-чужие», «хороший-плохой», «доброта-жестокость», «случай-повседневность». Обращаясь к низовым и повседневным сферам поведения, массовая культура утверждает понятные и стереотипные представления о человеческих отношениях»[306].

В социологических теориях дихотомия «свои-чужие» объясняется с точки зрения теории социального контроля как механизма поддержания общественного порядка посредством нормативного регулирования. «Игры на модусах «своих» и чужих», являющиеся составной частью «игровых структур социального взаимодействия», по мнению Ю.А. Левады, окончательно сложились в советском обществе в 80-е годы и выступали как свидетельства антиномии социальных взаимодействий, когда двоемыслие, сочетания формального и неформального, демонстративного и практического поведения

---

[304] *Фатеев А.В.* Указ соч.

[305] *Сенявская Е.С.* Противники России в войнах XX века: эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006. 288 с.

[306] *Ерасов Б.С.* Социальная культурология. М.: Аспект Пресс, 2000. С. 411.

возводятся в социальную норму. Сеть «свои» составляют люди, которые входят в круг «ближнего доверия» – родственники и друзья, по отношению к которым формируется установка на доверие, так как на их помощь, моральную и материальную поддержку можно рассчитывать в трудной жизненной ситуации. Но круг «своих» в советском обществе расширялся также за счет людей, имеющих доступ к таким дефицитным ресурсам сетевых связей и отношений, как хорошая работа, квалифицированная медицинская помощь, жилье, престижное образование, освобождение от армии или уклонение от других обязанностей. На таких людей распространялись солидарность, взаимная ответственность и доверие. Распространение доверия на сетевое сообщество, соответственно, предполагало недоверие по отношению ко всему, что выходило за пределы границ отношений со «своими». К «чужим» относились «не свои», то есть те, на которых эти отношения и нормы не распространялись. Для взаимоотношений в сети «своих» формировался соответствующий семантический код – язык «псевдодоверия близких людей» («..я от Ивана Ивановича»), хотя сам действующий субъект при этом мог и не знать лично ни самого «Иван Ивановича», ни даже того, кто он такой[307].

В связи с характеристикой взаимодействия в сетях «свои-чужие» уместно использовать категории «подлинного» и «неподлинного» доверия и недоверия, предложенные известным специалистом в области психологии доверия А.Б. Купрейченко. К первой категории «подлинного или искреннего» доверия автор относит виды и формы доверия, «включающие ожидание блага, позитивные эмоциональные оценки и готовность субъекта к нравственному поведению». К «подлинному или искреннему» недоверию относятся, соответственно, формы и виды, основанные на таких компонентах, как «опасение зла, негативные оценки и готовность к прерыванию контакта и/или проявлению опережающей враждебности». К категории «неподлинных» относятся неискренние, обманные формы, являющиеся имитацией этих отношений. Таковыми, в частности,

[307] *Левада Ю., Левинсон А.* Похвальное слово «дефициту» // Горизонт. 1988. № 10. С. 26–38.

являются «псевдодоверие» и «псевдонедоверие», которые используются для введения в заблуждение и манипулирования партнером[308].

Представляется, что применительно к практике «игр на модусах своих и чужих» в советском обществе сформировалось «псевдодоверие» к «своим», имитирующее доверие и содержащее такие компоненты, которые не совместимы с истинным доверием. Это суррогат, замещающий доверие формами «помощи», «услуги», обесценивающих эмоционально-нравственные доминанты подлинного доверия как ментальной установки, основанной на высших человеческих ценностях веры, надежды, любви, дружбы. В содержании «неподлинного доверия» усиливается рациональный расчет в ущерб другим компонентам. Это содержание формализуется, фиксируется и закрепляется в социальных институтах морали и права.

В результате уже в советском обществе на микросоциальном уровне намечается тенденция к институционализации доверия и недоверия как социальных практик, перенесенных затем в постсоветскую реальность.

Что же касается макросоциального уровня, то дихотомия «свои-чужие» в советской действительности не относилась к числу явных болевых точек социума. Отсутствие деления на «своих» и «чужих» было официально задекларировано в документах партии и правительства в таких понятиях, как «советский народ» («историческая, социальная и интернациональная общность людей, имеющих единую территорию, экономику, социалистическую по содержанию культуру, союзное общенародное государство и общую цель – построение коммунизма»[309]) и «дружба народов» («всестороннее братское сотрудничество, политическая, экономическая, военная и культурная взаимопомощь наций и народностей, ставших на социалистический путь

---

[308] *Купрейченко А.Б.* Психология доверия и недоверия. М.: Институт психологии РАН, 2008. 570 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://psyera.ru/4965/vidy-i-tipy-doveriya-i-nedoveriya. (дата обращения: 17.10.2015).

[309] Советский народ // Большая советская энциклопедия в шестидесяти двух томах. Т. 46. М., Терра, 2006. С. 260.

развития»[310]). В реальных социальных практиках, касающихся этнической идентичности, национальная принадлежность не привлекала к себе явного внимания, а принималась как бы естественным образом.

Перечень детерминант психологического и социокультурного характера, формирующих доверие и недоверие как ментальные установки в советском обществе, можно дополнить такой составляющей, как «уверенность в завтрашнем дне». Уверенность в завтрашнем дне, как и советский патриотизм – известные бренды советской эпохи. В СССР таковыми являлись не только вера в могущество СССР на мировой арене, но и самая сильная в мире армия, достижения в освоении космоса, всемирно известный балет, система образования, особенно в области точных наук, которая ценилась и на Западе.

С точки зрения психологического аспекта, уверенность в завтрашнем дне означает, что людям свойственно постоянное стремление к лучшему. Такая установка дает людям надежду на лучшее будущее и ощущение социального оптимизма. Уверенность в будущем ориентирует жизнь на длительную, а не короткую перспективу. С точки зрения социокультурного аспекта, уверенность в завтрашнем дне считалась важнейшим социальным достижением социалистического строя. Уверенность в завтрашнем дне являлась важнейшей составляющей доверия к советскому строю в следующих ипостасях: 1) выступала как интегрирующий фактор, обеспечивающий единство новой исторической этносоциальной общности, которой был провозглашен советский народ; 2) обеспечивала и поддерживала «советский патриотизм» и «образ врага» как идеологические детерминанты доверия и недоверия как ментальных установок; 3) явилась следствием, с одной стороны, уникальности социальных достижений социализма, с другой – отсутствия свободы выбора и самого выбора как такового в условиях командно-административной социалистической системы.

---

[310] Дружба народов / Научный коммунизм. Словарь // Под ред. акад. А. М. Румянцева. 4-е изд. М.: Изд-во политической литературы, 1983. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://tapemark.narod.ru/kommunizm/index.html. (дата обращения: 20.10.2015).

Уверенность в завтрашнем дне в СССР была порождена социальной защищенностью, которая закрепляла формальное равенство, то есть одинаковые возможности граждан в области доступа к социальным благам. К примеру, советское «счастливое детство» имело реальное воплощение в бесплатности образования и разных форм досуга для детей, доступности высшего образования в «самой читающей» стране мира. Гарантировалось право на бесплатное жилье. Прово на труд и его оплату подкреплялось отсутствием официальной безработицы и инфляции. Трудоустройство после окончания ВУЗа подтверждалось системой государственного распределения выпускников. Бесплатной была медицина и всеобщая обязательная диспансеризация.

Конечно, все это имело и обратную сторону, порождая патернализм и отчуждение. Представляется, что именно отчуждение являлось наиболее важным историко-социокультурным детерминантом, формирующим основания недоверия как ментальной установки социальных практик. Неискренние, «неподлинные» формы доверия появляются в социальных практиках советского общества именно как результат отчуждения.

В.Ю. Комбаров, исследуя отношения отчуждения в советском обществе, разграничивает их на три группы: 1) отчуждения в сфере труда и производственных отношений; 2) политическое отчуждение; 3) традиционное отчуждение от потребностей. Наиболее выраженным являлось отчуждение от управления, власти, проявления самостоятельности в труде. Центральный вид советского отчуждения – это отчуждение от удовлетворения потребностей (базисных и высших) – достойной оплаты труда, хороших санитарно-гигиенических условиях труда и быта, жилищных условий, самореализации и творческом развитии. Имело место также политическое отчуждение, которое выражалось в формализации и излишней забюрократизированности государственных институтов власти и управления, имитации демократической избирательной системы и неспособности влиять на политические процессы в

стране, в отсутствии политических партий[311]. Перечень разновидностей отчуждения можно продолжить, упомянув, к примеру, отчуждение от объективной и правдивой информации, которое, как уже выяснено, во многом определяло идеологические детерминанты доверия и недоверия как ментальной установки.

Тем не менее, именно отсутствие уверенности в завтрашнем дне считается на сегодняшний день главной причиной ностальгии граждан по советскому строю, и это вполне укладывается в рамки патерналистского дискурса, активно воспроизводимого российской властью. Патернализм и персонификация власти как дискурс защиты, помощи и, соответственно, зависимости от государства и подчинения ему есть особенности восприятия власти, которые сохраняются, воспроизводятся и имеют отношение к процессам институционализации доверия и недоверия как социальных практик в современной российской действительности, о чем будет идти речь в следующем разделе настоящего исследования.

Таким образом, уже в советском обществе доверие и недоверие как ментальная установка выступала в форме дихотомии «доверие-недоверие». В рамках этой дихотомии доверие и недоверие являлись относительно самостоятельными ментальными установками, порождаемыми антитезами экономического, геополитического, идеологического, психологического и социокультурного характера.

Социально-экономические преобразования, меняющие устои общества, приводят к существенным переменам, как в благосостоянии, так и в социальном положении и, соответственно, социальном самочувствии людей. Наиболее переломными в этом отношении были 1990-е годы, в течение которых претерпели колоссальные изменения условия жизни, физическое и

---

[311] *Комбаров В.Ю.* Отчуждение как социальный феномен современности: концептуальные подходы и эмпирические референты: дис. … канд. социол. наук: 22.00.04 / Комбаров Вячеслав Юрьевич; Ин-т экономики и организации пром. пр-ва СО РАН. Новосибирск, 2011. 186 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.dissercat.com/content/otchuzhdenie-kak-sotsialnyi-fenomen-sovremennosti-kontseptualnye-podkhody-i-empiricheskie-re#ixzz3oC3B7k3A. (дата обращения: 07.10.2015).

психологическое состояние людей, их жизненные стратегии, способы социальной адаптации и повседневное поведение и, как следствие, произошла трансформация доверия и недоверия как установок. Наиболее тяжелыми результатами «шоковой терапии» стали снижение уровня доходов, углубление материального расслоения, резкое увеличение доли бедных, рост цен, безработицы и невыплат заработной платы, деградация социального обеспечения.

Снижение доверия и рост недоверия были обусловлены переломными социальными обстоятельствами 90-х гг., когда большое количество людей были «буквально придавлены внезапно свалившимися на них социальными невзгодами, ощущали неудовлетворенность бедственным социально-экономическим положением своих семей, были обеспокоены неясностью собственных жизненных перспектив и отсутствием видения контуров будущего облика страны, обострением таких серьезных проблем, как преступность и коррупция, алкоголизм и наркомания, правовая незащищенность и др.»[312]. Оценивая результаты рыночных и демократических преобразований 1990-х гг. и сравнивая их с реформами 2000-х гг., П.М. Козырева констатирует, что в итоге проигравшими от этих преобразований признали себя и свои семьи 52,9% респондентов, а выигравшими – всего лишь 6,3%; доля домохозяйств, оказавшихся за чертой бедности, то есть с доходом ниже официального прожиточного минимума, увеличилась с 11,1% в 1992 г. до 38,1% в 1998 г., то есть почти в 3,5 раза. Что же касается реформ 2000-х гг., то проведенный автором с точки зрения оценки потерь и приобретений россиян сравнительный анализ позволил отметить шестикратный рост количества выигравших от реформ 2000-х гг. в сравнении с выигравшими от реформ 1990-х гг. Это объясняется несколькими обстоятельствами: во-первых, улучшением социально-экономической ситуации в стране в 2000-е годы; во-вторых, более пристальной социальной политикой и вниманием государства к решению

[312] *Козырева П.М.* Реформы 1990-х и 2000-х: приобретения и потери россиян // Социологический журнал. 2014. № 2. С. 25–48.

наиболее острых социальных проблем, в-третьих, возросшими адаптационными возможностями населения[313].

В 2000-е годы некоторый рост доверия на макросоциальном уровне был обусловлен высоким (относительно 90-х гг.) уровнем социального самочувствия и относительно быстрыми темпами освоения новых ценностей, что сочеталось, во-первых, с использованием довольно широкого спектра активных способов социально-экономической адаптации, в том числе полулегальных и нелегальных; во-вторых, с получением индивидами и социальными группами (пенсионерами, бюджетниками) тех или иных социальных преференций от государства[314].

В то же время в постсоветское общество были перенесены некоторые распространенные в советском обществе социальные практики микросоциального уровня. В частности, распространенный в СССР «блат» как практика использования личных контактов и неформальных отношений в сети «своих» в постсоветской России не исчез, а видоизменился. С разрушением советской распределительной системы изменились, прежде всего, предпосылки его появления: 1) дефицит (главным дефицитом стали деньги, а не потребительские товары); 2) частная собственность, которая была легализирована; 3) ослабление отношений, основанных на солидарности и заботе о ближнем (на смену им приходят основанные на выгоде и расчете отношения). Все это привело к следующим последствиям: «блат перекочевал» из потребительской сферы в сферу госслужбы и бизнеса (в чиновничий аппарат, полицию, банки, таможню и т.д.); «блат сохранился», если в экономических отношениях задействован госсектор (при распределении бюджетов, субсидий, дотаций, фондов); в бизнесе «блат существует также в виде «корпоративности», т.е. в неформальных деловых сообществах с высокой степенью доверия между их членами[315].

---

[313] *Козырева П.М.* Реформы 1990-х и 2000-х… С. 27-28.
[314] *Козырева П.М.* Указ соч. С. 31.
[315] *Леденева А.* Личные связи и неформальные сообщества: трансформация блата в постсоветском обществе // Мир России. 1997. № 4. С. 89–106.

В результате, из межличностных отношений уходил искренний интерес (остался только деловой, в форме «связей»). Подлинное доверие замещается суррогатами «псевдодоверия», в частности, таким как «корпоративность, основанная на личных отношениях». Последняя приобрела актуальность для обозначения внутриэлитных отношений. Так, в новой России времен Б.Н. Ельцина появился известный термин «Семья», ставший нарицательным для обозначения клановости властной элиты.

Основанием доверия на уровне макросоциальных практик в межкризисные 2000-2008 гг. являлся, во-первых, умеренный социальный оптимизм, а именно – ощущение устойчивости позитивных перемен в частной жизни и появление определенной степени уверенности в будущем; во-вторых, ломка некоторых прежних стереотипов массового сознания. В условиях улучшения материального положения проблема физического выживания потеряла былую значимость для большинства населения. Этот умеренный социальный оптимизм выражал, с одной стороны, позитивную оценку существующей реальности, с другой – укрепление представлений о благоприятных перспективах социальной реальности. Кроме того, приобретения, связанные со становлением рыночных отношений и демократического порядка, показались людям более значимыми, чем потери, обусловленные отказом от социалистических принципов и советского образа жизни.

Поводом для оптимистических настроений, упрочивающих доверительные установки, явилось также обеспечение внутриполитической стабильности и укрепление внешнеполитических позиций страны на мировой арене, в частности улучшение отношений с западными странами.

В то же время основанием недоверия в 2000-е годы являлись также несколько обстоятельств и факторов. Во-первых, это сохраняющаяся со времен 90-х гг. неудовлетворенность значительной части населения рядом важнейших аспектов социальной политики, в частности неэффективностью государственного управления в сферах здравоохранения, образования,

социального обеспечения, общественной безопасности, что ослабляло чувство социальной уверенности. Рост материального благосостояния в межкризисные 2000-2008 гг. только увеличил патерналистские настроения россиян и вызвал еще больший рост такого рода ожиданий граждан.

Во-вторых, сработали как частично заимствованные из советского общества, так и возникающие в 2000-е гг. новые социальные психологические механизмы, среди которых: 1) «вытеснение» или перенесение собственного опыта унижения и насилия на символического Другого, который становится объектом проекции собственных негативных черт и вызывает отталкивание или отторжение, с чем связан, в частности, рост разного рода ксенофобий (наиболее типичным пример – мигрантофобия); 2) «трансфер заложничества» как социально психологический механизм, связанный с превращением собственного страха и неспособности к деятельности в агрессию, направленную на Другого, который становится объектом особого раздражения и неприязни по причине того, что выступает с чуть более высокими претензиями и идеалами (к примеру, оппозиция); 3) ресентимент как символическая социально-психологическая компенсация, перенос, проекция собственных комплексов и фрустрации на символического Другого[316].

Ресентимент выступает как основание формирования системы морали, возлагающей на Другого (врага) вину за собственные неудачи. По оценкам некоторых специалистов, в современной России существует как индивидуальный, так и массовый ресентимент широких слоев населения, не сумевших адаптироваться к новой постсоветской реальности и вымещающих свою обиду на Другом (либералах, реформаторах, чиновниках, олигархах,

[316] *Гудков Л.Д.* Имморализм постсоветского человека и европейские ценности. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.levada.ru/old/21-05-2014/immoralizm-postsovetskogo-obshchestva-i-evropeiskie-tsennosti. (дата обращения: 16.11.2015).

мигрантах, и т.д.), поэтому «дискурс обиды становится доминирующим в общественном поле»[317].

Представляется, что ресентимент как социально-психологический механизм также является в некотором роде наследием советского прошлого, если оценивать его с нормативных позиций, в трактовке М. Шелера как «долговременную психическую установку, возникающую из-за систематического запрета на выражение известных душевных движений и аффектов, самих по себе нормальных и относящихся к основному содержанию человеческой природы, – запрета, порождающего склонность к определенным ценностным иллюзиям и соответствующим оценкам»[318]. Внешним выражением ценностных иллюзий становится сдержанная терпимость. Такое неестественное состояние видимой терпимости и лояльности между негативно и конфликтно настроенными друг против друга индивидами называют квазитолерантностью современного гражданского общества[319].

В-третьих, росту недоверия способствовали возникшие в 2000-х гг. новые социокультурные обстоятельства, связанные с духовным отчуждением и нашедшие проявления в таких социальных явлениях, как кризис индивидуальной, социально-групповой и общенациональной идентификации.

Н.Е. Тихонова характеризует отчуждение как утрату «возможности личностно-эмоциональной связи с Россией», что ведет к потере у россиян самоидентификации со страной. Отчуждение, по мнению автора, является «следствием глубоких трансформационных изменений, произошедших в социуме за последнюю четверть века, а не результатом влияние общества потребления или роста индивидуализма, эгоцентризма и эгоизма россиян». В

---

[317] *Медведев С.* Русский ресентимент // Отечественные записки. 2014. № 6(63). [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.strana-oz.ru/2014/6/russkiy-resentiment. (дата обращения: 30.11.2015).

[318] *Шелер М.* Ресентимент в структуре моралей / Пер. с нем. А.Н. Малинкина. СПб.: Наука, Университетская книга, 1999. С. 13.

[319] *Назаров В.Н.* Моральный ресентимент как симптом современной квазитолерантности // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». 2011. № 8 (103). Т.16. С. 317–319.

итоге, растут установки на упрощенную, формальную связь с государством, ощущение себя «просто гражданином» определенного государства[320].

Показательны в этом смысле результаты исследования 2006г. «Наши ценности и интересы сегодня». Один из авторов, Н.И. Лапин, называет одним из проявлений асимметрии социального самочувствия российского населения в начале 2000-х гг. заметное, почти в 2 раза (с 2002 по 2006 гг.) снижение интенсивности слоевой близости населения во всех ее видах (возрастной, этнической, профессиональной и др.) [321].

Доверие и недоверие как ментальную установку в современном информационном обществе видоизменяет не только физическая реальность, но и медийная.

Доверие, возникающее в процессе массовой коммуникации с использованием материальных, в том числе электронных носителей и средств, в современной литературе обозначается термином «медиадоверие». Составным элементом медиадоверия является доверие к информации как «психологическое отношение, включающее интерес к информации, представление о потребностях, которые могут быть удовлетворены в результате использования данной информации, эмоции от предвкушения их удовлетворения, что сопровождается ее положительными эмоциональными оценками и готовностью использовать данную информацию в своей деятельности». Это означает, в первую очередь, осознанное априорное наделение информации «свойством надежности, которое сопровождается положительными эмоциональными оценками информации и готовностью использовать ее в своей деятельности»[322].

---

[320] *Тихонова Н.Е.* Мечты россиян «Об обществе» и «О себе»: можно ли говорить об особом российском цивилизационном проекте? // Общественные науки и современность. 2015. № 1. С. 52–63.

[321] *Лапин Н.И.* Тревожная стабилизация // Общественные науки и современность. 2007. № 6. С. 39–53.

[322] *Купрейченко А.Б., Шляховая Е.В.* Медиадоверие как интегрированный социально-психологический феномен // Знание. Понимание. Умение. 2013. № 1. С. 191–196.

Между тем влияние процесса информатизации на социум достаточно противоречиво и приводит к увеличению проблемных ситуаций, являющихся продуктом современных информационных технологий. Среди них – проблемы перегруженности информацией, безопасности личных данных, ограничения информации, считающейся социальной и экономически опасной, возможности манипулирования сознанием и т.д. К числу вышеперечисленных можно добавить риск возрастания недоверия к информации. Возрастают риски, а значит, трансформируется и (или) сужается пространство доверия.

В сетевых коммуникациях Интернет используется не только как средство извлечения знаний, но больше всего как способ времяпрепровождения, «прожигания жизни». По данным исследовательской группы TNS на апрель 2015г., число пользователей интернета в России достигло 82 млн. человек, что составляет 66% населения страны в возрасте старше 12 лет. 50 млн. человек из всей аудитории Рунета являются пользователями мобильного интернета (61%)[323].

Пользование Интернетом различно среди возрастных категорий российского населения: среди молодых людей – превышает 90% (в группе 18-24 лет – 96%, в группе 25-39 лет – 93%), в то время как среди респондентов старше 55 лет – только 27%. Регулярных пользователей Интернета значительно больше среди людей моложе 40 лет, с высшим образованием, состоятельных, имеющих возможность приобрести дорогостоящую компьютерную технику. Но, несмотря на то, что Интернет-аудитория быстро растет, цели пользования Интернетом весьма ограничены: 34% использует его для того, чтобы «следить за последними новостями», 20% – чтобы «разобраться, что происходит в стране

[Электронный ресурс]. Режим доступа: www.hse.ru/pubs/share/direct/document/109434854. (дата обращения: 26.10.2015).

[323] ТАСС: Экономика и бизнес. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://tass.ru/ekonomika/1921444. (дата обращения: 27.10.2015).

и за рубежом», но большинство – просто для поиска информации и сетевого общения»[324].

Учитывая, что большинство российских пользователей Интернета – это молодые люди, такая высокая Интернет-активность отнюдь не является гарантом успешности процесса социализации.

Здесь необходимо учитывать еще один немаловажный момент. Для понимания и осмысления смысловой нагрузки полученной информации необходим определенный временной отрезок. Однако современные информационные сети не просто ускоряют информационные потоки. «Подвергаясь мощной информационной бомбардировке, человек не успевает осмысливать, анализировать и систематизировать поступающую информацию. В результате возникает проблема недопонимания информации, снижения ее критического осмысления»[325]. У человека остается все меньше времени на то, чтобы адекватно осмыслить поступающие, часто характеризующиеся разнонаправленной трактовкой сведения. Этот факт также дает основания полагать, что ускорение информационных потоков, уменьшая количество времени, отведенное на восприятие информации, приводит к поверхностности ее восприятия и упрощению ее смысла. Это означает упрощение когнитивного компонента доверия и недоверия.

По данным опросов, наиболее распространенный источник информации в России – это телевидение, у которого наиболее высокий рейтинг доверия из всех российских СМИ. Однако только 21% россиян уверены в полноте и объективности освещения телевидением происходящих событий; 46% считают, что из телепередач «можно извлечь много полезной и объективной информации

---

[324] *Волков Д., Гончаров С.* Российский медиа-ландшафт: телевидение, пресса, Интернет. Пресс-выпуски Левада-Центра. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.levada.ru/17-06-2014/rossiiskii-media-landshaft-televidenie-pressa-internet. (дата обращения: 08.12.2014).

[325] *Дубровский Е.Н.* Основы социальной информатики / Е.Н. Дубровский, И.В. Соколова. М: Образование и Информатика, 2004. С. 14.

о событиях в мире»; 8% респондентов отмечают, что телевидение – инструмент манипулирования сознанием людей[326].

Стоит отметить противоречивость данной ситуации. В настоящее время средства массовой информации, и особенно телевидение, «стали отходить от процесса формирования мировоззренческого плюрализма и все более и более становятся однозначными в трактовке и объяснении происходящих в обществе и мире событий. Они все больше уклоняются от рассмотрения реальной жизни во всем ее противоречивом развитии, что дает все больше и больше пищи для размышлений, выработки различных подходов к пониманию происходящих изменений»[327].

Поэтому, «хотя у телевидения самый большой рейтинг доверия из всех СМИ, доверяют телевидению не все зрители (около 50%). В частности, в последние годы увеличивается процент россиян, «сомневающихся» в объективности новостных программ на центральных телевизионных каналах. «Не доверяют, но все равно смотрят, так как значимой альтернативы телевидению на сегодняшний день в России нет. Критическое отношение к получаемой информации затруднено. Это лишний раз подтвердила кампания освещения событий в Крыму и Украине: чем дольше освещались по ТВ эти сюжеты, тем меньше сомнений в их объективности оставалось у россиян»[328].

Таким образом, имеет значение временной фактор. Информация, растянутая во времени и многократно воспроизводящаяся, априори превращается в «правдивую», и доверие к ней как бы автоматически возрастает. Поскольку большинство россиян остаются приверженцами телевидения как основного средства получения информации, «отчуждение от

---

[326] Телевидение: доверие и функции (Пресс-выпуски Левада-центра. 14.08.2015). [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.levada.ru/14-08-2015/televidenie-doverie-i-funktsii. (дата обращения: 21.09.2015).

[327] *Тощенко Ж.Т.* Травма и антиномия – новые черты общественного сознания и поведения в современной России // Социология. 2014. № 4. С. 52.

[328] *Волков Д., Гончаров С.* Российский медиа-ландшафт: телевидение, пресса, Интернет. Пресс-выпуски Левада-Центра. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.levada.ru/17-06-2014/rossiiskii-media-landshaft-televidenie-pressa-internet. (дата обращения: 08.12.2014).

правдивой информации», как оставшийся от советского прошлого вид отчуждения, по-прежнему сохраняется.

Растущие сомнения российских граждан в объективности информации на телевидении, а также распространенность Интернета дают почву для расширения коммуникативного поля за пределы телевещания. Внимание к освещению новостей в Интернет-сетях растет, однако влияние этих сетей на сегодняшний день невелико, поскольку Интернет в России не является конкурентом телевидению. Число людей, получающих Интернет-новости и при этом не смотрящих телевизор, составляет не более 5%, и у 20% населения Интернет «идет приложением» к телевидению. По стране в целом Интернет как источник новостей опережает только газеты и радио «за счет сайтов, которые сообщают отрывочную информацию, отобранную более-менее случайным образом, и не предоставляют глубокий анализ происходящего». «Более того, издания, которые принято считать независимыми, в Интернете отнюдь не лидируют (даже в крупных городах). Доля Интернет-ресурсов, которые производят отбор значимых событий и предоставляют хотя бы качественный анализ происходящего – даже в Москве, не говоря о стране в целом – невелика и сопоставима с аудиторией газет и информационных радиостанций»[329].

Помимо вышеназванных, еще одна причина подобного положения вещей состоит в том, что медиатекст, как и текст художественный, по словам Ю. Лотмана, наделен способностью «выдавать различным читателям различную информацию – каждому в меру его понимания…именно ту, в которой он нуждается и к восприятию которой подготовлен»[330]. Интерпретация медиатекста предполагает умение анализировать его, опираясь на собственные знания, понимание авторской позиции (выражение согласия или несогласия с

---

[329] *Волков Д., Гончаров С.* Российский медиа-ландшафт: телевидение, пресса, Интернет. Пресс-выпуски Левада-Центра. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.levada.ru/17-06-2014/rossiiskii-media-landshaft-televidenie-pressa-internet. (дата обращения: 08.12.2014).

[330] *Лотман Ю.М.* Структура художественного текста. Семиотика кино и проблемы киноэстетики. Статьи. Заметки. Выступления. Санкт-Петербург: Искусство – СПБ, 1998. *С.* 32.

ней), оценивание социальной значимости информации. Здесь уже задействован в полной мере рациональный компонент доверия, который, как уже отмечено, упрощается.

Доступность к разнообразной информации создает иллюзию полноты, а вместе с тем – простоты и легкости ее понимания, подгоняет мышление под некую упрощенную модель, содержание которой обозначается термином «рутинизация», что означает «сведение ситуации к простым непротиворечивым клише и схемам; интерпретация осуществляется, например, путем наклеивания ярлыков, то есть по определенной отлаженной формуле»[331].

Возрастает риск того, что у многих людей, в том числе подростков и молодежи, не владеющих навыками селективного отбора информации, отсеивания лишнего и выделения важного, в результате формируется «клиповое мышление» (от англ. clip – фрагмент, отрывок, вырезка из газеты), что означает разрозненность, разорванность, поверхностность, фрагментарность знаний, чувств, переживаний, настроений. Признаки «клипового мышления» – невнимательность, сложность концентрации внимания, неумение анализировать информацию – стали приметой нашего времени. Люди потребляют огромное количество информации, которая преподносится логически несвязанными между собой блоками – как калейдоскоп событий. Так построены блоки рекламы, а также современные мультфильмы и компьютерные игры. В результате «люди перестают думать, искать, оценивать события самостоятельно – им предлагают все то, что уже решено другими. Интеллектуальные усилия людей все чаще сводятся к выбору из стандартного набора вариантов». «Фрагментарное, «клиповое» сознание нашей молодежи уже в самое ближайшее время может превратиться в серьезную проблему для развития страны»[332].

---

[331] *Павлов А.П.* Социальные проблемы коммуникативного порядка // Вестник ОмГУ. 1998. № 3. С. 51–58.

[332] *Миронов С.М.* Выступление на Днях петербургской философии «Философия: ответственность перед будущим» 19 ноября 2009 г. (г. Санкт-Петербург). [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.mironov.ru/firstface/speeches/357.html. 08.02.2010.

Безусловно, информационное общение в Интернете сопряжено с массой удобств, пользы, выгоды, но, одновременно, может упростить и даже лишить коммуникацию ее смысловой когнитивной нагрузки и в формате диалога. О парадоксах диалога в эпоху глобализации и информатизации пишет Н.Л. Виноградова, рассматривая диалог как субъект – субъектное отношение понимающих и адекватно интерпретирующих друг друга сознаний, в которых субъекты находятся в изначально равных условиях, «никто из субъектов не занимает позицию диктующего или задающего условия осуществления диалога»[333]. Однако в СМИ в условиях технической реализации диалоговых информационных процессов этот принцип в корне нарушен, так как организаторы и ведущие телемостов, прямых эфиров, ток-шоу и других форм теле-радио-видео-общения изначально задают, навязывают условия ведения диалога и поддерживают только этот заданный диалог, не отступая от своих условий. В этом случае диалог подменятся псевдодиалогом, не соответствующим принципам диалогичности. В таком псевдодиалоге нарушаются основания матрицы доверия – ориентация на взаимность и смыслосодержание.

Автор формулирует еще один парадокс диалога в условиях глобализации: «СМИ выносят в качестве предметов обсуждения личные, интимные, сакральные для человека темы, которые с экрана или на страницах газеты обсуждать некорректно, и тем более не может быть реализован адекватный диалог… . Поэтому вторая, зависимая в этом диалоге сторона… вынуждена либо врать, либо притворяться»[334].

Заметим – а как же доверие, подразумевающее взаимную честность и открытость общения? Очевидно, трансформация «запретного» в модные и популярные, обнажающие традиционно «прикрытые моралью» для публичного

---

[333] *Виноградова Н.Л.* Парадокс диалога в эпоху глобализации // Материалы Международной научно-практической конференции «Социальная эволюция, идентичность и коммуникация в XXI веке» (декабрь 2009 г.). Ставрополь: Изд-во ГОУ ВПО «Северо-Кавказский государственный технический университет, 2009. С. 222–223.

[334] *Виноградова Н.Л.* Указ. соч. С. 221.

обсуждения темы существенно трансформирует доверие и недоверие как ментальные установки

Еще одна проблема – все сложнее проверить, надежен ли информационный источник. Более того, в условиях открытого обмена информацией на многочисленных информационных сайтах, сайтах объявлений, развлечений и т.д. вопрос доверия информационному источнику «сместился с людей, которые разрабатывают сайты, на людей, которые этими сайтами пользуются. На смену вопросу «Могу ли я доверять этому сайту?» приходит не менее важный «Могу ли я доверять аудитории этого сайта?». Основное отличие состоит в том, что в настоящее время размещенная информация в любой момент может быть изменена и использована кем угодно… [335].

Можно рассмотреть проблему доверия к информации еще с одной стороны. Виртуальная реальность переводит человека из настоящего мира в мир фантазий и грез, причем сам человек воспринимает это бегство от реальности как переход в состояние полной свободы. Однако очевидно, что это – иллюзорное субъективное ощущение полной свободы при объективной абсолютной зависимости и манипулируемости. Бесконечно мелькающие на российском телевидении и в кино картинки красивой жизни, заманчивая и навязчивая реклама, породившие новую волну аттрактивности (привлекательности) медиапродукта, создают причудливые, в первую очередь эмоциональные, а затем когнитивные и поведенческие парадоксы доверия и недоверия. Оказывается, безгранично доверяя медиапродукту, поставляемому информационной глобальной сетью, можно жестоко разочароваться в окружающей социальной реальности и испытывать в результате недоверие к ней по причине фрустрации. Тем самым, «…когда индивид предпочитает пространство воображаемого мира миру реальному, то жизненная реализация из действительности может переноситься в субъективную реальность.

[335] Вопрос доверия в эпоху Web 2.0./ Юзабилити Бюллетень. Выпуск № 16. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.usabilityprofessionals.ru/UsabilityBulletin-16.aspx?EntryID=711. (дата обращения: 24.01.2010).

Описанный выше процесс приводит к эскапизму, т.е. уходу индивида от подлинного бытия в мир иллюзий… Посредством Интернет-общения нивелируется границы между реальностью и фантазией…, возникает возможность псевдореализации в виртуальном мире…»[336]. В результате виртуальный мир становится посредником, и не всегда добросовестным, между индивидом и получаемой информацией.

Развивая мысль о парадоксах доверия и недоверия, следует отметить, что отчуждение человека проявляется как упрощение многомерного личностного бытия и разнообразных качественных социальных связей между людьми. Ослабление реальных социальных связей и упрощение их структуры может так или иначе, прямо или косвенно привести к изменению доверия как ментальной установки. Фрагментарное, «клиповое» мышление порождает и соответствующие фрагментарность и «клиповость» доверия.

Вот характерный пример, касающийся известной программы обеспечения Интернетом российский школ. Оснащение российских общеобразовательных учреждений сетью Интернет производилось в соответствии с направлением «Внедрение современных образовательных технологий» в рамках национального проекта «Образование». Реализация этой программы началась в 2006 году, и к 2008 году программа была выполнена[337]. Появились новые возможности для учителей по повышению своего профессионального уровня, поиску и использованию в учебном процессе новых технологий и методик преподавания, дополнительных учебных материалов. Для учеников также стали доступны современные образовательные ресурсы. Однако «один из парадоксов интернетизации страны состоит в том, что в сельских школах Интернет

---

[336] *Греков М.А.* Отчужденный досуг как проявление эскапизма // Наука. Философия. Общество: материалы V Российского философского конгресса. В 3-х т. Том III. Новосибирск: Параллель, 2009. С. 49.

[337] Проекты в сфере образования и науки в Российской Федерации. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://минобрнауки.рф/проекты. (дата обращения: 24.10.2015).

становится частью повседневной жизни школьников гораздо быстрее, чем меняется окружающая их отсталая социальная реальность…»[338].

Таким образом, в коммуникативном обществе формируются барьеры на пути развития доверия как ментальной установки, и эти барьеры имеют социальный характер. Это политические, конфессиональные, профессиональные и другие социальные различия, социальное неравенство, порождающие не только разную интерпретацию информации, передаваемой в открытом процессе глобальной коммуникации, но и вообще – различное мироощущение, мировоззрение, миропонимание. Сознание становится мозаичным, цельность личности размывается, а социальная идентичность, понимаемая, согласно Э. Эриксону, как «внутренняя непрерывность и тождественность личности», «цельный стойкий образ «Я» и продиктованные им способы поведения»[339], теряется**.**

Социальная идентификация рассматривается исследователями как важнейшая психологическая структура, сквозь которую преломляется восприятие мира и которая влияет на последующую модель поведения. Специалисты выделяют несколько стадий социальной идентификации, которым соответствует идентификация информационная. В детском возрасте – идентификация с семьей, детсадом, школой. В подростковом и юношеском возрасте происходит усложнение идентификационных социальных и информационных стимулов. По так называемому «показателю когнитивной сложности» психологи определяют возможность молодого человека конструировать социальное поведение на основе многочисленных смысловых параметров, близких относительно его самого. И здесь масс-медиа предлагают упрощенные схемы социально-психологических ситуаций, унификацию человеческих отношений, а «лидерами эмоционально-психологического

---

[338] *Миронов С.М.* Выступление на Днях петербургской философии «Философия: ответственность перед будущим» 19 ноября 2009 г. (г. Санкт-Петербург). [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.mironov.ru/firstface/speeches/357.html. (дата обращения: 08.02.2010).

[339] *Эриксон Э.* Идентичность, юность и кризис / пер. с англ.; общ. ред. и предисл. А. В. Толстых. М: Флинта, МПСИ, Прогресс, 2006. С. 226**.**

воздействия на подростково-молодежную аудиторию оказываются агрессивная реклама, кровавые триллеры и второсортные боевики – «образцы» американской и нашей собственной массовой культуры… . Таким образом, формируется проблема информационной идентичности молодежи, представляющая угрозу культурной ментальности нации»[340].

Все более значимыми участниками процесса конструирования социальной идентичности личности в условиях медийной реальности становятся не образы, а имиджи. И.С. Семененко поясняет, что «подлинный смысл замены русского слова «образ» на его англоязычный вариант «имидж» заключается в переходе от создания человеком собственного мира (на основе затрат собственных интеллектуальных усилий) к восприятию мира, созданного другими, зачастую по «заказному» проекту»[341]. В обществе потребления имиджи приобретают характер нормативной информации о модных (нужных) тенденциях, престижных вещах, с которыми обязательно нужно идентифицироваться российскому потребителю. Отраженная (виртуальная) реальность превращается тем самым в мир подлинной реальности, а настоящая, реальная жизнь кажется нереальной. Современный человек становится не непосредственным активным участником бытия социума, а его сторонним наблюдателем.

Результатом является не только отчуждение от реальности, но и самоотчуждение человека как следование навязанным масс-медиа потребностям и жизненным стратегиям, а также духовное отчуждение.

Духовное отчуждение является еще одним из доминирующих видов отчуждения в современной России и представляет собой «объективно-субъективный процесс, состояние и результат утраты личностью, социальными группами и обществом в целом своей способности к освоению духовного мира,

---

[340] *Кириллова Н.Б.* Медиасреда российской модернизации. М.: Академический проект, 2005. С. 335–337.

[341] *Семененко И.С.* Образы и имиджи в дискурсе национальной публичности / И.С. Семененко // Политические исследования. 2008. № 5. С. 7–18.

рационализации духовно-нравственных ценностей, и невозможность их воплощения в индивидуальном и общественном бытии». Духовное отчуждение находит свое проявление в таких социальных явлениях, как «маргинализация российского общества; рост девиантного поведения; усиление потребительских настроений; кризис индивидуальной, социально-групповой и общенациональной идентификации; примитивизация; технологизация и др.»[342].

Э. Усланер рассматривает доверие сквозь призму моральных ценностей и установок данного общества как общечеловеческую моральную ценность[343]. Деформация и разрушение нравственного идеала, как пишет Д.В. Филюшкина, подрывает культуру доверия на разных социальных уровнях, а утрата культуры доверия, в свою очередь, является «проявлением духовной люмпенизации» российского общества как объективного социокультурного кризисного явления, сущность которого состоит в снижении духовного потенциала общества, что связано с примитивизацией и обнищанием форм духовной жизни, девальвацией высших духовных ценностей, разрушением духовных идеалов в сфере культуры, образования, науки, искусства, творчества, и угрожает духовной безопасности общества[344].

Таким образом, выявляется связь между такими социальными явлениями, как отчуждение (в частности, такими его видами, как отчуждение от реальной действительности, отчуждение от социальности, самоотчуждение и духовное отчуждение) и трансформация и (или) сужение доверия в коммуникативных

---

[342] *Хохлова А.В.* Духовное отчуждение как социальный феномен современной России: дис. … канд. филос. наук: 09.00.11. / Хохлова Алла Владимировна; [Место защиты: Моск. гос. техн. ун-т им. Н.Э. Баумана. Москва, 2013. 165 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://cheloveknauka.com/duhovnoe-otchuzhdenie-kak-sotsialnyy-fenomen-sovremennoy-rossii. (дата обращения: 12.10.2015).

[343] *Usianer E.M.* The Moral Foundations of Trust / Usianer E.M. Cambridge University Press, 2002. P. 2.

[344] *Филюшкина Д.В.* Духовная люмпенизация российского общества: детерминирующие факторы и социальные проявления: автореф. дис. ... д-ра. философ.наук: 09.00.11 / Филюшкина Диана Владимировна; ГНУ "Южный федеральный университет" Ростов н/Д, 2014. С. 22–28.

социальных практиках. В результате нарушения коммуникационного обмена смысловые границы социума оказываются размытыми, возникает угроза коммуникационной энтропии, проявляющейся в виде кризиса идентичности человека. Все это не может не иметь социальных последствий, среди которых – мозаичность, фрагментарность индивидуальной картины мира, что обуславливает также фрагментарность и мозаичность доверия. Это, в свою очередь, деформирует социальные ценности и идеалы, что особенно опасно для таких возрастных категорий российского общества, как подростки и молодежь.

Представляется, что проблема преодоления отчуждения является комплексной проблемой, решение которой возможно, в частности, в условиях развития доверия с целью достижения нормативного баланса между доверием и недоверием.

3.3. Доверие и недоверие как ментальные установки современного российского общества

Укрепление доверия как ментальной установки, то есть ментального основания социальной деятельности, существующего в виде неосознанной предрасположенности к социальному объекту и осознанной готовности осуществлять эту деятельность в конкретных условиях и ситуациях социальных практик возможно, если учитывать роль доверия и недоверия как механизмов формирования и воспроизводства социальной реальности в контексте социального капитала, условием, основанием и составной частью которого является доверие.

Возможности развития доверия как ментальной установки в современном российском обществе определяются некоторыми исследователями с точки зрения наличия «значительных запасов» современного социального капитала. Л. Полищук и Р. Меняшев эмпирически выявили три основных фактора, свидетельствующие о наличии социального капитала в современном

российском обществе: 1) «открытый» социальный капитал отражает доверие и склонность к сотрудничеству в общих интересах не только с близкими, но и с малознакомыми людьми, что создает предпосылки для формирования широких общественных объединений, социальной интеграции и развития гражданского общества; 2) «закрытый» социальный капитал ограничивает доверие узким кругом родства и тесного общения в интересах тех или иных групп; 3) социальный капитал как «проявление гражданской культуры» выявляется как чувство личной ответственности за происходящее в стране. «Открытый» социальный капитал и гражданская культура связаны с удовлетворенностью респондентами положением дел в своих регионах, эффективностью деятельности и подотчетностью муниципальных властей. «Закрытый» социальный капитал влияет на развитие городов и регионов отрицательно, так как препятствует широкой общественной консолидации. При этом благоприятные и неблагоприятные по числу этих факторов регионы России в настоящее время распределяются примерно пополам[345].

Современный этап развития российского общества характеризуется, с одной стороны, наличием оставшихся от советского и постсоветского прошлого проблем, с другой – появлением новых трудностей и противоречий трансформирующегося общества, которые стали фактором повседневной жизни. Неблагоприятные тенденции в экономике и мировой политике выдвигают на первый план обеспокоенность граждан сохранением уже достигнутого уровня жизни. Пессимистические настроения по этому поводу подрывают социальный оптимизм как веру в будущее улучшение жизни. Основанием нового витка социального пессимизма являются настоящие разочарования, тревоги о будущем, беспокойство и неуверенность в завтрашнем дне. В основе таких негативных ожиданий лежат осознание

[345] *Полищук Л.* Экономическое значение социального капитала / Л. Полищук, Р. Меняшев // Вопросы экономики. 2012. № 12. С. 46–65; *Полищук Л.* То, что нельзя купить // Бизнес-журнал. 2001. № 4. С. 16. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://offline.business-magazine.ru/2011/181/337142. (дата обращения: 03.05.2014).

людьми, с одной стороны, неблагоприятных внешних социально-экономических и политических факторов, в частности – сильной зависимости страны от экспорта сырья и колебания мировых цен на него, низкой конкурентоспособности несырьевых отраслей, особенно высокотехнологичных; с другой стороны, наличие неблагоприятных внутренних факторов, среди которых – углубляющееся социальное неравенство во всех его разнообразных формах, огромные масштабы коррупции, а также непоследовательность, незавершенность реформ и отсутствие каких-либо ощутимых их результатов во всех сферах жизни общества.

За последние 10 лет индекс социального оптимизма населения менялся в лучшую сторону: в 2005 г. 31% россиян ответили на вопрос об уверенности в завтрашнем дне утвердительно, в 2008г. – уже 51%[346]. В ноябре 2014 г., до кризиса, по результатам опроса ВЦИОМ, уверенность в завтрашнем дне ощущали также 51% россиян, и ее отсутствие последних 44% опрошенных[347].

В настоящий момент времени население руководствуется не принципом уверенности в завтрашнем дне, а другой установкой. Вот типичная цепочка повседневных рассуждений простого россиянина: «Сегодня посмотришь новости – убедишься, что все нестабильно – сегодня живем, а завтра может быть все, что угодно». Именно поэтому, к примеру, люди откладывают рождение детей, ведь ребенок – это долгосрочный и весьма затратный «проект». Рубль падает, цены растут, доходы сокращаются, реальностью становятся задержка зарплат и рост безработицы.

В такой ситуации 40% россиян признались, что планируют свою жизнь не более чем на два-три месяца. Примерно 18% пока не строят никаких планов или предпочитают жить сегодняшним днем, и только 18% не теряют оптимизма и

---

[346] Чувствуете ли Вы уверенность в завтрашнем дне? Левада-Центр. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.levada.ru/old/archive/obshchestvennye-nastroeniyaozhidaniya/chuvstvuete-li-vy-uverennost-v-zavtrashnem-dne. (дата обращения: 20.10.2015).

[347] Россияне теряют уверенность в завтрашнем дне. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://fedpress.ru/news/society/news_society/1418194088-rossiyane-teryayut-uverennost-v-zavtrashnem-dne. (дата обращения: 20.10.2015).

строят планы на несколько лет вперед. 55% респондентов оценили состояние в российской экономике как «среднее», 27% – как «очень плохое. Согласно данным опроса, оценка политической обстановки в стране также ухудшилась. В частности, с июля по август 2015 г. соответствующий показатель потерял 5 пунктов и остановился на отметке 66 пунктов. В сравнении с результатом годичной давности проигрыш весьма значительный (82 пунктов в августе 2014 года)[348].

Но действие неблагоприятных тенденций характерно в настоящее время не только для России, но и других стран. По результатам социологического опроса, проведенного институтом Gallup в середине 2015 г., более 50% американцев считают, что ситуация в экономике США ухудшается, а каждый третий назвал ее плохой[349].

Вероятно, действие неблагоприятных тенденций в разных странах накладывается на негативный личный опыт и выступает в качестве фактора, подрывающего социальный оптимизм.

Между тем социальный оптимизм был присущ большинству граждан СССР. Даже в самые трудные военные и послевоенные времена народ не сомневался в том, что трудности – дело временное, жизнь наладится, дальше «жить будет лучше и веселее». Именно поэтому власть в современной России характеризуется наименьшим доверием среди людей старшего поколения, то есть среди тех, кто в наибольшей степени пострадал от реформ 1990-х годов[350]. Одна из причин, по мнению специалистов, состоит в том, что ностальгия по Советскому Союзу во многом олицетворяет тоску по прошлому, а также по безвозвратно ушедшей молодости, что не имеет выхода на социальные

---

[348] Россияне теряют уверенность в завтрашнем дне. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://fedpress.ru/news/society/news_society/1418194088-rossiyane-teryayut-uverennost-v-zavtrashnem-dne. (дата обращения: 20.10.2015).

[349] В США падает уверенность в завтрашнем дне [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.dni.ru/economy/2015/6/24/307284.html. (дата обращения: 20.10.2015).

[350] *Казин Ф.* «Голосуют, и хорошо…» Проблема доверия к власти в России. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.perspektivy.info/book/golosujut_i_khorosho_problema_doverija_k_vlasti_v_rossii_2008-07-09.htm. (дата обращения: 05.10.2015).

практики, поскольку готовность вернуться к социалистической экономике все же выражает явное меньшинство граждан. Вторая причина – в том, что «позитивное отношение к советскому прошлому сохраняется в значительной мере из-за неудовлетворенности большой части населения рядом важнейших аспектов реализации социальной политики. Люди ощущают неэффективность государственных мероприятий в сфере медицины, образования, социального обеспечения, общественной безопасности, что ослабляет чувство социальной уверенности»[351].

Третья причина, на наш взгляд, самая глубокая, так как кроется в ментальных установках. Существенная причина социального беспокойства, пессимизма и недоверия как установок общественного сознания – идеологические и духовно-нравственные разочарования и потери.

В современной России отсутствие общественного идеала компенсируется идеализацией прошлого, что можно отнести к проявлениям архаического сознания.

В 2009 году в рамках проекта телеканала «Россия» состоялось Интернет-голосование «Имя России» с целью определить величайших деятелей российской истории. И. Сталин занял третье место, причем почти все время проекта это имя лидировало в рейтинге народных симпатий. В настоящее время положительное отношение к Сталину также перевешивает негативные эмоции к этой персоне. По данным опроса Левада-центра, в марте 2016 г. более половины россиян (54%) заявили, что Сталин сыграл положительную роль в жизни страны. Примерно столько же респондентов считают его мудрым руководителем, который привел СССР к процветанию. Однако одновременно Сталин, по оценкам социологов, – самая противоречивая историческая фигура. Две трети россиян считают Сталина тираном, виновным в уничтожении миллионов невинных людей. Около 50% опрошенных считают сталинские репрессии преступлением, но полагают, что в них была политическая

---

[351] *Козырева П.М.* Реформы 1990-х и 2000-х: приобретения и потери россиян // Социологический журнал. 2014. № 2. С. 37.

необходимость. Тем не менее, 60% опрошенных не хотели бы жить и работать при Сталине[352].

Такого рода противоречия свидетельствуют о наличии дихотомии «доверие-недоверие». В современном российском обществе данная дихотомия обладает своей спецификой.

Ностальгия по прежним временам, «твердой руке» и, в конечном счете, по СССР является весьма распространённым настроением среди старшего поколения. Однако подобное явление – ностальгия по СССР – наблюдается и среди молодых людей поколения 2000-х. Анализ молодежных ресурсов Интернета и других текстовых источников показывает, что отношение к жизни в СССР поменялось с резко негативного на резко позитивное, переходя от малообеспеченных пенсионеров и ветеранов к молодежи, реализующей себя в Интернете. За последние несколько лет появилась масса Интернет-ресурсов, посвященных повседневной жизни в Советском Союзе. Один из самых популярных: «76–82. Энциклопедия нашего детства». Название говорит о том, кто является аудиторией данного ресурса – все, кто родился в период между 1976 и 1982 гг. СССР в представлениях россиян, и молодежи в том числе, стал ассоциироваться с государственным развитием, размахом, имперской мощью, с уверенностью в завтрашнем дне, со спокойной и счастливой жизнью в самой великой стране мира, со страной – образцом национальной гордости[353].

На самом деле причины идеализации советского строя кроются в противоречиях и проблемах современной российской действительности. «Идеализируя все советское, современные тридцатилетние неосознанно говорят о том, что им не нравится в настоящем… Причина ностальгии … в реальных и осязаемых принципах и ценностях, к которым стремились русские

---

[352] Россияне все лучше относятся к Сталину, но жить при нем не хотели бы // Пресс-выпуски Левада-центра. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.levada.ru/2016/03/25/rossiyane-vse-luchshe-otnosyatsya-k-stalinu-no-zhit-pri-nem-ne-hoteli-by/. (дата обращения: 03.05.2016).

[353] Ностальгия по СССР. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.contrtv.ru/common/2554/ . (дата обращения: 31.10.2015).

люди советской эпохи и которые отсутствуют сейчас»[354]. Молодёжь ощущает в помыслах, желаниях и деяниях людей советской эпохи настоящее и правильное основание в виде системы общественных идей и ценностей, связанных с советской мечтой по достижению идеала. Этот самый великий эксперимент XX века оказался провальным, но большинству населения, и молодым в том числе, он кажется намного более привлекательным, чем нынешнее отсутствие общественных идеалов.

В современной России «социологические данные демонстрируют огромную внутреннюю несогласованность и конфликтность социальных представлений масс», что является следствием как антиномий и других противоречий социальной действительности, так и неопределенности дальнейшего развития страны, «нечеткости контуров будущего общества». Причиной неопределенности и социального пессимизма является отсутствие ответов на вопросы: «мы идем или блуждаем, а если все-таки идем, то в каком направлении, какое общество мы строим и получим в результате? Ради чего сейчас нужно терпеть тяготы и лишения?»[355]. Неопределенность дальнейшего развития современной России и нечеткости контуров будущего общества проецируется на жизненные перспективы частной жизни россиян, пересекается с беспокойством о будущем своей семьи.

В этих условиях важной частью массового сознания россиян являются такие оставшиеся от прошлого стереотипы, как власть «сильной руки»; желание, чтобы «нас все боялись»; убеждение в том, что мы «особые и лучшие». Эти стереотипы составляют основание скорее даже не национальной гордости и патриотизма, а национальной гордыни. Конечно, эти представления особенно характерны для старшего поколения. Вместе с тем архаические стереотипы очень устойчивы и передаются новым поколениям. В результате в

---

[354] Ностальгия по СССР. Там же.

[355] *Казин Ф.* «Голосуют, и хорошо…» Проблема доверия к власти в России. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.perspektivy.info/book/golosujut_i_khorosho_problema_doverija_k_vlasti_v_rossii_2008-07-09.htm. (дата обращения: 05.10.2015).

установках россиян «причудливо переплетаются элементы великодержавной истории, коммунистической идеологии, православия, монархического сознания, европейской культуры, остатков патриархального быта», а в социально-бытовых практиках – «доброты и жестокости, простодушия и недоверчивости, смирения и буйства»[356].

Как уже отмечено, одна из причин – в особенностях национального менталитета русского человека. Но не только. Многоликость и переменчивость, подозрительность, нетерпимость и двоемыслие в значительной степени связаны с особенностями политической судьбы России в XX веке. В итоге распада СССР – второй по счету «национальной катастрофы XX века», мы еще раз «пережили распад государственности», и «в результате получили разрушительный удар по культурному и духовному коду нации, столкнулись с разрывом традиций и единства истории, с деморализацией общества, с дефицитом взаимного доверия и ответственности. Именно в этом многие корни острых проблем, с которыми мы сталкиваемся»[357].

Как образно выразился В. Костиков, «на протяжении целого века россиянам неоднократно приходилось разучивать новые политические песни и танцы, приспосабливаться то к «свинцовым мерзостям» царизма, то к «светлому пути», начертанному тов. Лениным, то к культу личности и жестокостям Сталина, то к импровизациям Хрущева и сонному царству Брежнева, то к дисциплине Андропова и «загогулинам» Ельцина. Эта чересполосица идей, политических оценок и нравственных установок превратила русское сознание в подобие драного лоскутного одеяла… [358].»

Люди отвыкли самостоятельно мыслить, и это означает, что они не смогут самостоятельно действовать и чувствовать личную ответственность за все, что происходит в стране, за судьбу России.

---

[356] *Костиков В.* Русский перепляс // Аргументы и факты, 21 октября 2015 г.

[357] *Путин В.В.* Речь на заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай» 19 сентября 2013 г. [Электронный ресурс]. http://kremlin.ru/events/president/news/19243. (дата обращения: 28.10.2015).

[358] *Костиков В.* Русский перепляс // Аргументы и факты, 21 октября 2015 г.

Кроме того, в сложном обществе, вследствие «исключающего развития» (М. Кастельс) из пространства доверия оказываются «выключенными» целые социальные анклавы, образующиеся по причине социальной дифференциации. Сосуществуют анклавы, включенные в процессы глобализации и информатизации и ставшие реальной частью мирового сообщества и глобальной культуры, и немодернизируемые маргинальные анклавы, не воспринимающие культурные инновации, исключенные из общественной жизни, фактически оказывавшиеся вне общества. К возникновению «исключенных» социальных анклавов в России, по оценкам специалистов, привели неорганичные экономические реформы 90-х годов, когда в период спада производства, невыплат зарплат, закрытия предприятий активизировались архаичные формы хозяйственной деятельности, такие как самообеспечение продуктами питания с приусадебных хозяйств, дачных участков, прямые бартерные обмены и т. д. Кризисная ситуация в экономике провоцировала рост теневой, неформальной хозяйственной деятельности, а также вынужденного предпринимательства в архаичных формах «челночного» бизнеса. Серьезной проблемой стала деквалификация рабочей силы, деградация человеческого капитала, вызванная закрытием и перепрофилированием высокосложных современных производств, в особенности в области машиностроения, электроники и т. д.[359].

Наиболее явно архаизация «исключенных» социальных анклавов проявляется в провинции, что позволяет специалистам констатировать наличие дихотомии «столица – провинция (периферия)» в нескольких проявлениях: структурном (столица остается высшим этажом государственной иерархии и одновременно ее центром, а провинция – ее нижним этажом и периферией); пространственном (искусственный ландшафт столицы противопоставлен большей естественности провинциального пространства); временном (столица

[359] *Зарубина Н.Н.* Упрощение массовых социальных практик как вектор трансформации повседневности в сложном социуме // Историческая психология и социология истории. 2013. Т.6. № 2. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.socionauki.ru/journal/ipisi/archive/2013_2/. (дата обращения: 20.10.2015).

живет вне времени, а провинция остается в промежутке между настоящим и прошлым)[360].

По мере трансформационных изменений российское общество становится сегментированным, распадается на отдельные пространственно-временные анклавы, где происходят разнонаправленные социальные процессы, несовпадающие и по темпоральным характеристикам. Поэтому трудно вывести какую-то единую формулу, описывающую социальные изменения, и очертить общую траекторию трансформационного развития. Векторы эволюции разные: с одной стороны, выделяется Москва и крупные города, где складывается постиндустриальное общество со всеми его признаками, с другой – консервируется индустриальная Россия. Особо выделяется такой анклав, как бедная и деградирующая деревня. В качестве отдельных анклавов существуют также национальные республики Северного Кавказа, а также другие субъекты, развивающиеся по иной траектории. Социальная среда оказалась разделенной на сегменты. В результате, по оценкам специалистов, развилась аномия на уровне трансформирующейся социетальной макросреды при сохранении немодернизируемых анклавов в микросреде повседневных практик; оказалась высока степень неопределенности и риска[361].

Соответственно, разделенными на сегменты, асимметричными, дифференцируемыми между социальными слоями, городами и регионами становятся доверие и недоверие как ментальные установки в современном российском обществе. При этом недоверие обладает дезинтеграционным потенциалом, обусловленным сегментированностью, распадом социума на отдельные пространственно-временные анклавы, разнонаправленностью и несовпадением социальных процессов, происходящих в них.

---

[360] *Комова В.А.* Дихотомия «столица – провинция» в российском культурном пространстве // Молодой ученый. 2014. № 12. С. 449–451.

[361] *Ульяновский М.П.* Институциональная трансформация российского общества: Аспект социальной безопасности: дис. ... канд. социол. наук: 22.00.04 / Ульяновский Михаил Павлович; Краснодар. ун-т МВД России. Краснодар, 2006. 151 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.dissercat.com/content/institutsionalnaya-transformatsiya-rossiiskogo-obshchestva-aspekt-sotsialnoi-bezopasnosti. (дата обращения: 09.11.2015).

Вызовы, с которыми столкнулась Россия в XXI веке, предъявляют российскому обществу новые требования, стоящие не только перед властью и элитой, но и перед обществом в целом. Очевидно, что для эффективного решения задач развития любого общества (и современное российское не является исключением) требуется взаимное доверие между ключевыми социальными субъектами, каковыми являются, в частности, население и властные институты. Неслучайно в последние годы без упоминания о необходимости доверия не обходится, по сути, ни одно публичное выступление или обращение первых лиц государства[362]. В ходе последней предвыборной парламентской и президентской кампаний резко возросло количество поездок по стране и встреч с гражданами кандидатов в президенты и на пост премьер-министра. Одной из их целей, очевидно, являлась попытка задействовать имеющийся личностный ресурс легитимного доверия для того, чтобы самим начать движение от точки недоверия (или его недостатка) к взаимопониманию. Власти и президенту предстояло столкнуться с трудностями субъективного порядка и, в частности, отсутствием доверия народа к новым программным лозунгам и обещаниям из опасения, что многие из них, как и предыдущие, не будут выполнены. В связи с этим вполне оправданными были опасения по поводу угрозы потери властью ее реальной легитимности при формальном сохранении всех своих ресурсов влияния в категории наиболее продвинутой, критически мыслящей части населения (среди них – довольно молодые, со средним уровнем достатка жители крупных городов, патриотически ориентированные элиты, квалифицированные специалисты, рабочие и предприниматели в инновационных отраслях, студенчество и молодые учёные, соотечественники за рубежом, а также солидное по численности интернет-сообщество**).**

Поскольку общество деструктурировано, то существуют и социальные слои – противники модернизации. Среди них в Аналитическом докладе РАН

---

[362] См.: Путин В.В. Программа 2012–2018. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http:// www.rg.ru/2012/01/12/putin-site.html. (дата обращения: 20.01.2012).

2010 г. названы, в частности, криминальные сообщества, коррумпированная часть чиновничества, «офисный планктон», консервативная часть силовых структур власти[363].

Что же касается большинства общества, то оно, как правило, всегда в своей массе пассивно, консервативно и относится к любым переменам, нарушающим привычный жизненный уклад, с недоверием и опаской. Поэтому властные институты не могут рассчитывать на всенародное доверие и поддержку инициируемых «сверху» реформ.

В таких условиях опорой трансформационных и модернизационных перемен может стать лишь наиболее продвинутая и активная в социальном отношении часть общества, разделяющая их цели. Несмотря на «параллелизм» социальных миров отдельных социальных групп и социальных анклавов, в российском обществе, по оценкам специалистов, намечается тренд на формирование независимой и активистской социальной доминанты, который представлен несколькими ее ресурсами.

Один из таких ресурсов отличается наибольшей социальной активностью. Это интегральная социальная общность «креативный класс», способный выполнить функцию социальной поддержки трансформационных и модернизационных перемен, основанных на развитии доверия как установки общественного сознания и социальных практик. «Креативный класс» представляет собой новый социальный слой, «класс личностей», включающий представителей самых разных социально-профессиональных групп, сплоченных на основе массовых созидательных практик. Креативный класс, выступающий «локомотивом социальных перемен», «социальной силой», выделяется по принципу хорошей работы (работы, сочетающей достаток и самореализацию), что соответствует целям модернизационного проекта – раскрытию человеческого потенциала российского общества, поскольку

[363] Готово ли российское общество к модернизации. Аналитический доклад. М.: ИС РАН, 2010. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.isras.ru/index.php?page_id=1413. (дата обращения: 28.11.2014).

основная цель модернизации имеет человеческое измерение. Новый класс проявляет себя на уровне регулярных социальных акций, участия в различных локальных и региональных проектах, демонстрируя тем самым ресурс доверия государству, выражая готовность разделить с ним ответственность за судьбы страны, но при этом нуждаясь в поддержке разных слоев общества, в доверии к социальным инициативам[364]. Этот новый класс может, таким образом, способствовать раскрытию человеческого потенциала российского общества, составить человеческий ресурс модернизации и повысить «градус» доверия на макросоциальном уровне.

Другой, более независимый от государства социальный ресурс, имеющий перспективу стать социальной доминантой российского общества, опорой стабильного и устойчивого развития – это «самодостаточные россияне», существенная по объемам и растущая социальная группа, «критерием которой выступает способность людей (по самооценке) успешно существовать и обеспечивать себя, рассчитывая только на свои силы и не уповая на государство»[365]. По результатам всероссийских исследований ИС РАН «Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах» (октябрь 2014 – март 2015гг.) выявлено, что «самодостаточность», тесно связанная с активностью, предприимчивостью, достижением материального и социального успеха, выступает ключевой характеристикой жизненных установок более 40% россиян. Характерно, что многие представители этой группы (43%) воспринимают свою жизнь через призму гражданственности и полезности для общества, а не только для себя и своей семьи. В этой связи специалисты делают вывод, что «самодостаточные» могут выступать группой, которая будет наиболее активно участвовать в деятельности формирующихся в последнее время многочисленных

[364] *Волков Ю.Г.* Креативный класс: логика социального становления // Гуманитарий Юга России. 2013. № 3. С. 128–140.

[365] *Горшков М.К.,* Седова Н.Н. «Самодостаточные» россияне и их жизненные приоритеты // Социологические исследования. 2015. № 12. С. 4–16.

внеинституциональных форм общественной самоорганизации, которые создаются и действуют в логике, альтернативной традиционным политическим институтам[366].

Среди таковых называют общественные формирования, которые в силу своих возможностей пытаются принудить властные институты (главным образом регионального уровня) выполнять свои прямые обязанности и, таким образом, оказывают влияние на государство. Это так называемые «движения одного требования» – обманутых пайщиков и дольщиков жилищного строительства, экологические движения, защитники архитектурного наследия, в также многочисленные волонтерские формы участия и гражданские инициативы (к примеру, благотворительный сбор средств для нуждающихся в помощи), в которых задействованы сетевые ресурсы[367]. Этот тренд – развитие многообразных форм общественной самоорганизации и возможный их перевод в русло политического участия в виде создаваемых гражданскими активистами общественно-партийных холдингов, «партий одного требования» и других альтернатив традиционным политическим институтам, по оценкам некоторых специалистов, имеет перспективу стать ключевым направлением современного этапа становления российской демократии[368].

Перспективы развития доверия в деструктурированном и трансформируемом российском обществе представляются оптимистичными по причине еще одного факта. Несмотря на разобщенность и социальную дифференцированность, в обществе все же сохраняется ментальное и мировоззренческое единство. Путем эмпирических замеров жизненных установок россиян, представляющих самые разные социальные слои, установлено, что для большинства людей не утрачены такие признаки солидарности, как общие моральные ориентиры. Они связаны с общественной полезностью, сопричастностью к общему делу, духом коллективизма. «Быть

---

[366] *Горшков М.К., Седова Н.Н.* «Самодостаточные» россияне… С. 11.
[367] *Петухов В.В.* Демократия и участие: новые вызовы // Свободная мысль. 2013. № 2. С. 115–131.
[368] *Петухов В.В.* Указ соч. С. 131.

полезными» обществу хотят не менее 12% населения страны в возрасте от 18 до 55 лет, и это одинаково распространенный во всех возрастных группах показатель, причем он возрастает в зависимости от уровня дохода (до 18%), от образования (среди имеющих высшее образование – до 16%) и от профессионального статуса (до 18% профессионалов и до 20% руководителей первого уровня). Желание «внести свою лепту» в процветание страны, а не жить, руководствуясь лишь собственными интересами, наблюдается в установках большинства населения (52%). Другая же половина граждан (48%) ответили, что предпочитают жить так, как им хочется, и не думать о стране. Этот индивидуализм, по мнению специалистов, скорее всего – лишь ответ на российские реалии (по принципу «как вы со мной, так и я с вами»), а также результат длительного отсутствия общезначимых целей, разочарование в возможности их наличия, чем результат индивидуализма как последовательной жизненной позиции. Ценности и идеалы советского идеологического проекта – идеалы жертвенного служения стране, остались в прошлом и неспособны сегодня конкурировать в массовом сознании с задачами обеспечения благополучия себя и своей семьи. Тем не менее, и сегодня они остаются важным компонентом ценностно-нормативной системы, а значит – ментальных установок значительной части населения[369].

Высокая значимость для россиян макроидентичностей тесно связана еще с одной ментальной особенностью, а именно – актуализацией в современных условиях запроса на справедливое и разумно устроенное общество, который можно отнести к числу традиционных установок, характерных для русской культуры.

Однако низкая эффективность деятельности ведущих политико-правовых социальных институтов приводит к нарастанию недовольства россиян тем, что реально происходит в сфере общественного устройства и, как следствие, в

[369] *Тихонова Н.Е.* Мечты россиян «Об обществе» и «О себе»: можно ли говорить об особом российском цивилизационном проекте? // Общественные науки и современность. 2015. № 1. С. 56.

сфере культуры и ценностей. Это подрывает традиционные ментальные основания российского цивилизационного проекта и размывает доверие к нему, порождая «неверие в возможность реализации в России в ближайшие десятилетия даже базовых принципов социальной справедливости»[370].

Данное обстоятельство, в свою очередь, актуализирует для большинства населения рост ценностей микроуровня, а в условиях негативных социально-политических и социально-экономических факторов сегодняшнего времени – также доминирование простейших, базовых для стабильного выживания потребностей, которые ложатся в основу ценностно-нормативной системы и характеризуют пессимизм социальных настроений и установок. Они связаны с наличием хотя бы минимального достатка, содержания отдельного жилья, возможностей дать детям образование, поддержать здоровье своё и своей семьи («не до жира, быть бы живу»). Интересно, что еще недавно, в последнее десятилетие, для большинства населения была характерна иная установка, ориентированная на более высокие потребности и задачи («жить не хуже других»), что породило, к примеру, «бум» потребительского кредитования. Сегодня же, согласно данным опроса по проблеме потребительского и кредитного доверия, проведенного ВЦИОМ в августе 2015 г., большинство россиян (58%) считают, что надо тратить свои доходы по минимуму, стараясь больше отложить про запас, на худшие времена; 64% опрошенных оценивают нынешнюю ситуацию как не самое лучшее время, чтобы делать крупные покупки, и 78% – чтобы брать кредиты[371].

В условиях роста ценностей микроуровня, которые постепенно завоевывают позиции основания общественной ценностно-нормативной системы, следует, по-видимому, ожидать некоторого развития социальных практик, основанных на доверии. Такого рода практики могут расширять рамки

---

[370] *Тихонова Н.Е.* Мечты россиян «Об обществе» и «О себе»: можно ли говорить об особом российском цивилизационном проекте? // Общественные науки и современность. 2015. № 1. С. 52–63.

[371] ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 2926. [Электронный ресурс]. 09.09.2015. Режим доступа: http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115385**.** (дата обращения: 03.10.2015).

реципрокного (основанного на взаимном исполнении обязанностей) обмена за пределы «ближнего круга», на уровень «родственно-дружеского» круга отношений. Реципрокность, как один из особых принципов экономической организации и социальной интеграции, представляет собой «обмен дарами на нерыночной основе. … . Понятия, составляющие сущность реципрокности – дар, сеть, доверие, взимопомощь и т.д.»[372]. Доверие в данном случае выступает в качестве одной из неинституциональных норм реципрокного обмена. Нарушение этой неписанной нормы поведения в «экономике дара» карается такой санкцией, как лишение доверия, что означает исключение провинившегося из сети реципрокных взаимодействий и имеет уже отношение к недоверию.

***

Теоретическим основанием, позволяющим концептуализировать доверие и недоверие как ментальные установки, является синтез концептуальных идей и подходов к установке, сформулированных в социальной психологии и социологических теориях личности. Доверие, формируясь на этапе первичной социализации в раннем детском возрасте в качестве установки, то есть неосознанной предрасположенности и осознанной готовности субъекта к действию, на завершающем этапе первичной социализации диффузирует в доверие и недоверие как ментальную установку, обуславливающую социальные практики. Социально-философский ракурс выводит рассмотрение ментальности (менталитета) за рамки психологического и культурологического их понимания как сугубо духовных, «надстроечных» по отношению к социальному бытию и историческому развитию феноменов, основывается на исследовании их сущности и роли в жизни общества и делает акцент на

[372] *Барсукова С.Ю.* Нерыночные обмены между российскими домохозяйствами: теория и практика реципрокности. М.: ГУ ВШЭ, 2004. 52 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www. ecsocman.hse.ru/text/16212570/. (дата обращения: 09.07.2015).

двуединой природе менталитета, включающей духовно-психологический и социальный, ценностно-смысловой компоненты. В таком ракурсе доверие и недоверие как ментальная установка, обуславливая социальные практики, определяет стратегию поведения индивидов и социальных групп на микро- и макроуровне социального взаимодействия.

В межличностных взаимодействиях важную роль играют эмоциональный и когнитивный компоненты доверия и недоверия как ментальной установки. Соответственно имеет значение эффективное управление этими компонентами с целью создания положительного впечатления о себе, тем самым преодолевая и/или минимизируя недоверие, что возможно при условии сочетания совокупности эмоциональных, рациональных и эмоционально-рациональных психологических факторов, таких как аттракция, ассертивность, фасцинация, предрасположенность к конформизму и коллективизму. К неблагоприятным эмоционально-психическим состояниям, осложняющим доверительное взаимодействие, относится фрустрация.

По мере взросления индивида круг агентов и институтов социализации расширяется, усиливается влияние средств массовых коммуникаций и Интернета, что создает новые возможности для моделирования доверия и недоверия с помощью механизмов аттрактивности (привлекательности) как «обольщения», соблазна богатством выбора из изобилия потребительских благ и услуг, стимуляции новых потребительских запросов. В информационном обществе формируется коммуникативное доверие как составная часть коммуникативного сознания, способствующая достижению эффективности социальной коммуникации и формированию коммуникативной идентичности как одного из качеств коммуникативной личности, т.е. личности, обладающей компетенциями социального коммуникатора. В случае, когда личностное социальное взаимодействие заменяется виртуальным общением, формируются виртуальное доверие и недоверие, порождающие отчуждение от реальности и социальное отчуждение. Эти формы отчуждения размывают коммуникативную идентичность как новое социальное качество личности, появившееся в

коммуникативном обществе, и осложняют процессы социализации личности. Возникают и развиваются по нарастающей новые компоненты доверия и недоверия как ментальной установки, среди них – рискогенная составляющая, проявляющаяся в недоверии к информации, перегруженности ею, проблеме безопасности личных данных, возможности манипулирования сознанием. Возрастают риски, а значит, трансформируется доверие и недоверие. Соответственно осложняется формирование доверия.

На макросоциальном уровне в российском обществе происходит снижение доверия и доминирует недоверие, связанное с разными формами отчуждения. Эти формы сохранились с советских времен и трансформировались в постсоветском обществе, включая признаки западных видов отчуждения, привнесённые в процессе рыночных реформ, становления общества потребления и медиатизации. Выявляется двухсторонняя связь между отчуждением и недоверием. С одной стороны, отчуждение выступает как социокультурная причина существования недоверия. С другой стороны, причиной отчуждения во всех его видах и формах выступает деформация доверия и недоверия как ментальных установок, во-первых, перенесенных из советской в постсоветскую социальную реальность и адаптированных к ней, и во-вторых, появившихся в современном российском обществе.

Истоки формирования доверия и недоверия как ментальных установок в современном российском обществе закладывались главным образом в советском прошлом. Это было обусловлено детерминантами экономического, геополитического, идеологического, психологического и социокультурного порядка, формировавшимся в тесном взаимодействии друг с другом. Взаимосвязанными являются, в частности, экономические и геополитические детерминанты экономического отставания СССР, что обусловлено, в том числе, и нерешенными экономическими проблемами досоветского этапа развития. Среди факторов идеологического характера доминируют ведущие идеологемы советских времен – «советский патриотизм», формирующий установку на доверие к советскому социалистическому строю, и его антипод – «образ врага»,

формирующий установку на недоверие ко всему западному, капиталистическому; а также «уверенность в завтрашнем дне», имеющая прямую и обратную связь с патернализмом и такими видами отчуждения, как отчуждение от управления, творческой инициативы и самостоятельности. Отчуждение является наиболее значимым историко-социокультурным детерминантом, формирующим основания недоверия как ментальной установки. Среди психологических и социокультурных детерминант доминирует дихотомия «свой-чужой» как свидетельство антиномии социальных взаимодействий и возведения двоемыслия в социальную норму.

В результате распространяются «псевдодоверие» и «псевдонедоверие» как «неподлинные» формы, суррогаты, замещающие доверие формами «помощи», «услуги», обесценивающими эмоционально-нравственные доминанты «подлинного» доверия. В результате, уже в советском обществе существовала дихотомия «доверие-недоверие», в рамках которой доверие и недоверие являлись относительно самостоятельными ментальными установками, порождаемыми антитезами экономического, геополитического, идеологического, психологического и социокультурного характера.

В 90-х гг. в рамках данной дихотомии наблюдался рост недоверия и, соответственно, угасание доверия, что было обусловлено переломными социальными обстоятельствами и стрессом от быстрых социальных перемен. В 2000-е годы некоторый рост доверия был обусловлен более высоким (относительно 90-х гг.) уровнем социального самочувствия и относительно быстрыми темпами освоения новых ценностей, что сочеталось с использованием широкого спектра активных способов социально-экономической адаптации, в том числе полулегальных и нелегальных, а также с получением отдельными индивидами и социальными группами преференций от государства. В межкризисные 2000–2008 гг. основанием доверия как ментальной установки являлись, во-первых, умеренный социальный оптимизм как ощущение устойчивости позитивных перемен в частной жизни и некоторой уверенности в будущем; во-вторых, ломка прежних стереотипов массового

сознания из-за того, что приобретения, связанные со становлением рыночных отношений и демократии, казались людям более значимыми, чем потери, обусловленные отказом от принципов социализма и советского образа жизни; в третьих, обеспечение внутриполитической стабильности и укрепление внешнеполитических позиций страны на мировой арене.

Основанием недоверия в 2000-е годы являлись также несколько обстоятельств и факторов. Во-первых, это сохраняющаяся со времен 90-х гг. неудовлетворенность значительной части населения неэффективностью государственного управления в социально значимых сферах здравоохранения, образования, соцобеспечения, общественной безопасности. Во-вторых, это частично сохранившиеся как наследие советского прошлого, а также появившиеся в 2000-е гг. новые социально-психологические механизмы, среди которых: 1) вытеснение или перенесение собственного опыта унижения и насилия на символического Другого и проекция на него собственных негативных черт, с чем связан и рост ксенофобий; 2) трансфер заложничества как социально психологический механизм, связанный с превращением собственного страха и неспособности к деятельности в агрессию, направленную на Другого, который выступает с более высокими претензиями и идеалами; 3) ресентимент как символическая социально-психологическая компенсация, перенос, проекция собственных комплексов и вины за собственные неудачи на Другого. В-третьих, росту недоверия способствовал связанный с духовным отчуждением кризис индивидуальной, социально-групповой и общенациональной идентификации.

Современный этап развития российского общества характеризуется, с одной стороны, наличием оставшихся от советского и постсоветского прошлого проблем, с другой стороны – появлением новых трудностей и противоречий трансформирующегося общества, которые становятся составляющими повседневных социальных практик, где усиливается недоверие. Существенная причина социального беспокойства, пессимизма и недоверия как установок общественного сознания – идеологические и духовно-

нравственные разочарования и потери. Отсутствие общественного идеала компенсируется идеализацией советского прошлого. Современное российское общество по мере трансформационных изменений является все более сегментированным, распадается на отдельные пространственно-временные анклавы, где происходят разнонаправленные социальные процессы, несовпадающие и по темпоральным характеристикам. Действие неблагоприятных тенденций накладывается на негативный личный опыт и выступает в качестве фактора, подрывающего социальный оптимизм как основание доверия. Все это придает специфику доверию и недоверию как ментальным установкам, в содержании которых недоверие обладает дезинтеграционным потенциалом.

Однако в российском обществе намечается тренд на формирование независимой и активистской социальной доминанты, представленный несколькими ее ресурсами, создающими перспективу развития доверия. В числе ресурсов: все еще сохраняющееся на основе признаков солидарности и общих моральных ориентиров мировоззренческое единство, тенденция к общегражданской интеграции и формированию общегражданских ценностей; актуализация запроса на справедливое и разумно устроенное общество; формирование «креативного класса» и новой социальной группы «самодостаточные россияне», способных стать социальной опорой для стабильного и устойчивого общественного развития, выполнить функцию социальной поддержки модернизации и повысить «градус» доверия на всех его уровнях; возможная консолидация общества вокруг властных институтов из-за усиления внешней угрозы в условиях внешнеполитического кризиса; рост ценностей микроуровня, постепенно завоевывающих позиции основания общественной ценностно-нормативной системы. С другой стороны, можно предположить, что в экономических условиях западных санкций, спада экономики, раскручивания инфляции, повышения уровня безработицы и других негативных социально-экономических факторов будет расти недоверие, поскольку доминирование в числе ценностей простейших, базовых для

стабильного выживания потребностей характеризует рост пессимизма социальных настроений и установок россиян.

ГЛАВА 4. ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ДОВЕРИЯ И НЕДОВЕРИЯ КАК СОЦИАЛЬНЫХ ПРАКТИК В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

4.1. Теоретико-методологические проблемы изучения институционализации доверия и недоверия как социальных практик

Исходя из методологии исследования, переходя к сюжету, связанному с изучением институционализации доверия и недоверия как социальных практик в российском обществе, следует рассмотреть различные теоретические представления о сущности социальных институтов, которые сложились в рамках классического институционализма и неоинституционализма, и выявить теоретико-методологические проблемы изучения институционализации доверия и недоверия как социальных практик.

Первоначальный (классический) институционализм исходил из рациональных оснований институтов, их формализованной структуры, правового статуса и официальных целей деятельности. М. Вебер считал институты общественными учреждениями, обладающими рациональными установлениями, аппаратом принуждения, обеспечивающим посредством принудительных санкций поведение людей в соответствии с общественно принятыми нормами. Автор различал институты в виде рациональных и формализованных объединений, а также союзов, например, семьи[373].

Сформированный к середине 1980-х гг. обновлённый институционализм (неоинституционализм) смещает исследовательский акцент от анализа организаций к сообществам и пространствам (полям) и трактует институты в свете взаимодействия формальных норм и неформальных правил игры. Источником воспроизводства институтов признаётся легитимность в массовом сознании, привычки и практические действия, а не правовые нормы. Формальная структура общества рассматривается не как юридически заданная,

---

[373] *Вебер М.* Избранные произведения. Пер. с нем./ Сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова. М.: Прогресс, 1990. С. 536–537.

а как символически обусловленная. Неоинституционализм уже на этапе своего формирования разделился на несколько самостоятельных направлений: нормативный неоинституционализм (Дж. Марч, Й. Олсен), неоинституционализм рационального выбора (Д. Норт, Э. Остром, К. Шепсл), исторический неоинституционализм (Т. Скокпол, К. Телен, П. Холл и др.), социологический неоинституционализм (П. Димаджио, Ф. Селзник, У. Пауэлл). Позднее сформировались современные школы неоинституционализма: конструктивистский, дискурсивный (концептуальный), структурный, сетевой, когнитивный неоинституционализм[374].

Нормативный неоинституционализм делает акцент на способности учреждений, организаций вырабатывать нормы и ценности. Институционализация нормы охватывает процесс от зарождения в качестве неформальной и локальной до превращения в рутинную и опривыченную. В этом направлении достигнут синтез структурно-функционального и социокультурного аспектов анализа, установлена зависимость институтов от истории и культуры и «укоренённость» в них.

Неоинституционализм рационального выбора главную роль отводит рациональному актору, который определяет для себя наиболее удачную стратегию поведения, опираясь на расчёт издержек и прибыли. В политологическом и экономическом неоинституциональном дискурсе классическим признано определение института, сформулированное представителем этого направления Нобелевским лауреатом Д. Нортом: «институты – это «правила игры» в обществе, или, выражаясь более формально, созданные человеком ограничительные рамки, которые организуют взаимоотношения между людьми…, задают структуру побудительных мотивов

[374] Цит. по: Кокорхоева Д.С. Современные исследования институтов политической власти (сравнительный анализ теорий)// Научные ведомости Белгородского гос. ун-та. Серия «История. Политология. Экономика. Информатика». 2010. Вып. 14. № 7 (78). С. 208.

человеческого взаимодействия – будь то в политике, социальной сфере или экономике»[375].

Исторический неоинституционализм определяет институты как первичные по отношению к акторам формальные и неформальные нормы, соглашения и процедуры, уходящие своими корнями в организационную структуру той или иной общественной системы, обеспечивая ее долгосрочную преемственность, а не реформы и инновации.

Социологический неоинституционализм делает акцент на организационном механизме общественных структур, норм, практик, изучая роль институтов в агрегировании интересов индивидов и социальных групп. Установлено, что институты состоят из когнитивных, нормативных и регулятивных структур и деятельностей, которые производят стабильность и придают значимость социальному поведению. Неоинституциональный подход в его социологической интерпретации берет начало в идущей от К. Поланьи и М. Грановеттера концепции социальной укоренённости действия, в которой подчёркивается доминирующая роль социального контекста отношений перед любыми другими (экономическими, политическими и т.д.) смыслами действий. Один из современных вариантов неоинституционализма даёт возможность рассматривать неформальные практики как структуры, складывающиеся на базе социальных сетей, организованных по принципам реципрокного обмена и конвертации форм капитала[376].

Как соотносятся социальные институты и социальные практики? Соотношение содержания института с нормами и другими элементами социальных практик – дискуссионный вопрос неоинституциональных теорий.

---

[375] *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Пер. с англ. А.Н. Нестеренко; предисл. и науч. ред. Б.З. Мильнера. М.: Фонд экономической книги Начала, 1997. С. 17.

[376] *Леонтьева Э.О.* Институализация неформальных практик в сфере высшего образования: дис. …д-ра. социол. наук: 22.00.04 / Леонтьева Эльвира Октавьевна; Тихоокеан. гос. ун-т. Хабаровск, 2010. 352 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.dissercat.com/content/institualizatsiya-neformalnykh-praktik-v-sfere-vysshego-obrazovaniya#ixzz3kES0f6bo. (дата обращения: 10.11. 2015).

Ж.-Э. Лэйн и С. Эрссон выделяют «тонкую» и «толстую» интерпретацию института. «Тонкая» определяется теорией рационального выбора, в соответствии с которой институты есть правила, существующие в форме разнообразных норм, регулирующих человеческую деятельность и являющихся вариантами сознательного выбора акторов. «Толстая» интерпретация рассматривает в составе института не только нормы, но и элементы практики[377].

Представители нормативного неоинституционализма Дж. Марч и Й. Ольсен рассматривают институты в широком смысле и относят к ним «установившуюся практику (рутину), процедуры, обычаи, роли, стратегии, организационные формы, технологии, убеждения, парадигмы, моральные нормы, культуру и знания»[378].

Признавая чрезвычайную многогранность институционализации порядка, П.Н. Панов предлагает элиминировать дискуссии вокруг понятия института с помощью концепта «институциональные практики», достаточно часто интерпретируемого Э. Гидденсом как совокупности социальных взаимодействий, глубоко укорененных в пространстве и времени[379].

Проблема институционализации практик в настоящее время является недостаточно изученной. Как теоретическое направление социальных исследований, оно пока только формируется. Среди специалистов нет единого мнения о том, что означает явление институционализации, какова его объективная основа и механизм. В рамках социально-конструктивистского подхода И.А. Журавлева отмечает, что, несмотря на разницу позиций исследователей в отношении концептуализации институтов, они едины в том, что и правила (нормы), и когнитивные схемы, и культурные смыслы возникают

---

[377] *Lane J-E., Ersson S.* The New Institutional Politics: Performance and Outcomes. London and N.Y.: Routledge, 2000. P. 4.

[378] *March J.G., Olsen J.P.* Rediscovering Institutions: The Organizational Basis of Politics. N.Y.: The Free Press, 1989. P. 22.

[379] *Панов П.В.* Институты и институциональные практики: проблема концептуализации // Вестник Пермского университета. Серия «Политология». 2010. № 4. С. 34–47.

в процессе социальных взаимодействий и существуют в практиках социальных взаимодействий. Поэтому определение практик в качестве «институциональных» должно включать признаки, связанные с процессом институционализации порядка: социальное конструирование социальной группы; воспроизводство норм и правил, сложившихся в ней; коллективное осмысление акторами своих взаимодействий. Институты придают практикам социальных взаимодействий признак устойчивости, в котором и проявляет себя социальный порядок. Придерживаясь подходов и логики, лежащих в русле системно-структурных построений, данный автор определяет социальный институт как «совокупность правил поведения, трактуемых в широком смысле как ментальные конструкции, укорененные в обыденном или специализированном сознании и определяющие устойчивые формы совместной деятельности людей в соответствующем диапазоне целеполагания: в социальной, политической или экономической сферах». Такая позиция основана на «признании корреляционной зависимости трансформации базовых институтов в социальной системе»[380].

Понятия «институт» и «практика» связываются между собой и в концепции институциональных матриц. Один из ее авторов С.Г. Кирдина показывает эту связь через определение социальных институтов: институты – это «глубинные, исторически устойчивые формы социальной практики, обеспечивающие воспроизводство социальных связей и отношений в разных типах общества»[381].

Включаются ли неформальные правила (отношения, нормы, процедуры, практики) в понятие социального института – еще один из дискуссионных вопросов институционального дискурса**.** Некоторые авторы полагают, что

---

[380] *Журавлева И.А.* Институционализация социальных практик и трансформация социальных институтов в обществе знаний // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2001. № 7 (13): в 3-х ч. Ч. II. Тамбов: Грамота, 2011. С. 77–82.

[381] *Кирдина С.Г.* Институциональные матрицы и развитие России. Введение в X-Y-теорию. 3-е изд. М., СПб.: Нестор-История, 2014. С. 17.

институты носят только формальный характер, обусловленный их отличием от неформальных обычаев. Другие исследователи считают, что такой подход не оправдан, поскольку упускает из виду многочисленные, присущие любой организации «сами собой разумеющиеся», то есть неформализованные правила поведения[382].

Д. Норт выражает утвердительный ответ многих исследователей на этот вопрос, выделяя три институциональных среза: формальные правила, неформальные ограничения, и эффективное обеспечение соблюдения этих правил и ограничений. Поэтому «институты включают в себя все формы ограничений, созданных людьми для того, чтобы придать определенную структуру человеческим взаимоотношениям. ...Они бывают и формальными и неформальными... . Иными словами, они состоят из формальных писаных правил и обычно неписаных кодексов поведения, которые лежат глубже формальных правил и дополняют их…»[383].

В основании формальных институтов лежат формальные отношения, то есть открытые, публичные отношения между людьми, находящиеся под постоянным социальным контролем. Формальные отношения – это отношения, уже институционализированные в обществе. Неформальные отношения – это отношения, которые, во-первых, складываются и затем могут институционализироваться в обществе, дополняя (обогащая) существующую институциональную структуру общества (например, вследствие появления новых секторов социального взаимодействия), являясь результатом развития самого общества, ответом на возникающие потребности; во-вторых, это «те отношения, которые не могут быть институционализированы по разным

---

[382] *Зазнаев О.И.* Вторая молодость «долгожителя»: концепт «политический институт» в современной науке // Проблемы политической науки. Науч. ред. М. Х. Фарукшин. Казань: Центр инновац. технологий, 2005. С. 3–29.

[383] *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Пер. с англ. А.Н. Нестеренко; предисл. и науч. ред. Б.З. Мильнера. М.: Фонд экономической книги Начала, 1997. С. 18–19.

причинам»[384]. Если формальные практики и институты опираются на жесткую иерархию отношений, то в неформальных институтах подобная структура носит ситуационный характер.

Неформальные социальные структуры и, соответственно, неформальные практики и институты можно рассматривать как спонтанно сложившуюся систему социальных связей, основанную на личностных неформальных отношениях.

Существующие в научном дискурсе исследования неформальных практик и институтов основываются на разных концептуальных основаниях и обусловлены дисциплинарной спецификой их исследования. Институциональные теории как методологический базис получили широкое распространение в социальных науках.

Представители институционализма в политической науке Г. Хелмке и С. Левитски определяют неформальные институты как «принятые в обществе, обычно неписаные правила, создающиеся, становящиеся известными и насаждающиеся вне официально санкционированных каналов»[385]. Типология неформальных институтов, предложенная данными авторами, исходит из нормативной трактовки и берет за основу функциональный подход. Выясняется, какие функции неформальные институты выполняют по отношению к формальным и какова логика их взаимодействия с ними: дополнение недостаточно подробных или однозначных норм, или замещение правовых «пробелов», или приспособление действующих норм к интересам исполнителей, или создание альтернативной, конкурирующей нормы. В политической науке неформальные политические практики анализируются как особый способ концептуализации власти, поэтому представляют собой

---

[384] *Ярулин К.И.* Институционализация неформальных социальных практик: дис. ... канд. социол. наук: 22.00.04 / Ярулин Константин Илдусович; Тихоокеан. гос. ун-т Хабаровск, 2012. 162 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.dissercat.com/content/institutsionalizatsiya-neformalnykh-sotsialnykh-praktik#ixzz3hS9fq3kN. (дата обращения: 06.11.2015).

[385] *Хелмке Г., Левитски С.* Неформальные институты и сравнительная политика // Прогнозис. 2007. № 2. С. 188–211.

«взаимодействия индивидов в сфере политических отношений на основе принятых в данном обществе норм и порядков, не закрепленных законодательно»[386].

Исследование механизма взаимосвязи трансформационных изменений в социальных практиках и социальных институтах позволяет выяснить, как накапливающиеся сдвиги в «низовых» практиках постепенно приводят к качественной трансформации самих социальных институтов. Наряду с целенаправленным реформированием институтов «сверху», осуществляется их спонтанное изменение «снизу». Это означает, что преобразование институциональной структуры общества представляет собой, в первую очередь, социокультурный процесс, внешним проявлением которого служит качественное изменение массовых социальных практик. Следовательно, главным критерием оценки результатов институциональных реформ служит «изменение общественных практик»[387].

Появление в ходе стихийного социального взаимодействия социальных норм и правил является одним из начальных этапов институционализации, поэтому доверие и недоверие интерпретируется некоторыми исследователями как норма поведения, которая принимает форму неформального (не закрепленного на законодательном уровне) института. Е.В. Жуковская определяет норму доверия в экономической сфере общества с точки зрения субъектно-объектных отношений как норму поведения, «при которой действия субъекта подразумевают его положительное мнение относительно добросовестности, надежности либо качества объекта доверия и принятия субъектом рисков, связанных с необоснованностью данного мнения». Доверие

---

386 *Будко Д.А.* Неформальные политические практики: проблемы концептуализации // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 5 (31): в 2 -х ч. Ч. II. С. 31.

387 *Ульяновский М.П.* Институциональная трансформация российского общества: Аспект социальной безопасности: дис. ... канд. социол. наук: 22.00.04 / Ульяновский Михаил Павлович; Краснодар. ун-т МВД России. Краснодар, 2006. 151 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.dissercat.com/content/institutsionalnaya-transformatsiya-rossiiskogo-obshchestva-aspekt-sotsialnoi-bezopasnosti.

как норма поведения вследствие институционализации принимает форму базового неформального института – институционализированного доверия. Сама институционализация представляет собой достаточно сложный процесс, состоящий из нескольких этапов и зависимый от внутренней проекции нормы доверия. В экономической сфере общества автор выделяет институты доверия (к примеру, институт кредитования), институты недоверия (контракт, страхование) и институты, нейтральные по отношению к норме доверия (институт денег)[388].

В экономических науках неформальные практики рассматриваются как особый тип рационального поведения агентов, имеющий нормативную характеристику. Соблюдение нормы доверия положительно коррелируется с бизнес-результатом (прибылью или снижением транзакционных издержек), поэтому норма доверия представляет собой один из относительных экономических показателей. Воспроизводимая хозяйствующими субъектами, норма доверия подвижна и способна меняться, исходя из складывающейся в каждый данный момент экономической конъюнктуры.

В организационно-хозяйственных отношениях «норма доверия» фиксируется как определенный уровень умений оказывать доверие и вызывать доверие у партнеров в соответствии с ожиданием. Норму доверия помещают в область компетенций не только руководителя, но и рядового сотрудника любой организации. Норма доверия означает ценностно-нормативную качественную определенность социальных отношений и характеризуется наличием таких универсальных индикаторов, как ощущение внутреннего органического единства и неразрывности с другими людьми, толерантности, удовлетворенности этими отношениями.

Институциональная теория используется в политической науке для объяснения природы политического доверия и недоверия. Утверждается, что это доверие зависит от рациональной оценки гражданами работы институтов

[388] Жуковская Е.В. Доверие как норма и процесс ее институционализации // БИЗНЕС ИНФОРМ. 2011. № 8. С. 213–216.

власти. На микросоциальном уровне доверие является следствием и результатом персонального опыта взаимодействия индивида с властью. Данный опыт, в свою очередь, зависит от социальной и экономической позиции, занимаемой индивидом. На макросоциальном уровне преимущественное значение имеет общая оценка деятельности власти, формирующая уровень политического доверия во всем обществе, а также восприятие обществом институтов власти и их достижений в целом. Поэтому уровень доверия к власти, по оценкам специалистов, в разных странах различен и зависит от успехов государственной политики[389]. Американские политологи В. Мишлер и Р. Роуз, используя институциональную теорию микросоциального уровня, пришли к выводу, что в основе распространенного недоверия к власти в постсоветских странах, в том числе России, лежит негативный эмпирический опыт[390].

Социологическая наука также рассматривает доверие и недоверие в качестве нормативной модели социального взаимодействия, которая находится «в составе общего набора институциональных и групповых норм поведения», за несоблюдение и нарушение которых следуют социальные санкции[391].

Делая попытку преодолеть нормативизм анализа в терминах «неформального», опирающийся на существование формальных институтов как точки отсчета, некоторые специалисты предлагают типологизировать неформальные институты, опираясь на их внутреннюю динамику, а не на отношение к другим типам явлений («формальным»). В зависимости от мотива взаимодействия и соотношения статусов и ресурсов (вертикальное или горизонтальное) выделяются виды неформальных личностно-ориентированных

---

389 *March J.G.* Decisions and organizations. Oxford, UK: Blackwell. North, 1988; Douglass C. Institutions, institutional change and economic performance. New York: Cambridge University Press, 1990.

390 *Mishler W., Rose R.* What are the Origins of Political Trust? Testing Institutional and Cultural Theories in Post-Communist Societies. Comparative Political Studies. Vol. 34. No. 1. February 2001, P. 30–62.

391 *Гудков Л.Д.* «Доверие» в России: смысл, функции, структура // Вестник общественного мнения. 2012. № 2. С. 8–48.

взаимодействий: на основании такого мотива, как «рациональный интерес», существуют клиентелизм и равноценный обмен («блат»); на основании мотива «социально-биографически детерминированные связи» – непотизм и досуговые компании; по критерию «эмоциональная притягательность» – фаворитизм и приятельство[392]. Очевидно, что перечисленные виды неформальных личностно-ориентированных взаимодействий имеют место не только в системе государственного и муниципального управления, но и в других сферах общества, и их основанием как раз и являются доверие и недоверие.

Процесс формирования неофициальных (неформальных) практик и их институционализации в условиях институциональной трансформации общества недостаточно изучен. Методологической основой для исследования данной проблематики, по мнению некоторых авторов, может послужить структурный функционализм Г. Спенсера, Э. Дюркгейма, Т. Парсонса. В русле структурного функционализма превалируют поведенческие трактовки института, согласно которым институты есть то, что находит проявление в реальной практике. Постепенное преобразование социальных институтов, легитимирующих неформальные социальные практики, вызывается, главным образом, необходимостью их приспособления к изменяющимся физическим и социальным условиям. В результате такой адаптации происходит дифференциация этих институтов, совершенствование их функций и, как следствие, усложнение всей социальной структуры, что отвечает объективным потребностям как индивидов, так и общества в целом. Процесс формирования неформальных практик и их институционализация рассматривается как ответ на возникшие проблемы в социальном взаимодействии, не получившие соответствующего разрешения через официальную институциональную

---

[392] *Старцев Я.Ю.* Личностно-ориентированные взаимодействия в государственном и муниципальном управлении // Органы власти в системе социальных взаимодействий: социологический, политический и управленческий анализ / А.А. Александров, Т.Е. Зерчанинова, К.Н. Самков, Я.Ю. Старцев. Екатеринбург: УрАГС, 2009. С. 31–59.

систему. Поэтому «неформальные институты компенсируют дисфункции формального института»[393].

Таким образом, в научном дискурсе существуют различные интерпретации социального института. Делая обзор исследовательских подходов к определению данного понятия, И.А. Шмерлина пишет, что «онтологически под социальным институтом можно понимать четыре типа реальности: нормы права, установки обыденного сознания, повседневные статусно-ролевые практики и организации»[394]. Многообразие трактовок, по мнению автора, сводится к двум основным: во-первых, менталистские трактовки, согласно которым институты представляют собой совокупность правил поведения, понимаемых в самом широком смысле как нормы или представления о статусах и ролях; во-вторых, поведенческие трактовки, согласно которым институты есть то, что находит проявление в реальной практике, официальных или неофициальных паттернах взаимодействия, сложившихся в определенных сферах жизни. При этом институты как нормы, включающие правила и ограничения, так или иначе осознаются людьми и связаны с повседневной рефлексией и социальной ментальностью. Институты, понимаемые как установки обыденного сознания относительно способа существования в обществе, включают паттерны статусно-ролевого поведения и «обыденные идеологии» как более или менее осмысленные нормы, «идеологически» мотивирующие социальное поведение[395].

В частности, специалисты, изучающие институты и институциональные практики в сфере межэтнических отношений в экономически развитых странах со сложной этнокультурной структурой, считают, что социальные институты

---

[393] *Ярулин К.И.* Институционализация неформальных социальных практик: дис. ... канд. социол. наук: 22.00.04 / Ярулин Константин Илдусович; Тихоокеан. гос. ун-т Хабаровск, 2012. 162 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.dissercat.com/content/institutsionalizatsiya-neformalnykh-sotsialnykh-praktik#ixzz3hS9fq3kN.

[394] *Шмерлина И.А.* Социальный институт: обзор исследовательских подходов // Социологический журнал. 2008. № 4. С. 65.

[395] *Шмерлина И.А.* Там же. С.57–58, С. 65.

как правила и нормы этнического взаимодействия в сфере межэтнических отношений, являются «не ставшими, а становящимися, проходящими в процессе этнических интеракций стадии интернализации и превращения в когнитивные образования». Институты как когнитивные образования проходят «стадию экстернализации» и становятся в результате «основой тех или иных репертуаров этносоциальных действий», то есть институциональных практик межэтнического взаимодействия, которые «порождают новые социальные институты». Поэтому институциональные практики в сфере межэтнических отношений – это действия, которые обусловливаются институтами как формальными и неформальными нормами этнического взаимодействия[396].

В таком ракурсе социальные практики являются репертуарами социальных действий, во-первых, обусловленными институтами как формальными и неформальными нормами социального взаимодействия; во-вторых, связанными с интернализацией (интериоризацией) институтов путем их интерпретации, то есть перевода институтов как норм в институты как когнитивные образования, лежащие в основе социальных интеракций, а также с переинтерпретацией институтов как когнитивных образований в процессе социальных интеракций; в-третьих, связанными с обратным процессом – экстернализацией институтов как когнитивных образований в институты как старые или новые нормы[397].

Таким образом, в рамках синтеза нормативной и когнитивной концепций социальных институтов, а также неоинституционального деятельностного подхода, институционализация доверия и недоверия как социальных практик может рассматриваться как процесс превращения институтов как норм в институты как когнитивные образования, непосредственно обуславливающие

---

[396] Ценностная политика и институциональные практики в сфере межэтнических отношений в экономически развитых странах со сложной этнокультурной структурой. / Отв. ред. Ю.Г. Волков. Ростов н/Д: Фонд науки и образования, 2015. С. 134–141.

[397] *Лубский А.В.* Социология жизни: методологические проблемы исследования социальных практик // В сб. «Социология жизни: теоретические основания и социальные практики». Под общ.ред. Ж.Т. Тощенко. М.: РГГУ, 2016. С. 38.

доверие и недоверие как социальные практики. Устойчивые неформальные институты как нормы превращаются в институты как когнитивные образования путем прохождения интернализации в процессе социальных интеракций. В результате экстернализации ментальные установки становятся основаниями репертуаров социальных действий, трансформирующих старые или порождающих новые элементы социального порядка, в том числе институциональную среду. Институционализация доверия и недоверия как социальных практик осуществляется в ходе неформальных институциональных практик, подкрепляемых формальными нормативными ограничениями. Когнитивные институты, представляя собой ментальные установки, обуславливают как формальную, так и неформальную институционализацию доверия и недоверия как социальных практик. При этом неосознанные структуры ментальных установок, действующие на микроуровне, лежат в основе повседневных, многократно повторяющихся и опривыченных социальных практик. Осознанные структуры ментальных установок определяют доверие и недоверие как социальные практики на макросоциальном уровне.

П. Бергер и Т. Лукман писали, что социальный порядок создается индивидами и группами в процессе постоянного взаимодействия, возможного на основе экстернализации раннее усвоенных социальных и правовых норм. Поэтому «человеческое существование невозможно в закрытой сфере внутреннего бездействия. Человек должен непрерывно экстернализироватъ себя в деятельности. Эта антропологическая необходимость коренится в биологическом аппарате человека. Внутренняя нестабильность человеческого существования вынуждает его к тому, чтобы человек сам обеспечивал стабильное окружение для своего поведения. Человек должен сам классифицировать свои влечения и управлять ими. Эти биологические факты

выступают в качестве необходимых предпосылок создания социального порядка»[398].

Тенденция к институционализации доверия эмпирически фиксируется отечественными социологами, которые считают, что этот процесс связан «с ростом когнитивной составляющей, более рационалистическим освоением доверия акторами»[399]. Характеризуя «постепенное движение» в сторону институционализации, Д.М. Данкин раскрывает механизм этого перехода. В современном обществе «под воздействием тектонических сдвигов в системах ценностей, по мере возрастания объёма знаний, компетентности индивидов, складывания социальных групп, состоящих из людей расчётливых, деловых, рациональных, происходит замещение (вытеснение) бессознательных, подразумеваемых или привычных, само собой разумеющихся, некалькулируемых элементов феномена более формализованными, более чётко определёнными, зафиксированными во внутриличностных нравственных убеждениях, а затем – в нормах общественной морали и, наконец, – в законах и других юридических актах»[400].

Недоверие, актуализируясь в современном обществе, где «синдром недоверия» (П. Штомпка) принимает форму социальных настроений, также как и доверие, приобретает не только неформальные, но и формальные черты. Современные исследования инновационной культуры организации, к примеру, доказывают некий парадокс, состоящий в том, что доверие и недоверие в организации должны быть на одинаково высоком уровне, так как они одинаково важны для формирования лояльности сотрудников. Лояльность при этом понимается как готовность сотрудников жертвовать чем-то личным ради своей компании, а также как приверженность (эмоциональная привязанность) к организации. «Чтобы сотрудники были лояльны, они должны быть уверены в

---

[398] *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. С. 89.

[399] *Белянин А.В., Зинченко В.П.* Доверие в экономике и общественной жизни. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2010. 164 с.

[400] *Данкин Д.М.* Доверие как фактор стабильности // Ученые записки ИМЭИ. 2012. № 1. Т. 2. С.17.

том, что лично им доверяют. А с другой стороны, сотрудники хотят знать, что существуют четкие критерии оценки их деятельности, что менеджмент вовремя ловит «безбилетников», пытающихся ехать, сидя на чужих плечах»[401]. Данный парадокс показывает тесную взаимосвязь между доверием и недоверием и еще раз подтверждает факт комплексности доверия.

Степень рационального содержания представляется специалистам весьма значимым основанием для структурирования неформальных социальных отношений доверия и недоверия. Среди зарубежных исследователей Э. Усланер отмечает рациональный аспект доверия, определяя его как «реакцию человека на определенный тип поведения других людей, с которыми ему приходилось общаться», то есть доверие, «основанное на знании других людей». Доверие в рациональном его компоненте автор называет «стратегическим» доверием[402].

Доверие и недоверие приобретают устойчивость, будучи сознательно вовлеченным в социальные отношения, что определено социальным контекстом как совокупностью социальных факторов и зависит от особенностей участников доверительных отношений.

В качестве объяснительного концепта в данном ракурсе может быть использован концепт вовлеченности (ангажированности). «Ангажемент» – слово французского происхождения. Понятие ангажированности, по оценкам специалистов, сформировалось «внутри французской интеллектуальной традиции» (Ж. Сартр) и не являлось «достоянием российской гуманитарной науки»[403]. На русский язык термин «ангажированность» переводят как «вовлеченность», «причастность», имея в виду сознательно выбранную

---

[401] *Нестик Т.А.* Недоверие помогает нам доверять друг другу / Интервью с научным сотрудником Института психологии РАН, тренером-партнером компании «Тренинг-Бутик» и сотрудником Центра социальных и психологических исследований Тимофеем Нестиком. [Электронный ресурс]. Режим доступа: planetahr.ru/publication/492. (дата обращения: 04.05.2012).

[402] *Uslaner E.M.* Trust as a moral value/ E.-M. Uslaner // Handbook of Social Capital / ed. by Dario Castig-lione, Jan W. van Deth, Guglielmo Wolleb. Oxford: Oxford University Press, 2008. P.1-3.

[403] *Неменко Е.П.* Проблема социальной вовлеченности/ангажированности художника в версиях французской социологии культуры: дис. … канд. филос. наук: 21.00.01 / Неменко Екатерина Петровна; ФГБОУ ВПО Тюменский государственный университет. Екатеринбург, 2014. С. 21.

социальную позицию, момент сознательного участия. Быть ангажированным – значит быть вовлеченным, занять позицию. Противоположный смысл данного понятия – оставаться в стороне, не быть вовлеченным сознательным участником.

Доверие и недоверие являются результатом развития самого общества, ответом на возникающие социальные потребности и запросы, и в этом смысле отличается ангажированностью.

В обществе складывается такая конфигурация отношений между субъектом и объектом доверия, когда доверие опосредовано недоверием. В качестве доминирующей здесь выступает ситуация использования накопленного опыта социального взаимодействия. Ситуация срабатывает таким образом, что позиция недоверия задается социальным окружением и сознательно выбирается исходя из эмпирического опыта, полученного индивидом. Данный опыт порождает сознательный отказ от доверительных отношений и выдвижение требований дополнительных гарантий для осуществления социальных отношений, причем эти требования публично выражены.

К примеру, индивид, заключивший брак и затем побывавший в ситуации его расторжения и имущественных споров с супругом (супругой) по поводу раздела имущества, в случае повторной ситуации заключения брака, видимо, задумается над гарантиями сохранения своего имущества и прибегнет к оформлению брачного контракта.

Еще один характерный пример – система страхования, в том числе банковского (страхование вкладов, поручительство при кредитовании, призванное свести к минимуму банковские риски). Клиент банка соглашается с институтом поручительства, будучи заинтересованным в кредите. Можно сказать, что обе стороны – и банк, и клиент в определенной степени строят отношения на доверии, но страхуют риски с помощью дополнительных институтов, таких, как залог или поручительство. Недоверие получает здесь формальный статус.

Приходя учиться в вуз, абитуриент совсем не уверен в том, что по его окончанию он получит интересную, достойно оплачиваемую работу в соответствии с полученным дипломом. Тем не менее, он выбирает обучение в данном вузе. В данном случае доверие, основанное на интересе к будущей профессии и заинтересованности в ней, снова опосредуется недоверием.

Появление некоторых социальных институтов, например, сертификации и проверки подлинности товара, вызвано их ролью посредников между доверием (необходимостью завоевать его со стороны производителя) и недоверием (со стороны потребителей и контролирующих организаций) в связи с участившимися практиками фальсификации и обмана потребителей.

На одном из обзорных рекламных сайтов читаем информацию следующего содержания: болгарская продукция парфюмерии и косметики сочетает высокое качество активных ингредиентов, эфирных масел и трав, имеет доступные цены на мировом рынке. Косметической компании, прежде чем попасть на внешние рынки, необходимо пройти процедуру сертификации, связанную с доказательством безопасности продукта. Косметическая продукция, прошедшая специальные испытания на тяжелые металлы и микробиологические анализы, в результате получает «косметический файл», включающий в себя описание всех компонентов и происхождения продукта. Министерство здравоохранения Болгарии издает сертификат, подтверждающий, что продукт может быть экспортирован в конкретную страну, и далее он подвергается анализу регулирующими органами этой страны. Процедура сертификации занимает несколько месяцев, сертификат обновляется каждые два года[404].

[404] Обзор отрасли косметики и парфюмерии. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://rbk-a.com/analitika-i-monitoring/. (дата обращения: 24.11.2014).

4.2. Ангажированность доверия и недоверия как социальных практик в процессе их институционализации в российском обществе

В российском обществе доверие наибольшей степени востребовано, во-первых, в сетевых структурах с небольшим радиусом отношений (семейные, клановые, дружеские) и, во-вторых, в персонализированных институтах.

В первом случае основой формирования сетевых сообществ являются «знакомства», «блат», «нужные связи». Причем, по словам Б. Дубина, основанная на такого рода суррогатах псевдодоверия «сеть как форма взаимоотношений, как тип социальной связи … обычно *срастается* (курсив автора) с теми или иными институтами, какие есть, используя имеющийся у них ресурс, к которому у рядового человека либо вовсе нет доступа, либо этот доступ существенно затруднен» и поэтому «не заменяет «старых» институтов и не перерастает в «новые»[405].

Конкретным российским проявлением являются ресурсы сетевых структур, сращенные с такими социальными институтами, как образование, здравоохранение и другими, направленными на решение задач, формирующих траекторию жизненного пути индивида (получение образования, становление профессиональной карьеры), а также неформальную помощь этих структур в решении проблем, обусловленных состоянием здоровья, поиском работы и другими жизненными ситуациями.

Практики использования личных контактов и неформальных отношений для получения доступа к дефицитным ресурсам получили широкое распространение в советском обществе. В постсоветскую эпоху, в условиях «перманентного раскола», «травм и антиномий» общественного сознания происходит перенос такого рода практик в постсоветское социальное пространство, а также их адаптация к решению новых социальных задач.

---

[405] *Дубин Б.* Институты, сети, ритуалы. [Электронный ресурс]. Режим доступа: ttp://polit.ru/article/2008/09/01/dubin/. (дата обращения: 29.11.2014).

В современном российском обществе, по оценкам специалистов, «эти способы стали еще популярнее…». Самые распространенные стратегии поступления в вузы основываются «во-первых, на уровне подготовки, подкрепленном неформальными связями или платежами родителей (64%) и, во-вторых, только на неформальных связях или платежах родителей (29,6%). Неформальные практики поступления имеют тенденцию к воспроизводству»[406]. Такого рода практики, основанные на использовании родственно-дружеских связей, оказываются наиболее эффективными и для решения таких задач, как трудоустройство и продвижение по карьерной лестнице.

Неформальные практики способствуют не только функционированию, но и трансформации социальных институтов. По оценкам специалистов, в результате трансформационной деинституционализации в архитектонике пореформенного социального пространства в России произошло сужение сферы гласного формального регулирования социальных практик и соответствующее расширение области действия неформальных регуляторов. Теневизация и криминализация социальных отношений, корни которых отчасти уходят в советское прошлое, своим расцветом обязаны деформации институциональной среды и связаны, как пишут исследователи, с перерождением сохранившихся командно-административных структур, охраняющих свои корпоративные интересы в ущерб общенациональным[407].

С точки зрения специалистов, степень рационального содержания дифференцирует пространство неформальных отношений на несколько уровней. Первый уровень характеризуется отсутствием (минимальным значением) рационального содержания и неотрефлексированной целевой установкой в стихийно складывающихся повседневных отношениях. На втором

---

[406] *Козырева П.М.* Доверие в российском обществе: противоречивые тенденции // Философские науки. 2012. № 4. С.76.

[407] *Ульяновский М.П.* Институциональная трансформация российского общества: Аспект социальной безопасности: дис. ... канд. социол. наук: 22.00.04 / Ульяновский Михаил Павлович; Краснодар. ун-т МВД России. Краснодар, 2006. 151 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.dissercat.com/content/institutsionalnaya-transformatsiya-rossiiskogo-obshchestva-aspekt-sotsialnoi-bezopasnosti.

уровне формируются рациональные ожидания, которые задаются целевой установкой ради решения проблем, связанных со служебным положением, поэтому для этого уровня характерно оказание дружеских услуг с привлечением сетевого ресурса. На третьем уровне отношения специальным образом устанавливаются для получения дохода, поэтому носят чётко выраженный коррупционный характер. Однако многие практики второго уровня также имеют коррупционное содержание, поскольку приятельские, дружеские, родственные отношения начинают использоваться для получения преференций, а значит, из просто неформальных становятся коррупционными[408].

В этом ракурсе показательны установки и стереотипы российского населения по отношению к коррупции. Эмпирические исследования доказывают, что, с одной стороны, коррупция осуждается как взяточничество, с другой – поддерживается в её немонетарном, «натуральном» выражении. Поэтому всё большее распространение получает такая коррупция, которая скрывает свою монетарную сущность под родственным участием, благодарностью, поддержкой и т.д. Эти виды практик в наименьшей степени связываются в массовом сознании с коррупцией и потому делают её легитимной в первую очередь для самих участников сделки[409]. Обладая «паразитирующими свойствами», теневые отношения интегрируются в официально-правовую деятельность, становятся органической частью государства и общества, порождая феномен теневого государства и квазигражданского общества»[410].

---

[408] *Леонтьева Э.О.* Институализация неформальных практик в сфере высшего образования: дис. …д-ра социол. наук: 22.00.04 / Леонтьева Эльвира Октавьевна; Тихоокеан. гос. ун-т. Хабаровск, 2010. 352 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.dissercat.com/content/institualizatsiya-neformalnykh-praktik-v-sfere-vysshego-obrazovaniya#ixzz3kES0f6bo.

[409] Там же.

[410] *Ярулин К.И.* Институционализация неформальных социальных практик: дис. ... канд. социол. наук: 22.00.04 / Ярулин Константин Илдусович; Тихоокеан. гос. ун-т Хабаровск, 2012. 162 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа:

Во втором случае – случае персонализированных институтов – персонифицированное доверие олицетворяет статусно-ролевые контакты. «Доверие представителям отдельных профессий формирует у человека уверенность в прочности социума и стабильности социальных институтов, поскольку именно в статусно-ролевых контактах воплощается повседневный уровень функционирования социальных институтов»[411]. На основании опросов специалисты делают вывод, что по уровню доверия в России лидируют представители таких традиционных профессий, как: 1) учитель (51,4%), 2) священник, 3) врач, 4) ученый. По-видимому, основанием для этого служит в первом случае – личный опыт; во втором – высокое доверие церкви как социальному институту; в третьем – не только личный опыт (он может быть и негативным), но так же, как и четвертом случае, нормативные представления о значимости и престиже этих профессий, а также их позитивный имидж. Меньше всего доверия вызывают политики (20%) и журналисты (отрицательный рейтинг)[412], что также можно связать с высоким уровнем недоверия соответствующим институтам. В то же время, как показано ранее, в современном российском обществе также отмечается высокое доверие персонифицированным властным институтам.

Таким образом, сетевые структуры с небольшим радиусом отношений (семейные, клановые, дружеские), а также некоторые персонализированные институты как олицетворение статусно-ролевых контактов составляют реальные ресурсы доверия и, соответственно, ресурсную базу социального капитала в современном российском обществе.

Но все же большая часть социальных институтов общества – это формальные государственные и негосударственные институты. Поэтому значительная часть социальных практик представлена совокупностью

---

http://www.dissercat.com/content/institutsionalizatsiya-neformalnykh-sotsialnykh-praktik#ixzz3hS9fq3kN.

411 *Реутов Е.В, Реутова М.Н.* Недоверие в установках и практиках населения // Социологические исследования. 2015. № 6. С. 126–132.

412 *Реутов Е.В, Реутова М.Н.* Там же.

институциализированных государственных, коммерческих, общественных структур.

Согласно опросам, 55% граждан в течение последних трех лет обращались в органы государственной власти, и наибольшее количество обращений (87%) зафиксировано в учреждения здравоохранения. При этом результативность обращений наиболее высока в государственных регистрационных службах (52,3%), но в отношении большинства этих институтов наблюдается неполная удовлетворенность результатами контактов с их сотрудниками. Еще одна группа институтов – это коммерческие учреждения, выполняющие социально-значимые функции – кредитно-финансовые, торговые, посреднические, юридические, медицинские строительно-ремонтные и др., с которыми граждане взаимодействовали более интенсивно (88,7%). В процессе взаимодействия с ними гражданам приходилось контролировать добросовестность выполнения сотрудниками профессиональных функций (от 24,9% до 37, 6%), что, с одной стороны, вызвано коммерческой основой и меньшей забюрократизированностью этих институтов, а с другой стороны, продуцировано недоверием, которое вынуждает общество к созданию механизмов контроля за деятельностью этих институтов[413]. Тем самым, по оценкам специалистов, во-первых, возрастают трансакционные издержки; во-вторых, «постоянная мобилизация интеллектуальных и психологических интенций к контролю способствует возникновению стрессовых состояний», что, в общем и целом, повышает общий уровень социальной тревожности и недоверия у большинства российских граждан. Поэтому барьеры для формирования доверия в российском обществе задаются недоверием, обусловленным фактом наличия негативного опыта взаимодействия граждан с большинством формальных государственных институтов, в частности, судами, полицией, муниципальными органами. Однако зона недоверия «отнюдь не охватывает весь комплекс

[413] *Реутов Е.В, Реутова М.Н.* Указ соч. С. 126-132.

отношений на региональном уровне», поскольку в процессе взаимодействия с негосударственными институтами у граждан есть больше возможностей преодолеть недоверие путем контроля за добросовестностью выполнения сотрудниками профессиональных функций[414].

Л. Гудков определяет доверие как «социальный механизм, характеризующий эффективность или значимость различных институтов общества, а способность различать границы их действия – как одно из свидетельств дееспособности или социализированности индивидов», тогда как недоверие выступает как «сознательная и привычная установка на ожидаемое в повседневности нарушение социальных правил и ценностных обязательств, которое вызывает создание организованных групп, блокирующих опасности нарушения общего доверия (порядка)»[415].

Поэтому в институциональных практиках происходит формализация недоверия как опривыченной установки, предполагающей появление различных формализованных барьеров и границ, условно разделяющих пространства доверия и недоверия, где «барьеры – это фиксированные ритуалы недоверия (бдительности, проверки, сомнения), отмечающие рост социальной и антропологической неопределенности в ситуациях перехода от одной зоны доверия к другой. Степень артикуляции этих барьеров зависит от характера институционализации социального доверия в разных обществах», а граница доверия при этом «обозначена соответствующим ритуальным жестом или процедурой, указывает на (предположительное) переключение одной модальной системы доверия на какую-нибудь другую, определяемую другими правилами взаимодействия с партнером или партнерами»[416]. Разнообразие более или менее формализованных барьеров и границ доверия (априорного недоверия) в России представлено данным автором в виде следующей типологии:

---

[414] *Реутов Е.В, Реутова М.Н.* Указ соч.

[415] *Гудков Л.Д.* «Доверие» в России: смысл, функции, структура // Вестник общественного мнения. 2012. № 2. С. 20–21.

[416] Там же.

1) процедурные формы-фильтры: процедуры проверки, допусков, подписок о неразглашении, служебной и коммерческой тайн, тайна служебной переписки с различными грифами секретности и пр.;

2) документальные формы-фильтры: разного рода документы, такие как паспорта, сертификаты, пропуска, удостоверения и т.п., указывающие на кодификацию правил различения своих и чужих, норм институционального поведения (включая и санкции за нарушение);

3) институционализированные формы: специализированные службы контроля, проверки, безопасности и охраны; меры по защите от подделок (денег, финансовых или наследственных документов) и соответствующие службы разного уровня.

4) специализированные институты социального недоверия и легального насилия: КГБ, ФСБ, МВД, генпрокуратура и т.п.) [417].

Данная типология дает основание сделать следующий промежуточный вывод.

Барьеры для институционализации доверия как социальной практики в отношении формальных государственных институтов, таких как судебная система, полиция, муниципальные органы, задаются недоверием, обусловленным фактом наличия негативного опыта взаимодействия граждан с большинством этих институтов.

Ангажированность недоверия обуславливается также возрастающей потребностью в безопасности и обеспечении социального порядка. В этой ипостаси недоверие выступает, с одной стороны, в качестве блокиратора опасности нарушения доверия, с другой – в качестве своеобразного гаранта безопасности. Общество, будучи априори уверенным, что социальный порядок может быть нарушен, заранее блокирует возможности этого нарушения и конструирует формализованные и институционализированные структуры, поддерживающие социальный порядок и обеспечивающие безопасность

[417] *Гудков Л.Д.* Указ соч. С. 21-24.

граждан. Но функционирование этих структур усиливает социальную тревожность и недоверие в обществе.

В российском обществе происходит увеличение количества и разнообразия неформальных, формальных и институционализированных барьеров доверия, что напрямую свидетельствует об усилении социальной тревожности и росте отношений недоверия. Девальвируются неформальные социальные отношения, напрямую основанные на доверии. К примеру, дружба как форма межличностных отношений в условиях ежедневного цейтнота становится чуть ли не роскошью. Друзей все меньше, поскольку на них просто не хватает времени. Дружеские встречи становятся короче и формальнее и все чаще проходят в режиме социальных сетей. Средства коммуникации в данном случае также можно интерпретировать в качестве определенных барьеров доверия.

Кроме отмеченных выше формализованных, существуют еще более сложные – неформализованные (немаркированные и строго не фиксируемые) барьеры и границы доверия, которые, как выяснено, появившись в зонах игры на модусах «своих» и чужих» социальных практик советского общества, были перенесены в социальные практики постсоветского общества. В современном российском обществе вышеупомянутые «социальные игры» приобретают новые внеинституциональные формы. Они также усиливают недоверие.

Ж.Т. Тощенко характеризует такие формы как «подмену деятельности во всех ее проявлениях имитацией…, которая во все большей мере пронизывает буквально все сферы жизни общества: и политику, и экономику, и культуру, и социальную жизнь». Имитация – это «подделка, правдоподобие, причем нередко (но не только) умышленная, с целью ввести в заблуждение или скрыть истинные намерения инициаторов псевдодеятельности», «когда создаются искусственные условия процессов и явлений, предназначенных для достижения специфических (корыстных), мнимо общественно значимых, групповых или

корпоративных целей»[418]. Механизмы появления и использования имитации включают ее формы и методы, среди которых автор называет следующие: демагогия, фальсификация, провокация, профанация, манипулирование общественным сознанием и поведением людей, иллюзии, перформанс.

Представляется, что вышеупомянутые формы имеют отношение к доверию и недоверию как социальным практикам, поэтому приведем их более подробную характеристику.

Демагогия представляет собой ничем не аргументированные и нередко безответственные утверждения, извращающие суть дела; лицемерное подлаживание под вкусы обывателей для достижения политических целей, подмену сущности суррогатами (например, декларирование демократии, но на деле – имитация многопартийности в условиях усиления «партии власти»).

Фальсификация, в отличие от демагогии, есть преднамеренное искажение информации для оправдания своекорыстных целей и интересов (фальсификации результатов последних выборов – 2011 в Госдуму привели, в том числе, к массовым акциям протеста зимой – весной 2011–2012 гг.); или же фальсификация в виде имитации реально происходящих процессов и событий с корыстной целью изменения их сущности и содержания, вида или свойства (пример – колоссальный разрыв между цифрами официальной статистической инфляции и так называемой «народной», что очень опасно, поскольку потеря доверия к информации, которую легко проверить, приводит к тому, что недоверие распространяется и на другие виды информации из официальных источников).

Один из продуктивных способов и проявлений имитации – использование провокаций в виде злонамеренного распространения определенной информации для дискредитации противостоящих сил, а также проведение провокационных акций в реальной политике и в пропаганде.

---

[418] *Тощенко Ж.Т.* Новые лики деятельности: имитация // Социологические исследования. 2012. № 12. С. 23.

Следующий метод – профанация – представляет собой непочтительное отношение к достойному, выражается в извращении, сознательном искажении идеи, события или процесса (пример – намеренное искажение облика «советского человека» в виде «совка», на которого были списаны грехи, ошибки и просчеты, свойственные человеческой природе вообще. Между тем «73% российского населения сожалеют о распаде Советского Союза[419]»).

Такая форма, как манипулирование общественным сознанием и поведением людей, связана с попытками отвлечь население мнимо важными и неотложными делами от насущных проблем. Замена реальных дел показными мероприятиями стала реальной чертой российской действительности. К примеру, мнимой деловой активностью и «показухой» стали изменение часовых поясов и отмена перехода на зимнее время под ложным предлогом заботы о нуждах людей.

Иллюзии как способ имитации строятся на несбыточных надеждах, что в жизнь воплотятся обещания, программы и прогнозы, в действительности не имеющие под собой реальных оснований, ничем не подкрепленные и даже наносящие вред, но при этом отвлекающие людей от повседневных нужд и забот (к примеру, программа «оптимизации» системы здравоохранения фактически привела к сокращению медицинского персонала, закрытию фельдшерско-акушерских пунктов на селе, уменьшению количества больничных коек в городских лечебных учреждениях и росту смертности населения).

Перформанс – еще одна форма, которая проявляет себя как личностный вариант имитации, когда человек думает одно, говорит другое, а делает третье – чаще всего, с целью отвлечь или поразить аудиторию (например, известное обещание Б.Н. Ельцина «лечь на рельсы», если произойдет рост цен, сделанное как раз в период галопирующей гиперинфляции в стране).

---

419 Двадцать лет реформ глазами россиян: опыт многолетних социологических замеров. / Под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, В.В. Петухова. М.: Весь Мир, 2011. 328 с.

Эти формы имитации приводят к неблагоприятным социальным последствиям – к социальной апатии, выражающейся в аномии; неверию и недоверию власти; архаизации общества, возрождению устаревших общественных отношений; вассальному подчинению властям; казуистике или показной демонстрации преданности при том, что человек говорит то, что от него хотят услышать, а не то, что думает[420].

Тем самым происходит извращение общественного сознания и подрывается доверие.

К аналогичным выводам приходят и другие специалисты. Т.А. Шалюгина пишет о том, что имитационные стратегии и практики в российском социуме обусловлены общим курсом политической элиты как доминирующего социального субъекта. Проявлением имитации в различных сферах общественного бытия является конструирование искусственных симулятивных образов массового сознания, возникающих и активно воздействующих на социальные процессы, социальный климат, социокультурную среду, ценностные ориентации и психологию масс[421].

Можно назвать и другие механизмы имитации, связанные с конструированием искусственных симулятивных образов массового сознания. Это, к примеру, социальная мимикрия как «игра» в послушных, демонстрация внешней лояльности, правильного, ритуального поведения при скрытых неуважении и недоверии большинству властных институтов. Социальная мимикрия основана на ценностной амбивалентности, размывающей в первую очередь ценностно-нормативный компонент системы доверия. Значимость ценностно-нормативного компонента оказывается невелика. Амбивалентность заключается в несовпадении внешнего проявления и внутренней сущности

---

[420] *Тощенко Ж.Т.* Новые лики деятельности: имитация // Социологические исследования. 2012. № 12. С. 23–35.

[421] *Шалюгина Т.А.* Имитация в современном российском обществе: сущность, субъекты воздействия, социальное пространство проявления: дис. … д-ра. философ. наук: 09.00.11 / Шалюгина Татьяна Александровна; ГНУ "Южный федеральный университет"; Ростов н/Д, 2012. 333 с.

доверия. Внешняя сторона – это публично демонстрируемое ритуальное доверие. Это означает, что еще один – поведенческий/деятельностный компонент ограничивается формальностью, декларативностью. Внутренняя сущность – это скрытое глубокое равнодушие и пассивность, являющееся результатом «затухания» ценностно-нормативного компонента, а также результатом отчуждения в его многообразных формах. Внешнее доверие, таким образом, становится имитацией, сочетаясь с внутренним недоверием большинству властных институтов.

Что касается высокого рейтинга доверия персонифицированным властным институтам, то он складывается, во-первых, как проекция сакрального, традиционного, мифологизированного отношения к власти, во-вторых, как влияние статуса высшей социальной позиции «первого лица»; в-третьих, как свидетельство отсутствия альтернативного выбора.

В марте 2015 г. социологи исследовательской компании GfK зафиксировали рост уровня доверия граждан всем общественным институтам, если брать за начало отсчета 2001 год, тогда как до этого момента его уровень постепенно снижался[422]. Это явление обусловлено многообразными причинами.

В современном российском обществе в ситуации преобладания комплекса неблагоприятных внутренних и внешних социально-экономических и социально-политических факторов фундаментом доверия по-прежнему являются идейные «скрепы» общества, которые все еще остаются основаниями для социокультурной идентификации. Такими скрепами являются принципы «за Веру, Царя и Отечество», являясь, с одной стороны, основаниями российского менталитета, с другой – опривыченными, традиционными архаическими ценностями. Доверие к первому лицу государства, армии и церкви в России основывается на убеждении в особой социальной значимости и высокой миссии этих институтов.

---

[422] Больше всего граждане доверяют армии, церкви и президенту//Коммерсант. 2015. 20 апреля. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.kommersant.ru/doc/2713349.- (дата обращения: 24.09.2015).

Персонифицированные институты власти, армия и церковь обладают легитимным правом «не только обслуживать общество, но и требовать от него выполнения определенных обязательств. Доверие к армии и церкви определяется их близостью к народу, общественным значением и сопричастностью народным тяготам… . Власть в России, так же как армия и церковь, воспринимается не как субъект обслуживания общества, а как средоточие национальной миссии, исполнение которой есть общая задача как власти, так и народа»[423].

По результатом опросов исследовательского центра РОМИР, с 2003 по 2012 годы (за 12 лет) почти в три раза возросло количество россиян, которые гордятся главой государства (с 12% до 34%); в два раза возросло число граждан, которые гордятся народом своей страны (с 16% до 32%); гордость за национальные традиции возросла в два с лишним раза (с 11% до 25%); достижениями в военной технике и оружии гордятся 19% россиян (1% в 2003 г.); природными ресурсами своей страны – 24% (0% в 2003г.). Это показательно при том, что с 2003г. практически не изменились результаты по таким вариантам ответа, как развитие демократии, успехи в экономике и построение свободного общества – они остались на уровне 2–3%[424]. Кроме этого, поводом для возрастающей гордости после зимней Олимпиады–2014 являются достижения в спорте.

Аналогичные данные демонстрируют и зарубежные исследования. По данным опроса, проведенного в 2015г. ассоциацией Gallup International/WIN в 65 странах мира, более 75% населения России поддерживают президента, армию и православную церковь, при этом 59% россиян готовы воевать за

---

[423] *Казин Ф.* «Голосуют, и хорошо…» Проблема доверия к власти в России. [Электронный ресурс]. Режим доступа: : http://www.perspektivy.info/book/golosujut_i_khorosho_problema_doverija_k_vlasti_v_rossii_2008-07-09.htm. (дата обращения: 05.10.2015).

[424] *Гордеев В.* Россияне назвали главной гордостью страны президента Путина. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.rbc.ru/society/26/08/2015/55dd8f5a9a7947019a670143. (дата обращения: 6.11.2015).

интересы своей страны (для сравнения – в Германии всего 18%, в Италии 20%, в Великобритании 27%, во Франции 29%, а в Японии 11%)[425].

Наиболее существенный рост доверия за последние два года фиксируется по отношению к армии, причем как извне – со стороны общества, так и внутри самой армии. Если в 2013 году Вооруженным силам страны доверяли 43%, то в 2014 г. – 53%, в 2015 г. – уже 64%[426]. По данным Научно-исследовательского центра Вооруженных сил Российской Федерации, 85% военнослужащих (как призывников, так и контрактников) испытывают гордость за принадлежность к профессии защитника Отечества. В последние годы растет конкурс в военные ВУЗы, увеличивается число желающих проходить военную службу по контракту[427].

Доверие к армии, объясняется, во-первых, патриотизмом. Характерный пример – продемонстрированные российское вооружение и оружие нового поколения на грандиозном параде в честь 70-й годовщины Великой Победы в мае 2015г. свидетельствовали о традициях военной мощи России, которая после распада СССР была в значительной степени подорвана, а в настоящее время является поводом для гордости и доверия армии как институту. Своеобразным экзаменом для российской армии стали блестяще проведенные военные операции в Крыму, а также в Сирии.

Однако рост доверия к армии нельзя объяснить только причинами эмоционально-нравственного и рационального характера. В условиях постсоветской действительности патриотизм, являющийся одним из оснований доверия как установки социальных практик советского общества, существенно

---

[425] Социологи выяснили: Наши граждане верят в президента, армию и внеземные цивилизации. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://romir.ru/press/2381_03.09.2015/. (дата обращения: 09.10.2015).

[426] Россияне стали больше доверять армии. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.levada.ru/old/07-10-2015/rossiyane-stali-bolshe-doveryat-armii. (дата обращения: 28.11.2015).

[427] *Князев С.* Почему в России резко выросло доверие к армии? // Политическая Россия. Общественно-политический интернет-журнал. 2015. 12 января [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://politrussia.com/politkasha/pochemu-v-rossii-382/. (дата обращения: 28.11.2015).

трансформировался. На объединение нации, сплоченность работают только его отголоски. Для большинства россиян, пожалуй, только праздник Великой Победы 9 мая имеет особое, «священное» значение.

Доверие к армии возросло и по другим, объективным причинам материального характера, актуальным в нынешних условиях ухудшения экономической ситуации в стране. Общеизвестно, что денежное довольствие российского офицера сегодня ощутимо выше средней зарплаты по стране. Армия получила новую удобную форму и питание, о которых еще десять лет назад не могла даже мечтать. На перевооружение и разработку новейших образцов военной техники были выделены миллиарды[428]. Армия практически изжила дедовщину, остались отдельные ее эпизоды. Выполняется Государственная программа «Обеспечение жильем военнослужащих». Доверие к армии подкрепляется формальными нормами со стороны государства.

Другим значимым институтом, которому выдан моральный кредит доверия в современном российском обществе, является церковь. Высокое доверие к этому институту также имеет несколько причин. Во-первых, в значительной степени доверие к церкви является свидетельством относительной «нейтральности» этого социального института. В данном случае «работает» нормативный эмоциональный фактор. Во-вторых, православие фигурирует в числе объединительных национальных идей. Причем для большинства бывших советских граждан, воспитанных на коммунистической идеологии и воспринимавших её как своего рода религиозную догму, «такой мировоззренческий переход вполне приемлем»[429]. Поэтому доверие по отношению к религиозным институтам можно в определенной степени

---

[428] *Князев С.* Почему в России резко выросло доверие к армии? // Политическая Россия. Общественно-политический интернет-журнал. 2015. 12 января [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://politrussia.com/politkasha/pochemu-v-rossii-382/. (дата обращения: 28.11.2015).

[429] *Семенов В.Е.* Религия и вера в современной России: социологический срез. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http:// ruskline.ru/.../religiya_i_vera_v_sovremennoj_rossii_sociologicheskij_sr. (дата обращения: 17.10.2015).

трактовать как замещение, своего рода идеологическую трансформацию. По-видимому, это также отражает общий идеологический и даже мировоззренческий кризис, который переживает Россия. В-третьих, как в советские времена, когда подвергалась гонениям, так и сегодня, церковь оставалась носителем связанных с доверием высоких моральных смыслов добра, благости и святости, лежащих в основе подлинных ценностей.

В советском обществе опросов относительно религиозности населения практически не проводилось, но, по оценкам специалистов Левада-центра, до перестройки верующих было не больше 10%. В конце 1980-х годов с прекращением атеистической пропаганды начался массовый «бум» религиозности. Если в 1988 году лишь 16 % россиян считали себя верующими, то в 2012 г. – 77 %[430].

Согласно прогнозам ВЦИОМ, Фонда «Общественное мнение», Центра социологических исследований МГУ им. М.В. Ломоносова, в России показатель религиозности, по-видимому, будет и впредь колебаться в пределах 50–60%. Однако процесс обретения веры и обращения в лоно православной или какой-либо другой веры не означает автоматически укрепления позиций собственно самой веры. Около 80% опрошенных полагают, что истинно веруют немногие, прочие же хотят лишь внешне показать причастность к вере и церкви. Православная религия для большинства наших сограждан – это своего рода жизненная философия, которая побуждает задуматься о смысле бытия, дает возможность решения многих житейских проблем путем временного ухода от них[431].

Что же касается повседневной жизни рядового гражданина, то в мотивации его поступков религия занимает весьма скромное место, и еще меньшую роль играет церковь как таковая. 53% стремятся к самостоятельному

---

[430] Россияне считают себя верующими, но в церковь не ходят. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http:// http://www.levada.ru/old/24-12-2013/rossiyane-schitayut-sebya-veruyushchimi-no-v-tserkov-ne-khodyat. (дата обращения: 28.11.2015.

[431] *Михалюк В.И.* Религиозные ориентации населения: социологический срез. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.synergia.itn.ru/kerigma/katehiz/stat/rel-orn.htm. (дата обращения: 17.10.2015).

поиску истины в священных книгах, и только 15% считают, что верующий человек должен полностью полагаться на священнослужителей. Многими Бог воспринимается как Высший Разум, Высшая Сила, Космос и т.п., то есть ассоциируется с абстрактной пантеистической сущностью. Собственно церковно-поведенческие каноны часто игнорируются. Очевидно, речь идет и о своеобразной «моде» на внешние атрибуты религиозности[432] и, следовательно, о некой видимости доверия к церковному институту. Конфессиональная идентификация зачастую имеет единственный и чисто внешний – этнический характер: я – русский, следовательно, православный. Русские и русскоязычные считают себя православными (68%), но при этом верят в Бога около 30 %; регулярно посещают церковь 14%; ходят в церковь один (16%) или несколько раз в год (17%), и никогда не посещают церковь 35%. Соблюдают все необходимые обряды, ходят на исповедь, причащаются не более 4–6 %[433].

В отношении к церкви также просматривается структура двоемыслия: с одной стороны – внешняя религиозность, «обрядоверие», «декларативное православие», с другой – никакой внутренней работы души при этом не происходит. На этическом поведении граждан рост религиозности практически никак не сказывается. Для части граждан, как и в советские времена, по-прежнему характерны «атеизм на деле» и «безбожие в помыслах и делах», которые порождены упадком общего уровня культуры и нравственности.

И здесь мы снова возвращаемся к ценностной антиномии доверия и недоверия.

Царивший в постсоветском обществе идеологический вакуум, общий идеологический и мировоззренческий кризис, который переживает современная Россия, спровоцировал не только рост традиционных религиозных верований,

---

[432] *Семенов В.Е.* Религия и вера в современной России: социологический срез. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http:// ruskline.ru/.../religiya_i_vera_v_sovremennoj_rossii_sociologicheskij_sr. (дата обращения: 17.10.2015).

[433] Россияне считают себя верующими, но в церковь не ходят. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.levada.ru/old/24-12-2013/rossiyane-schitayut-sebya-veruyushchimi-no-v-tserkov-ne-khodyat. (дата обращения: 28.11.2015.

но и обращение людей к мистике, оккультизму, всякого рода сектантству. С другой стороны, данный факт также является свидетельством архаизации сознания и социальных настроений. Это своего рода попятное движение, которое выражается в доверии к оккультным практикам, чему также способствует распространение по каналам СМИ, и в частности телевидению, которому так доверяют россияне, различных видов передач религиозно-мистического мировосприятия.

Наиболее восприимчивыми к воздействию эклектичных околорелигиозных учений становятся менее защищенные социальные слои, в том числе и часть молодежи. Причинами массовых увлечений магией, колдовством и оккультными знаниями по данным опросов являются, во-первых, сохранение остатков языческих традиций и верований; во-вторых, сохранение сформировавшейся в советские времена тяги к массовым действиям; в-третьих, поначалу все это было в новинку и вселяло безусловную веру в исцеляющие сверхъестественные силы, в доброго волшебника и всемогущего мага. Кроме того, силы церкви сейчас сконцентрированы скорее на обустройстве и закреплении достигнутых позиций, чем на освоении новых путей и формировании глубокого христианского самосознания[434].

Можно назвать еще несколько причин массового увлечения магией, оккультными знаниями и практиками. В частности, мистика и изотеризм становятся своего рода замещением фрустрирующего социального опыта. Доверие к оккультным практикам «замещает» недоверие к большинству социальных институтов, и церкви в том числе.

Кроме того, социологи характеризуют современную ситуацию в российской культуре как «ренессанс традиционализма», возникший в результате частичной десекуляризации сознания россиян и ослабления веры в

---

[434] *Семенов В.Е.* Религия и вера в современной России: социологический срез. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http:// ruskline.ru/.../religiya_i_vera_v_sovremennoj_rossii_sociologicheskij_sr. (дата обращения: 17.10.2015).

науку и прогресс[435]. Даже среди людей, называющих себя православными или внеконфессиональными верующими, отмечены 6 %, которые ради исполнения своих мечтаний обращаются к услугам экстрасенсов, магов, колдунов, гадалок, астрологов и т. д.[436]

Такое обращение рассматривается как упрощение социальных практик, выраженное их архаизацией – локальной тенденцией в рамках общего процесса усложнения современного общества. В форме архаизации проявляется нелинейная социокультурная динамика сложного социума[437].

Архаизация выступает в определенном смысле как утрата достигнутого институционального доверия. В итоге получается достаточно сложная работа механизмов, которые, каждый в своей области, разрушают основания для человеческого взаимопонимания, доверия, согласия, солидарности, создавая общую массу социальной апатии, неверия, недоверия, беспомощности, агрессии. Доверие вступает в коллизии с самим собой, становится обманом, имитацией. В институциональном доверии как целостности появляются элементы фиктивности, вымысла, иллюзорности, тогда как позиции упования, надежды, иллюзии – «это самый прочный материал социальных отношений, не потому что они оправдываются, а потому что люди хотят верить во что-то, той же самой власти или в то, что самое страшное не случится». Результат – «зрительское» отношение к политике: люди следят за политическими новостями, но при этом в политике не участвуют[438].

---

[435] Готово ли российское общество к модернизации. Аналитический доклад. // Институт социологии РАН и Представительство Фонда им. Фридриха Эберта в РФ. М.: ИС РАН, 2010. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.isras.ru/index.php?page_id=1413. (дата обращения: 28.11.2014).

[436] О чем мечтают россияне: идеал и реальность / Под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, Н.Е. Тихоновой. М.: Весь Мир, 2013. С. 251.

[437] *Зарубина Н.Н.* Упрощение массовых социальных практик как вектор трансформации повседневности в сложном социуме // Историческая психология и социология истории. 2013. Т.6. № 2. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.socionauki.ru/journal/ipisi/archive/2013_2/. (дата обращения: 20.10.2015).

[438] *Гудков Л.Д.* Имморализм постсоветского человека и европейские ценности. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http:////www.levada.ru/old/21-05-2014/immoralizm-postsovetskogo-obshchestva-i-evropeiskie-tsennosti. (дата обращения: 16.11.2015).

4.3. Институционализация доверия и недоверия как социальных практик: социальные последствия в современном российском обществе

Процессы институционализации доверия и недоверия как социальных практик в последние десятилетия повлекли за собой ряд социальных последствий в современном российском обществе.

Аналитиками зафиксированы две волны кратковременного роста позитивного отношения и доверия граждан к социальным институтам. Поскольку благосостояние людей улучшалось, первая волна связана с «предкризисной эйфорией» начала 2000 гг., достигшей пика в 2005–2008 г., когда 36% (максимум) опрошенных граждан назвали нынешнюю экономическую и политическую систему оптимальной[439].

Второй подъем случился на волне патриотизма после событий в Крыму в феврале – марте 2014 г. С 2001 по 2015 г. больше всего выросло доверие граждан к президенту (с 54% в 2001 году до 71% в марте 2015г.), на втором месте – доверие к армии («парадному символу Российского государства») – 44% и 55%; церкви (47% и 48%), правительству (31% и 49%); Повысился с 2001 г., но по-прежнему остается невысоким уровень доверия другим институтам: судам (25% и 28%); полиции (18% и 28%); Госдуме (12% и 28%), СМИ (22% и 27%); административной власти (19% и 26%); политическим партиям (11% и 22%)[440].

Новая волна доверия к институтам в российском обществе середины второго десятилетия XX века вызвана как позитивными, так и негативными причинами. В числе позитивных наиболее значимы настроения социальной сплоченности и патриотизма по поводу некоторых социальных успехов. Среди негативных причин – экономические и политические санкции Запада. В этих

---

[439] Россияне о политической и экономической системе страны. (Пресс-выпуски Левада-центра). [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.levada.ru/08-02-2013/rossiyane-o-politicheskoi-i-ekonomicheskoi-sisteme-strany. (дата обращения: 24.09.2014).

[440] Больше всего граждане доверяют армии, церкви и президенту//Коммерсант. 2015. 20 апреля. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.kommersant.ru/doc/2713349 (дата обращения: 24.09.2015).

условиях общество консолидируется вокруг власти и остальных общественных институтов, объединяясь с государством против внешней угрозы в условиях внешнеполитического кризиса.

К числу внешних социокультурных факторов, формирующих социальные практики в современном российском обществе, в настоящее время добавился еще один – внешнеполитический фактор, действие которого также двояко. С одной стороны, в условиях расширения импортозамещения вполне объясним рост доверия отечественным экономическим институтам. Уровень доверия к отечественной продукции, в частности, к местному продовольствию, в сентябре 2015 г. вырос до 91%. Таких показателей не было даже в экономически благополучное предыдущее десятилетие. Доверие к российским товарам длительного пользования, одежде, обуви предметам, домашнего обихода, пока не превышает 50%, но тоже бьет рекорды[441]. Конечно, для отечественных потребителей отчасти это вынужденная мера. В частности, по результатам опросов Исследовательского холдинга Ромир в сентябре 2015 года, россияне заметили ухудшение качества продуктов питания после введения продовольственного эмбарго (от 39% россиян до 57% в разных регионах России)[442].

С другой стороны, дальнейшее расширение доверия как социальных практик в реальном секторе экономики страны будет сдерживаться, по оценкам аналитиков, «сужением потребительского спроса, вызванным сокращением социальных расходов государства, девальвацией рубля, контрсанкциями и сокращением доходов населения…». На рынок розничной торговли продолжает оказывать мощное давление «набирающие оборот основные кризисные факторы 2014–2015 года». В первую очередь – это переход домохозяйств на избирательно-сберегательную модель текущего потребления под воздействием

---

[441] Отечественные vs. импортные товары (Пресс-выпуски Левада-центра). [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.levada.ru/08-09-2015/otechestvennye-vs-importnye-tovary. (дата обращения: 24.09.2015).

[442] Россияне заметили ухудшение качества продуктов после введения эмбарго. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://news.mail.ru/economics/23490651/. (дата обращения: 05.10.2015).

сокращения реальных доходов, в результате чего «замедление экономической активности возобновилось, обнулив краткосрочные позитивные достижения и возможность разворота тренда к росту…». На этом фоне «непредсказуемость экономическо-политической турбулентности обусловила социальный стресс, реабилитация которого потребует длительную адаптацию к новым реалиям функционирования»[443].

Низкий уровень доверия абсолютному большинству неперсонализированных, и в частности политических, институтов свидетельствует о наличии очень высокой отчужденности людей от политики и недоверия к ней. Согласно данным опроса, проведенного во время выборов – 2012, почти 60 % пришедших на избирательные участки сказали, что разговоры о политике у них вызывают отвращение[444].

Однако такое внутреннее негативное отношение сочетается с внешним лояльным поведением, которое проявляется в том, что люди пришли на голосование.

Так, явка избирателей на региональных выборах в Единый день голосования в сентябре 2015 г. составила более 51%, что даже несколько выше средних цифр[445].

Таким образом, наблюдается некая двойственность: внутреннее недоверие сочетается с внешним церемониальным (декларативным) доверием. Вероятно, такое внешнее доверие к властным институтам – это нормативная рациональная установка на доверие («не высовываться» «не противоречить власти»), перенесенная в российские социальные практики из советских

---

[443] Сжатие потребительского спроса в России продолжится, ожидает ВШЭ/ АНРТ – Агентство новостей розничной торговли. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://anrt.info/news/prognoz/92224-szhatie-potrebitelskogo-sprosa. (дата обращения: 24.09.2015).

[444] *Гудков Л.Д.* Через 20 лет после распада СССР у молодого поколения воспроизводятся установки советских людей. Левада-Центр. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http: // www.levada.ru/gudkov-l-cherez-20-let-posle-raspada-sssryu-u-molodogo-pokoleniya-vosproizvodyatsyaustanovki. (дата обращения: 12.11.2012).

[445] ЦИК отмечает рост средней явки на губернаторских выборах в России. 14 сентября 2015г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http: // radiovesti.ru/article/show/article_id/177681. 24.11.2015).

времен. Такой активный перенос, удержание и консервирование советских социальных практик объясняется консервативной институциональной средой российского общества. Большинство институтов организации власти и ее опорных структур (полиция, спецслужбы, зависимый суд и т.п.), как и в советское время, не подконтрольны обществу, очень медленно трансформируются и при всех своих внешних модификациях сохраняют в большой степени советскую основу, воспроизводя многие исторические и национальные установки советского времени. Механизмы установления ответственности власти перед гражданским обществом по-прежнему реально отсутствуют.

Некоторые специалисты в связи с этим полагают, что российская социологическая наука заходит в тупик, наталкиваясь на границы концептуальных возможностей в интерпретации подобных явлений и процессов. Эта проблематика не описывается понятийным аппаратом и не вписывается в теории западной социологии по причине разной скорости и разной степени изменений различных сегментов российского социума в последние десятилетия. С одной стороны, быстро изменялись те области жизни, которые не были связаны с репродукцией коллективных представлений: технологии, экономика, технические средства коммуникации и т.п. С другой стороны, консервативными оказались вышеупомянутые институциональные структуры, претендующие на все больший контроль над основными сферами общества. Возникающие при этом социальные дисфункции и появляющиеся социальные проблемы (апатия населения, «терпение» как стратегия адаптации к репрессивной власти, тотальная коррупция, сокращение инвестиций в экономику и уход в тень малого и среднего предпринимательства, всеобщий аморализм, отсутствие представлений о будущем, рост преступности, самоубийств, алкоголизма, проявлений немотивированной агрессии, вандализма и т.д.) не могут быть объяснены в категориях «нормальной социологии» западного общества. Главная проблема – устойчивость бесконтрольной власти и характер ее воспроизводства. Действующая власть,

несмотря на широко разлитое недовольство и недоверие к ней, «признается если и не совсем легитимной, то, во всяком случае, безальтернативной… . Но хороших теорий, объясняющих такое массовое поведение, в отечественной социологии нет»[446].

Однако в последние годы подобные объяснительные теории начинают появляться. Одна из них предложена в рамках многомерного исследования типов и специфики развития российской государственности как социальной реальности. Специалисты полагают, что в контексте российской государственности как государственно-организованного общества, с одной стороны, возрождается традиционная модель «человека политического» как нормативного типа личности государственно-организованного общества, а с другой – реактуализируются советская модель «человека лукавого»[447].

«Человек политический» представляет собой нормативный тип личности и является продуктом эволюции государственно-организованного общества, в котором он поглощен государством. Доминанты его ментальной программы – это стремление перемещать решение всех жизненных проблем, в том числе приватных, в государственно-политическую сферу; легитимация государственной власти на основе культурно-исторических традиций; идеал единоличной (ответственной), сильной (авторитетной), справедливой (нравственной) государственной власти; авторитарность, вбирающая в себя одновременно предрасположенность к подчинению «вышестоящим», склонность к подавлению «нижестоящих»; установка «быть как все» и следование внешним предписаниям и стандартам поведения.

Тип советского человека воспроизводит консервативная институциональная среда современного российского общества. Жизненная

---

[446] *Гудков Л.Д.* Через 20 лет после распада СССР у молодого поколения воспроизводятся установки советских людей. Левада-Центр. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http: // www.levada.ru/gudkov-l-cherez-20-let-posle-raspada-sssryu-u-molodogo-pokoleniya-vosproizvodyatsyaustanovki. (дата обращения: 12.11.2012).

[447] Лубский Р.А. Российская государственность как социальная реальность: методология многомерного исследования, типы, специфика развития: дис. … д-ра. филос. наук: 09.00.11 / Лубский Роман Анатольевич; Ростов н/Д, 2015. С. 333-334.

стратегия такого человека задается проблемой выживания: не рассчитывая на лучшую жизнь, он боится потерять то, что имеет. Это «человек лукавый», то есть двоедушный, руководствующийся правилами двоемыслия – не столько доверия, а видимости доверия, зависимости от приспособления к государственному режиму и к государственным ограничениям. Этот человек, встраиваясь в систему государственных ограничений и приспосабливаясь к ним, научился жить в «согласии» с государством. Видимость доверия связана также с патернализмом, согласно которому человек, с одной стороны, ждет от власти эффективной социальной политики с целью обеспечения его очень скромного существования и гарантий на будущее, а с другой стороны, не верит в исполнение властных обещаний. По отношению к власти он демонстрирует лояльность, повышенное декларативное доверие, участвует в выборах и других социальных ритуалах, хотя не видит в том никакого прока. Это человек имперский, для него коллективные ценности представлены в виде традиционных символов великодержавности и недифференцированной патерналистской власти, выраженных языком силы, триумфа, победы над кем-то. Милитаристские ценности – подвиг (а не труд), самопожертвование (а не ценность автономной субъективности), коллективный аскетизм и государственная мощь – это значения империи, мифологические компоненты эпохи героического варварства[448]. У такого типа «человека политического» («человека лукавого») как нормативного типа личности формируется совокупность личностных качеств, необходимых для развития современного российского общества.

---

[448] *Гудков Л.Д.* Имморализм постсоветского человека и европейские ценности. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.levada.ru/old/21-05-2014/immoralizm-postsovetskogo-obshchestva-i-evropeiskie-tsennosti. (дата обращения: 16.11.2015); *Гудков Л.Д.* Моральных скреп не обнаружено // Независимая газета. 24.06.2014. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.ng.ru/stsenarii/2014-06-24/9_skrepy.html. (дата обращения: 16.11.2015); *Гудков Л.Д.* Через 20 лет после распада СССР у молодого поколения воспроизводятся установки советских людей. Левада-Центр. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http: // www.levada.ru/gudkov-l-cherez-20-let-posle-raspada-sssryu-u-molodogo-pokoleniya-vosproizvodyatsyaustanovki. (дата обращения: 12.11.2012).

Различные виды национально-государственной идентичности в российском обществе обусловливают разные модели социального поведения. Как полагают некоторые исследователи, наиболее распространенной, репрезентативной в социокультурной среде и в конкретно-исторических условиях современного российского общества является модальная модель личности, воспроизводящая осознанное социальное поведения индивидов. Эта модель имеет гибридный характер и представляет собой консервативно-либеральный тип с элементами либеральной модели. У такого типа сформирован набор личностных качеств, обеспечивающих воспроизводство данной гибридной консервативно-либеральной модели модальной личности[449].

Относительно набора этих качеств в контексте доверия и недоверия важно сделать следующий промежуточный вывод.

Внутреннее недоверие к большинству формальных социальных институтов в сочетании с внешним церемониальным доверием образуют своеобразную кентаврообразную модель «доверие-недоверие», в которой под симулякрами доверия скрывается недоверие, имитирующее доверие.

Наличие кентавр-явлений и процессов, содержащих в себе взаимоисключающие начала и характеризующихся парадоксальными, несочетаемыми признаками, и увеличение их числа в современной российской действительности зафиксировано Ж.Т. Тощенко[450].

Представляется, что кентаврообразная модель «доверие-недоверие» вписывается в ряд такого рода кентавр-явлений.

В этой модели доверие и недоверие размывают свои компоненты - эмоционально-нравственный, рациональный, коммуникативный, поведенческий/деятельностный, ценностно-нормативный. Это означает, что, с одной стороны, доверие как бы «затухает» и уже не означает симпатию, не

---

[449] Лубский Р.А. Российская государственность как социальная реальность: методология многомерного исследования, типы, специфика развития: дис. … д-ра. филос. наук: 09.00.11 / Лубский Роман Анатольевич; Ростов н/Д, 2015. С. 333-334.

[450] *Тощенко Ж.Т.* Кентавр-проблема (опыт философского и социологического анализа). М: Новый хронограф, 2011. 552 с.

подразумевает активную поддержку. С другой стороны, недоверие уже не подразумевает активное неприятие и отвращение, а скорее означает бездеятельное, инертное равнодушие, социальную апатию и пассивность. Признаки доверия и недоверия здесь не являются принципиально дифференцированными, они взаимодействуют, сочетаются и взаимопроникают друг в друга таким образом, что их трудно разграничить. Порожденные в результате этого взаимодействия симулятивные формы квази- и псевдодоверия пытаются совместить сущности и доверия, и недоверия, решая задачи социального маневрирования, приспособления к сложившемуся порядку господства властных институтов.

Содержание этой кентарвообразной модели преуменьшает деятельностный, коммуникативный и конструктивный функциональный потенциал доверия, что сдерживает возможности достижения стабильности и динамичности развития социальных практик, связанных с доверием. Кентаврообразная модель «доверие-недоверие», как представляется, становится одним из оснований модальной модели личности как наиболее распространенного в данной социокультурной среде и конкретно-исторических условиях типа личности, воспроизводящего осознанное социальное поведение индивидов.

Специалисты описывают характер трансформационного развития современного российского общества как «гибридный», мобилизационно-модернизационный тип развития с доминированием государственно-бюрократического начала. В свете этого будущее российской государственности и модернизации связывается с реализацией модели многолинейной модернизации, основаниями которой является, во-первых, отказ от односторонней линеарной трактовки модернизации как движения в сторону западных институтов и ценностей, и во-вторых, признание конструктивной, положительной роли государства и социокультурной традиции в ходе реализации модернизационного проекта. Сам же модернизационный проект должен приобрести масштабы национальной идеи,

обеспечивающей не только мобилизацию ресурсов для решения его задач, но и заинтересованность значительной части общества в его осуществлении[451].

Представляется, что наиболее приемлемой для условий современной России является стратегия развития, ориентированная на продолжение институциональных трансформаций, поскольку сложившееся на сегодняшний день институциональное пространство российского общества является переходным по своей структуре.

Модернизационный проект, который должен приобрести масштабы национальной идеи на основе заинтересованности значительной части общества в его осуществлении, необходимо выстроить на основе восприятия общества как принципиального многообразия, а также уважения самоценности и достоинства каждого индивида.

Увеличение социального, экономического и политического многообразия должно явиться результатом формирования современных институтов, которые создавали бы баланс социальных интересов. Расширение многообразия социальных институтов как постепенное преобразование институциональной среды, очевидно, потребует длительной перестройки мышления и мировоззрения в самом гражданском обществе, тогда как власть и ее институты могут являться лишь представительством, репрезентацией тех сил и тех групп интересов, которые составляют это общество. В этом случае властные институты будут играть роль не «хозяина», а «машины» для продвижения интересов разных социальных слоев и групп и решения тех проблем, которые возникают в самом обществе.

Что касается конструктивной, положительной роли государства в ходе реализации модернизационного проекта, то речь должна идти о признании активной роли государства как субъекта контроля за процессами институциональной трансформации с целью удовлетворения ожиданий

---

[451] *Лубский Р.А.* Российская государственность как социальная реальность: методология многомерного исследования, типы, специфика развития: дис. … д-ра. филос. наук: 09.00.11 / Лубский Роман Анатольевич; Ростов н/Д, 2015. С. 346.

широких масс населения, внесения перераспределительного начала в рыночную экономику, с тем чтобы сделать ее социально ориентированной, заложить основы взаимной ответственности и доверия между гражданами, бизнес-элитой и государством. Речь должна идти и об усилении политической воли государства в борьбе с таким социальным злом, как коррупция.

В таких условиях наиболее приемлемой для современного российского общества является стратегия, ориентированная как на продолжение институциональных трансформаций, так и на развитие среды гражданского общества.

То, что в российском гражданском обществе наличествует тенденция развития форм гражданского активизма, подтверждают эмпирические данные: с 2005 по 2012 гг. «существенно, почти в два раза (с 25% до 45%), выросло число тех, кто заявил, что участвует в политической жизни, исходя не из своих частных интересов и даже не в пику властям, а руководствуясь идеями и ценностями общего блага – изменить жизнь к лучшему в масштабах своего города, поселка, страны в целом»[452].

Восстановление социальных связей между людьми, являющееся основой социальной самоорганизации, по оценкам специалистов, – это феномен современных социальных реалий. «В отличие от кризиса 90-х, когда все были разобщены, сейчас, пусть и при помощи социальных сетей, связи между людьми стали восстанавливаться. Люди начинают объединяться по интересам, так легче выжить»[453]. Факты свидетельствуют о том, что бюджет российских благотворительных фондов, несмотря на кризис, по данным на 1 июня 2015 г.,

---

[452] *Петухов В.В.* Демократия и участие: новые вызовы // Свободная мысль. 2013. № 2. С. 115-131.

[453] Общество без «жвачки». Михаил Решетников об агрессии и интеллигентности. [Электронный ресурс]. Режим доступа: //http:eeip.ru/act/nauchnaja-i-megdunar/.../208-2016-03-17-11-22-30.html. (дата обращения: 27.03.2016).

увеличился, и это произошло за счет роста пожертвований от физических лиц[454].

Исследуя основные направления гражданского активизма в России, некоторые специалисты типологизируют «конструктивные» и «протестные» движения и считают, что и те, и другие выступают в качестве ресурса для изменения социальных практик и институтов благодаря, во-первых, способности «оказывать влияние на существующие системы правил, реализованные в практиках и институтах, и во-вторых, «через их способность создавать сети сообщества»[455].

Другие авторы делают вывод, что, «несмотря на зримый всплеск в 2010 – 2013 гг., организованный гражданский активизм характерен для очень ограниченной социальной страты». При этом в качестве более предпочитаемых россиянами выделяются формы общественной самоорганизации, связанные с «социально значимыми проектами», и менее предпочитаемых – формы «политического активизма»[456].

Тем не менее, специалисты сходятся во мнении, что базу социальной активности составляют идеи и ценности общего блага. Такого рода гражданские формы – «движения одного требования», экологи, защитники архитектурного наследия, волонтерство, благотворительные фонды, гражданские инициативы и прочие, в формировании которых часто задействованы сетевые ресурсы, связаны с доверием и недоверием.

В таких условиях российский модернизационный проект должен выстраиваться на основе восприятия общества как принципиального многообразия и возможностей его развития в следующих направлениях. Во-

---

[454] Благотворительные фонды в кризис стали получать больше пожертвований от физлиц. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://tass.ru/obschestvo/2010717. (дата обращения: 27.03.2016).

[455] *Климов И.А.* Конструктивные и протестные движения как ресурс для изменения социальных практик и институтов // Журнал исследований социальной политики. 2014. Т. 12. № 2. С. 201.

[456] *Петухов В.В.* Гражданский активизм в России: мотивация, ценности и формы участия / В.В. Петухов, Р.Э. Бараш, Н.Н. Седова, Р.В. Петухов // Власть. 2014. № 9. С. 11.

первых, это продолжение трансформаций традиционных социально-политических институтов в русле преодоления их консерватизма и формирования своевременной и адекватной реакции на требования гражданского общества. Во-вторых, это расширение среды гражданского общества за счет разнообразных выступающих в роли альтернатив традиционным институтам внеинституциональных форм общественной самоорганизации, их легитимация и превращение в самостоятельные институциональные формы. Это означает, что основанные на ментальных установках репертуары социальных действий и взаимодействий приобретают институциональный характер.

В рамках некоторых форм общественной самоорганизации недоверие, укоренившееся в социальных практиках, является предпосылкой для институционализации доверия. К примеру, в формате появившегося движения обманутых пайщиков и дольщиков жилищного строительства было выдвинуто требование – либо запретить практики долевого строительства, либо возвести в правовую норму права и законные интересы дольщиков. С 2004 г. привлечение денежных средств граждан и юридических лиц для долевого строительства жилых домов и других объектов недвижимости, а также возникновение у участников процесса права собственности на эти объекты регулируются Федеральным законом. В законе установлены гарантии защиты прав, законных интересов и имущества соинвесторов также в случае банкротства застройщика[457]. В 2016 г. введена уголовная ответственность за обман

[457] Федеральный закон от 30.12.2004 г. № 214-ФЗ (ред. от 13.07.2015) «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2015). [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51038/. (дата обращения: 04.05.2016).

дольщиков и были внесены поправки в соответствующие законодательные акты[458].

Еще один пример, связанный с институционализацией доверия как социальных практик. Ученые НИУ «Высшая школы экономики», изучающие организационные паттерны волонтерства, считают, что волонтерские организации, изначально базирующиеся на принципах солидарного участия, когда люди по зову сердца объединяются для решения насущных общественных задач, все больше превращаются в бюрократизированные структуры с жестким иерархическим управлением. Эта трансформация является социальным следствием социокультурных изменений, происходящих в современных обществах. В условиях индивидуализации и плюрализации жизни западноевропейских обществ, когда отдельные индивиды «высвобождались» из-под давления классовых, религиозных, идеологических и гендерных правил, это повлияло на установки волонтерского участия таким образом, что идеалистические мотивы и установки отчасти сменились рационалистическими и прагматическими, и ориентация на других уступила место ориентации на себя. Общественные типы волонтерства начали постепенно разрушаться. Организационные паттерны волонтерства становятся все более формализованными и институционально заданными. К примеру, в Германии существуют специальные агентства и центры, занимающиеся подбором, подготовкой и организацией труда волонтеров. Некоммерческие организации, работающие с волонтерами-добровольцами, все чаще имеют иерархическую структуру[459].

---

[458] Федеральный закон от 1.05.2016 г. № 139-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления уголовной ответственности за нарушение требований законодательства об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и (или) иных объектов недвижимости». [Электронный ресурс]. Режим доступа:: //http://www.garant.ru/hotlaw/federal/722944/. (дата обращения: 04.05.2016).

[459] *Гринкевич В.В.* Волонтерские организации превращаются в бюрократические структуры. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://iq.hse.ru/news/177663905.html. (дата обращения: 04.05.2016).

По оценкам специалистов, похожие изменения происходят и в России, где также появляются волонтерские агентства, заключающие договора с добровольцами, а крупные волонтерские центры используют методы профессионального управления. Социальное волонтерство и в Германии, и в России чаще всего инициируется государством. Но в Германии волонтерские организации включены в плотную институциональную среду. Волонтерство определяется законом как «практическая вспомогательная деятельность» и организуется на принципах полной занятости в срок от полугода до года. Волонтерские агентства выполняют функции исполнителей госпрограмм и посредников между волонтерами и принимающей организацией. Отношения между волонтером и волонтерской организацией формализованы и задаются институционально. Формальная сторона дела – договорные отношения – урегулированы законом. В сравнении с Германией, институциональная среда российского волонтерства менее плотная. Деятельность большинства волонтерских центров и агентств носит сетевой, спонтанный и нерегулярный характер. Волонтеры зачастую сообщаются с социальными организациями напрямую, без посредников. О неплотности институциональной среды говорит также слабый уровень связи волонтерских агентств с принимающими организациями и несистемность контрактных отношений. По некоторым оценкам, внедрение программного волонтерства, а также волонтерства на полный рабочий день, инициируемое некоммерческими организациями, сдерживается чиновниками социальных организаций, которые видят в волонтерских структурах угрозу собственным организационным порядкам. Специалисты делают выводы, что «недоинституционализированность» российского социального волонтерства препятствует формированию и воспроизводству «зрелых» социализированных субъектов волонтерского действия»[460].

[460] *Гринкевич В.В.* Указ соч.

Таким образом, в современном российском обществе вырабатывается механизм институционализации доверия и недоверия как социальных практик. Организационные паттерны различных форм гражданских инициатив становятся все более формализованными и институционально заданными.

Представляется, что формирующийся на основе принципов социальной справедливости и доверия своеобразный «альянс» обновленных традиционных социально-политических институтов и способных влиять на государство и взаимодействовать с ним как внеинституциональных, так и имеющих тенденцию к институционализации форм общественной самоорганизации, представляющих тренд на рост социальной солидарности и политического участия граждан, будет работать в направлении создания баланса социальных интересов. В этом отношении доверие может выступать в качестве одной из общегражданских ценностей.

В этом случае доверие будет фигурировать в числе таких выявленных исследователями составляющих нормативно-ценностной системы общества, как справедливость, свобода, гражданская солидарность, социальная защищенность, равенство всех перед законом, равенство социальных возможностей, благополучие для всех[461]. Гражданские ценности могут выступать в качестве оснований гражданского согласия и общегражданской интеграции.

В свою очередь это позволит преобразовать кентаврообразную модель «доверие-недоверие», снизив «градус» недоверия для того, чтобы достичь необходимого баланса оптимальных уровней доверия и недоверия.

Достижение этого баланса коррелируется с одним из предлагаемых специалистами ориентиров развития современного общества. Это возникающее в современном мире «информационно-когниционное» (лат.cognitio – познание, понимание, признание, признавание как процесс) или «понимающее» общество, основанное «не только на знаниях, но и на доверительном

[461] *Горшков М.К.* Общественные неравенства как объект социологического анализа // Социс. 2014. № 7. С. 30.

понимании друг друга людьми, взаимопонимании между социокультурными стратами»[462]. Этот тип общества может выступить одним из возможных ориентиров трансформационных изменений в современном российском обществе.

***

Представления об институтах в рамках синтеза нормативной и когнитивной концепций социальных институтов, а также неоинституционального деятельностного подхода дают основания рассматривать институционализацию доверия и недоверия как социальных практик в качестве процесса превращения институтов как норм в институты как когнитивные образования, непосредственно обуславливающие доверие и недоверие как социальные практики. Устойчивые неформальные институты как нормы превращаются в институты как когнитивные образования путем прохождения интернализации в процессе социальных интеракций. В результате экстернализации ментальные установки становятся основаниями репертуаров социальных действий, трансформирующих старые или порождающих новые элементы социального порядка, в том числе институциональную среду.

Институционализация доверия и недоверия как социальных практик осуществляется в ходе неформальных институциональных практик, подкрепляемых формальными нормативными ограничениями. Когнитивные институты, представляя собой ментальные установки, обуславливают как формальную, так и неформальную институционализацию доверия и недоверия как социальных практик. При этом неосознанные структуры ментальных установок, действующие на микроуровне, лежат в основе повседневных, многократно повторяющихся и опривыченных социальных практик микросоциального уровня. Осознанные структуры ментальных установок

[462] *Лапин Н.И.* Дистанции между модернизированностью макрорегионов и этапы интегрирующей модернизации в России // Социологические исследования. 2015. № 3. С. 54.

определяют доверие и недоверие как социальные практики на макросоциальном уровне.

Доверие и недоверие характеризуются ангажированностью/ «вовлеченностью», обусловленной сознательно выбираемой социальной позицией на микро- и макросоциальном уровне социального взаимодействия.

На микросоциальном уровне доверие ангажировано в сетевых структурах с небольшим радиусом отношений (семейных, клановых, дружеских), связанных с повседневными неформальными практиками использования личных контактов для получения доступа к ресурсам, связанным с социальными институтами образования, здравоохранения и другими, направленными на решение задач, формирующих траекторию жизненного пути индивида.

На макросоциальном уровне, в ситуации преобладания комплекса неблагоприятных внутренних и внешних социально-экономических и социально-политических факторов в современном российском обществе доминирует высокое персонифицированное доверие к первому лицу государства, а также институциональное доверие по отношению к таким институтам, как церковь и армия.

В отношении наличия высокого институционального доверия к первому лицу государства доверие такого рода является ангажированным, во-первых, как проекция сакрального, традиционного, мифологизированного отношения к власти, во-вторых, под влиянием социального статуса, высшей социальной позиции; в-третьих, как свидетельство отсутствия альтернативного выбора. Высокое доверие к церкви, во-первых, является свидетельством относительной «нейтральности» этого института; во-вторых, православие предстает в числе возможных объединительных национальных идей; в-третьих, церковь остается носителем связанных с доверием высоких моральных смыслов и ценностей. Однако в отношении к церкви просматривается структура двоемыслия («атеизм на деле» и «безбожие в помыслах и делах»), и доверие к ней отчасти является замещением фрустрирующего социального опыта. Доверие к оккультным

практикам, обращение людей к мистике, сектантству также «замещает» недоверие к большинству социальных институтов, и церкви, в том числе. Наиболее существенный с 2012 г. рост доверия еще к одному институту – армии подкрепляется, во-первых, «отголосками» патриотизма советских времен; во-вторых, формальными нормами со стороны государства; в-третьих, «всплеском патриотизма» на волне «посткрымского консенсуса» и военных успехов последнего времени.

Барьеры для институционализации доверия как социальной практики в отношении других формальных государственных институтов, таких как судебная система, полиция, муниципальные органы, задаются недоверием, обусловленным фактом наличия негативного опыта взаимодействия граждан с большинством этих институтов.

Ангажированность недоверия обуславливается также возрастающей потребностью в безопасности и обеспечении социального порядка. В этой ипостаси недоверие выступает, с одной стороны, в качестве блокиратора опасности нарушения доверия, с другой – в качестве своеобразного гаранта безопасности. Общество, будучи априори уверенным, что социальный порядок может быть нарушен, заранее блокирует возможности этого нарушения и конструирует формализованные и институционализированные структуры, поддерживающие социальный порядок и обеспечивающие безопасность граждан. К ним относятся: процедурные и документальные формы-фильтры, институционализированные формы, а также специализированные институты легального недоверия и насилия. Но функционирование этих структур усиливает социальную тревожность и недоверие в обществе. Кроме формализованных, усиливают недоверие также приближенные к нему, но строго не фиксируемые, замещающие продуктивную социально-практическую деятельность формы и методы имитации, среди которых - демагогия, фальсификация, провокация, профанация, манипулирование общественным сознанием и поведением людей, иллюзии, перформанс, а также социальная мимикрия и откровенная ложь.

Процессы институционализации доверия и недоверия как социальных практик в последние десятилетия повлекли за собой ряд социальных последствий в современном российском обществе. Низкий уровень доверия абсолютному большинству институтов (и в частности политическим) свидетельствует о наличии очень высокой отчужденности людей от политики и недоверия к ней. Однако такое внутреннее негативное отношение сочетается с внешним лояльным поведением, являющимся результатом нормативной рационалистической установки на доверие («не высовываться» «не противоречить власти»), перенесенной из советских времен. Такой активный перенос, удержание и консервирование социальных практик объясняется консервативной институциональной средой.

Внутреннее недоверие к большинству социальных институтов в сочетании с внешним церемониальным доверием образуют своеобразную кентаврообразную модель «доверие-недоверие», в которой под симулякрами доверия скрывается недоверие, имитирующее доверие. В рамках этой кентаврообразной модели признаки доверия и недоверия не являются принципиально дифференцированными, они взаимодействуют, сочетаются и взаимопроникают друг в друга таким образом, что их трудно разграничить. Порожденные в результате этого взаимодействия симулятивные формы квази- и псевдодоверия пытаются совместить сущности и доверия, и недоверия, решая задачи социального маневрирования, приспособления к сложившемуся порядку господства властных институтов.

Содержание этой кентарвообразной модели преуменьшает деятельностный, коммуникативный и конструктивный функциональный потенциал доверия, что сдерживает возможности достижения стабильности и динамичности развития социальных практик, связанных с доверием. Кентаврообразная модель «доверие-недоверие» становится одним из оснований модальной модели личности как наиболее распространенного в данной социокультурной среде и конкретно-исторических условиях типа личности, воспроизводящего осознанное социальное поведение индивидов.

В таких условиях наиболее приемлемой для современного российского общества является стратегия, ориентированная, во-первых, на продолжение трансформаций традиционных социально-политических институтов в русле преодоления их консерватизма и формирования своевременной и адекватной реакции на требования гражданского общества; во-вторых, на расширение среды гражданского общества. Последнее возможно за счет увеличения разнообразных выступающих в роли альтернатив традиционным институтам внеинституциональных форм общественной самоорганизации, их легитимации и превращения в самостоятельные институциональные формы. Организационные паттерны некоторых форм гражданских инициатив становятся все более формализованными, институционально заданными и «встраиваются» в плотную институциональную структуру. Это означает, что вырабатывается механизм институционализации доверия и недоверия как социальных практик.

Формирующийся на принципах социальной справедливости и доверия своеобразный «альянс» обновленных традиционных социально-политических институтов и способных влиять на государство и взаимодействовать с ним форм общественной самоорганизации, представляющих тренд на рост гражданского активизма, социальной солидарности и политического участия граждан, будет работать в направлении создания баланса социальных интересов. В этом отношении доверие может выступать в качестве одной из гражданских ценностей как основания общегражданского согласия и интеграции. В свою очередь это позволит преобразовать кентаврообразную модель «доверие – недоверие», снизив «градус» недоверия, для того чтобы достичь необходимого баланса оптимальных уровней доверия и недоверия.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Современное общество потребления возводит в фетиш материальные блага, оставляя духовным ценностям и ориентирам вспомогательные роли. Выхолащивание и оскудение духовного мира отнюдь не способствует формированию полноценной человеческой личности, отчуждает ее от подлинно человеческого бытия, в основе которого лежат духовные блага. В условиях глобального кризиса духовных доминант человеческого существования, нравственных, культурных и гуманистических «внутренних» регуляторов человеческих взаимоотношений актуализируется научный дискурс о доверии и недоверии как их составляющих.

Проблема доверия и недоверия, актуализированная в российском социально-гуманитарном знании, имеет дисциплинарно-фрагментарный характер и обусловлена методологическими предпочтениями исследователей. Обращение к исследовательским результатам отдельных наук по данной проблематике позволяет отметить недостаток социально-философских исследований доверия и недоверия вообще, недоверия в частности и отсутствие исследований доверия и недоверия как социальных практик. Социально-философское осмысление этих феноменов в рамках методологии междисциплинарности и трансдисциплинарности только начинается. В работе предпринята попытка восполнить этот недостаток.

Предметом настоящего исследования являются доверие и недоверие как социальные практики, методология их социально-философского исследования и российская специфика. Изучение темы позволяет понять роль доверия и недоверия как социально-практических феноменов, выступающих связующим звеном между индивидуумом и социальным миром в целом. Разработка социально-философской концепции доверия и недоверия как целостного явления социальных практик в рамках методологии трансдисциплинарного научного исследования позволяет рассматривать их, с одной стороны, как ментальные установки, которые предстают медиатором между социальной

средой и социальными практиками; с другой стороны, непосредственно как социальные практики, обусловленные этими ментальными установками. В этом ракурсе трансформация доверия и недоверия как социальных практик в российском обществе исследуется с позиций экзогенных и эндогенных факторов, то есть обусловленная институциональной средой и ментальными установками.

Этому выводу предшествовал подробный анализ многочисленных аспектов в теоретическом изучении данной проблемы, что отразилось в полученных научных результатах.

Прежде всего, в работе исследована дисциплинарная специфика рассмотрения доверия и недоверия в современном российском обществе. На основании предварительного концептуального анализа различных исследовательских подходов, синтезирующих представления о сущности доверия и недоверия, сделан вывод, что доверие и недоверие как ментальные установки и социальные практики российского общества еще не выступали предметом социально-философского осмысления, предполагающего их рассмотрение как целостной социальной реальности. Такое социально-философское осмысление предполагает разработку методологического конструкта трансдисциплинарного научного исследования доверия и недоверия в российском обществе на основе принципа синкретизма. Основанием разработки методологического конструкта трансдисциплинарного исследования доверия и недоверия как социальной реальности в работе явились принципы неоклассической модели научного исследования, когнитивная стратегия которой направлена на синтезирование результатов научных исследований на метатеоретическом уровне.

В рамках такого методологического конструкта предложена концептуальная категория, синтезирующая представления о сущности доверия и недоверия. Доверие и недоверие синкретически рассматриваются как ментальные установки, обуславливающие доверие и недоверие как социальные практики. При этом доверие и недоверие как ментальные установки выполняют

функцию когнитивного медиатора между институциональной средой и социальными практиками. Благодаря этому медиатору институты как нормы превращаются в когнитивные образования, обуславливающие доверие и недоверие как социальные практики, представляющие собой репертуары социальных действий и взаимодействий.

Таким образом, доверие и недоверие как социальные практики определяются как репертуары социальных действий и взаимодействий, обусловленные экзогенными (институциональной средой) и эндогенными факторами (ментальными установками индивидов и социальных групп).

Обосновано, что структуру доверия и недоверия составляет совокупность таких компонентов и признаков, как эмоционально-нравственный, когнитивный, коммуникативный, поведенческий/деятельностный, ценностный, образующих доверие совместно с недоверием как целостное многомерное и многофункциональное явление социальных практик. Эмоционально-нравственный компонент доверия (недоверия) основан на таком признаке, как вера в совершенство (несовершенство) человека, социальных институтов и социальных систем, в преобладание их позитивных (отрицательных) качеств. Когнитивный компонент характеризует доверие с точки зрения знания о надежности и безопасности ситуации и/или объекта доверия и уверенность в этом; недоверие – как знание о надежности и безопасности ситуации и/или объекта доверия, как негативную (защитную) уверенность, или скептицизм. Коммуникативный и поведенческий/деятельностный компоненты аксиологически и праксиологически обусловлены, позволяют понять механизм формирования/разрушения доверия и недоверия. Ценностный компонент системы доверия связывает индивида и общество, поскольку ценностные ориентации принадлежат индивиду, а система ценностей – социальной группе или обществу в целом. Будучи целостным социальным явлением, доверие и недоверие выполняют в социальных практиках деятельностную, коммуникативную и конструктивную социальные функции. Социальные

практики в данном контексте определяются как репертуары совершаемых субъектами социальных действий и взаимодействий, обеспечивающие устойчивое функционирование либо трансформацию социальных институтов и порождающие новые социальные институты.

Установлено, что трансформация доверия и недоверия как социальных практик может рассматриваться как преобразование доверия и недоверия как ментальных установок, обуславливающих доверие и недоверие как социальные практики, которые являются частью трансформационной структуры общества, включающей в себя как устойчивые базовые институциональные структуры, так и систему социальных субъектов, структурирующих гражданское общество. Поскольку социальные практики как репертуары социальных действий и взаимодействий трансформируются в условиях нелинейной социокультурной динамики сложного общества и напряжения социального пространства, то в трансформационной социальной структуре имеются основания для воспроизводства и доверия, и недоверия.

Концептуальный анализ показал, что трансформация доверия и недоверия как социальных практик связана, с одной стороны, с изменениями в институциональной среде, с другой – охватывает систему социальных субъектов и их ментальных установок. Поэтому выделено две группы факторов – экзогенные и эндогенные. Установлено, что экзогенные факторы являются частью объективных социальных условий, зависящих от состояния российского социума, характеризующегося стихийностью, слабой управляемостью и предсказуемостью конечных результатов. К числу экзогенных факторов отнесены социальное неравенство по целому ряду значимых социальных показателей, степень полезности и эффективности социальных институтов, воздействие СМИ. Показано, что экзогенные факторы оказывают влияние на доверие и недоверие как социальные практики опосредованно, через ментальные программы индивидов, которые можно рассматривать в качестве эндогенных факторов. К экзогенным факторам отнесены присущие определенному этапу развития российского общества, связанные с

индивидуальным и общественным сознанием, выступающие в комплексе ментальные поведенческие программы, когниции и ценностно-нормативная система, находящие выражение, прежде всего, в ментальных установках. Доверие и недоверие как ментальные установки являются когнитивным медиатором между институциональной средой и социальными практиками. Показано, что под влиянием эндогенных факторов доверие и недоверие в социальных практиках российского общества приобретают такие характеристики, как неоднозначная (вариативная) социально-смысловая наполненность; асимметричность; фрагментарность, ситуативность и размытость компонент. Результатом воздействия экзогенных и эндогенных факторов является антиномия доверия и недоверия, являющаяся составной частью антиномий общественного сознания и социальных практик. В авторском определении, антиномия доверия и недоверия есть реально существующая коллизия, в которой доверие и недоверие, с одной стороны, противоречат друг другу, с другой – находятся в синкретическом единстве в конкретных социальных условиях и ситуациях.

В исследовании установлены теоретико – методологические проблемы изучения доверия и недоверия как ментальных установок, показана их трансформация от советского к постсоветскому обществу и выявлена специфика доверия и недоверия как ментальных установок в современном российском обществе.

Отмечается, что доверие, формируясь на этапе первичной социализации в раннем детском возрасте в качестве установки, то есть неосознанной предрасположенности и осознанной готовности субъекта к действию, на завершающем этапе первичной социализации диффузирует в доверие и недоверие как ментальную установку, обуславливающую социальные практики. Доверие и недоверие как ментальная установка, обуславливая социальные практики, определяет стратегию поведения индивидов и социальных групп на микро- и макроуровне социального взаимодействия. В условиях информационного общества создаются новые возможности для

моделирования доверия и недоверия. Появляются новые формы псевдодоверительных отношений – виртуальное доверие и медиадоверие, в которых размывается коммуникативная идентичность как новое социальное качество личности в коммуникативном обществе, что осложняет процесс социализации. Соответственно осложняется и формирование доверия.

Показано, что на макросоциальном уровне в российском обществе доминирует недоверие, связанное с разными формами отчуждения. Отчуждение сохранилось с советских времен и трансформировалось в постсоветском обществе, включая признаки западных видов отчуждения, привнесённые в процессе рыночных реформ, становления общества потребления и медиатизации. Выявляется двухсторонняя связь между отчуждением и доверием и недоверием как ментальными установками. С одной стороны, отчуждение выступает социокультурной причиной существования недоверия. С другой стороны, одной из причин отчуждения выступает деформация доверия и недоверия как ментальных установок, обуславливающих социальные практики, которые, во-первых, были перенесены из советской в постсоветскую социальную реальность и адаптированы к ней, во-вторых, появились в современном российском обществе.

Установлено, что истоки формирования доверия и недоверия как ментальных установок в современном российском обществе закладывались в советском прошлом, где доверие и недоверие как ментальная установка раздваивалась, разделялась на две части и выступала в форме дихотомии «доверие-недоверие». В рамках этой дихотомии доверие и недоверие находились примерено в равном соотношении, являлись относительно самостоятельными установками, порождаемыми детерминантами экономического, геополитического, идеологического, психологического и социокультурного характера. В числе экономических детерминант обозначено, в частности, экономическое отставание СССР, вызванное, в том числе, причинами геополитического характера; в числе идеологических детерминант – ведущие идеологемы – антитезы советских времен «советский патриотизм-

образ врага», а также «уверенность в завтрашнем дне»; психологических и социокультурных детерминант – дихотомия «свой - чужой», порождающая антиномии социальных взаимодействий, когда двоемыслие, сочетание формального и неформального, демонстративного и практического поведения возводятся в социальную норму. Наиболее значимым социокультурным детерминантом, формирующим основания недоверия, является отчуждение в различных его формах. В итоге, получили распространение «неподлинные», неискренние, обманные формы – «псевдодоверие» и «псевдонедоверие» как суррогаты, замещающие доверие формами «помощи», «услуги» и обесценивающие эмоционально-нравственные доминанты «подлинного» доверия.

В современном российском обществе дихотомия «доверие – недоверие» имеет свою специфику, заключающуюся в том, что в ее содержании недоверие обладает дезинтеграционным потенциалом, обусловленным сегментированностью, распадом социума на отдельные пространственно-временные анклавы, разнонаправленностью и несовпадением социальных процессов, происходящих в них. Необходимость его преодоления предполагает формирование доверия как общей ментальной установки, являющейся основой консолидации российского общества. В условиях усиливающихся отчуждения и недоверия остро стоит проблема доверия. Возможные перспективы роста доверия задаются несколькими основаниями, среди которых: все еще сохраняющееся на основе признаков солидарности и общих моральных ориентиров (общественной полезности, сопричастности к общему делу, духа коллективизма) мировоззренческое единство; актуализация социального запроса на справедливое и разумно устроенное общество; формирование «креативного класса» и социальной группы «самодостаточные россияне», способных стать социальной опорой для стабильного и устойчивого развития общества, выполнить функцию социальной поддержки модернизации и повысить «градус» доверия на всех его уровнях; возможность консолидации общества вокруг властных институтов из-за усиления внешней угрозы и

внешнеполитического кризиса; рост ценностей микроуровня, постепенно завоевывающих позиции основания общественной ценностно-нормативной системы. С другой стороны, можно предположить, что в экономических условиях западных санкций, спада экономики, раскручивания инфляции и других негативных социально-экономических факторов будет расти недоверие, поскольку доминирование в числе ценностей простейших, базовых для стабильного выживания, потребностей характеризует рост пессимизма социальных настроений и установок россиян.

В исследовании показано, что институционализация доверия и недоверия как социальных практик может рассматриваться как процесс превращения институтов как норм в институты как когнитивные образования, непосредственно обуславливающие доверие и недоверие как социальные практики. Устойчивые неформальные институты как нормы превращаются в институты как когнитивные образования путем прохождения интернализации в процессе социальных интеракций. В результате экстернализации ментальные установки становятся основаниями репертуаров социальных действий, которые трансформируют старые или порождают новые элементы социального порядка, в том числе институциональную среду.

Институционализация доверия и недоверия как социальных практик осуществляется в ходе неформальных институциональных практик, подкрепляемых формальными нормативными ограничениями. Когнитивные институты, представляя собой ментальные установки, обуславливают как формальную, так и неформальную институционализацию доверия и недоверия как социальных практик. При этом неосознанные структуры ментальных установок, действующие на микроуровне, лежат в основе повседневных, многократно повторяющихся и опривыченных социальных практик микросоциального уровня. Осознанные структуры ментальных установок определяют доверие и недоверие как социальные практики на макросоциальном уровне.

Установлено, что институционализация доверия и недоверия как социальных практик в российском обществе носит ангажированный характер, обусловленный сознательно выбранной социальной позицией на микро- и макросоциальном уровне социального взаимодействия.

На микросоциальном уровне реальные ресурсы доверия и, соответственно, ресурсную базу социального капитала в современном российском обществе составляют сетевые структуры с небольшим радиусом отношений (семейные, клановые, дружеские), а также некоторые персонализированные институты как олицетворение статусно-ролевых контактов. На макросоциальном уровне ангажировано высокое персонифицированное доверие к первому лицу государства, а также институциональное доверие по отношению к таким институтам, как церковь и армия. По отношению к другим формальным государственным институтам (судам, полиции, муниципальным органам) ангажировано недоверие, что обусловлено фактом наличия негативного опыта взаимодействия граждан с этими институтами.

Ангажированность недоверия обусловлена также возрастающей потребностью в безопасности и обеспечении социального порядка. В этой ипостаси недоверие выступает, с одной стороны, в качестве блокиратора опасности нарушения доверия, с другой – в качестве своеобразного гаранта безопасности. Общество, будучи априори уверенным, что социальный порядок может быть нарушен, заранее блокирует возможности этого нарушения и конструирует, во-первых, формализованные и институционализированные структуры, поддерживающие социальный порядок и обеспечивающие безопасность граждан; во-вторых, строго не фиксируемые, замещающие продуктивную социально-практическую деятельность и приближенные к недоверию формы и методы, связанные с имитацией деятельности в таких ее проявлениях, как демагогия, фальсификация, провокация, профанация, манипулирование общественным сознанием и поведением людей, иллюзии, перформанс. Но существование данных структур, использование этих форм и

методов усиливает социальную тревожность и недоверие в российском обществе.

Низкий уровень доверия абсолютному большинству институтов, и в частности политическим институтам в современном российском обществе, свидетельствует о наличии очень высокой отчужденности людей от политики и недоверия к ней. Однако такое внутреннее негативное отношение сочетается с внешним лояльным поведением как свидетельством наличия внешнего церемониального (декларативного) доверия, являющегося результатом нормативной установки на доверие («не высовываться», «не противоречить власти»), перенесенной из социальных практик советского времени. Такой активный перенос, удержание и консервирование социальных практик объясняется консервативной институциональной средой. Большинство институтов организации власти и ее опорных структур остаются неподконтрольными обществу, очень медленно трансформируются и при всех своих внешних модификациях сохраняют в большой степени советскую основу, воспроизводя многие исторические и национальные установки советских времен. Механизмы установления ответственности власти перед гражданским обществом по-прежнему реально отсутствуют.

Показано, что в таких условиях процессы институционализации доверия и недоверия как социальных практик повлекли за собой ряд социальных последствий в современном российском обществе. Одним из них является формирование кентаврообразной модели «доверие-недоверие», в которой под симулякрами доверия скрывается недоверие, его имитирующее. В рамках этой модели признаки доверия и недоверия не являются принципиально дифференцированными, они взаимодействуют, сочетаются и взаимопроникают друг в друга таким образом, что их трудно разграничить. Порожденные в результате симулятивные формы квази- и псевдодоверия пытаются совместить сущности и доверия, и недоверия, решая таким образом задачи социального маневрирования и приспособления к сложившемуся порядку господства властных институтов. Содержание этой кентарвообразной модели «доверие-

недоверие» приуменьшает деятельностный, коммуникативный и конструктивный потенциал доверия, что сдерживает возможности достижения стабильности и динамичности развития социальных практик, связанных с доверием. Кентаврообразная модель «доверие-недоверие» предстает в качестве одного из оснований модальной модели личности как наиболее распространенного в данной социокультурной среде и в конкретно-исторических условиях типа личности, воспроизводящего осознанное социальное поведение индивидов.

В таких условиях наиболее приемлемой для современного российского общества является стратегия, ориентированная на трансформацию социально-политических институтов в русле преодоления их консерватизма. В то же время модернизационный проект необходимо выстроить на основе восприятия общества как принципиального многообразия, что требует расширения среды гражданского общества за счет развития внеинституциональных форм общественной самоорганизации («движения одного требования», волонтёрство, движения экологов и защитников архитектурного наследия, гражданские инициативы и пр., в формировании которых часто задействованы сетевые ресурсы). Организационные паттерны некоторых форм гражданских инициатив становятся все более формализованными, легитимизируются, превращаются в самостоятельные институциональные формы и «встраиваются» в институциональную среду. Это означает, что в современном российском обществе вырабатывается механизм институционализации доверия и недоверия как социальных практик. Формирующийся на основе принципов социальной справедливости и доверия своеобразный «альянс» обновленных традиционных социально-политических институтов и способных влиять на государство и взаимодействовать с ним внеинституциональных форм общественной самоорганизации, представляющих тренд на рост социальной солидарности и политического участия граждан, будет работать в направлении создания баланса социальных интересов.

В этом отношении доверие может предстать в качестве одной из гражданских ценностей как основания общегражданского согласия и интеграции. Это позволит преобразовать кентаврообразную модель «доверие-недоверие», снизив «градус» недоверия, для того чтобы достичь необходимого баланса оптимальных уровней доверия и недоверия.

Достижение этого баланса перспективно при разработке и практическом внедрении гуманитарных технологий, влияющих на разноскоростную динамику внутренних компонент доверия и недоверия. В данной связи можно заключить, что доверие и недоверие в контексте своего социально-практического содержания имеют перспективу и в будущем оставаться актуальной проблемой социально-философских исследований.

Ирина Васильевна Глушко

ДОВЕРИЕ И НЕДОВЕРИЕ

КАК СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА